

WWW.ROPNET.RU/OGONYOK
ОГОНЕК
21 / 4749 / МАЙ 2002 / ISSN 0131-0097

В НОМЕРЕ

Аркадий АРКАНОВ

Сергей ДЯГИЛЕВ

Зинаида ШАРКО

японская мода

посол ирландский

ВОЖДЬ
ОЛИГАРХОВ
аркадий
ВОЛЬСКИЙ
на службе и дома

шапка — приют усталого ума

4 603747 000010

ФОТО АЛЕКСАНДР ДЖУС, ВЛАДИМИР ПЕРСИЯНОВ (СОВБЕДНИК)

Прежде чем говорить о впечатлении, которое произвело на человечество в целом и на меня лично спутниковое телевидение, хочу заметить, что появление спутников и как следствие науки космонавтики — достижение, равного которому нет и не было в мире. Появление спутников связи, с помощью которых стало можно ретранслировать телепрограммы на 10 — 15 тысяч километров, перевернуло человеческое сознание. Вдруг у каждого из счастливых обладателей телеприемников появилась дополнительная возможность — смотреть то, что хочешь. Кстати, лично я до сих пор спутниковой антенной не обзавелся. Но отсутствие в моем доме этого, безусловно знакового, явления на-

шего времени не означает, что я им пренебрегаю. Напротив, как я только узнал, что есть такие штуки — «тарелки», — прикрутить ее на собственном балконе стало заветным моим желанием. Просто руки пока не доходят. Но сейчас, формулируя, что есть спутниковое телевидение, я понял для себя, что это не просто удобство или обязательный показательный атрибут состоятельных людей, нет, наличие спутниковых антенн (а их в нашей стране становится все больше и больше, буквально как грибы на домах вырастают) означает наше вступление в цивилизацию. Я это всей душой приветствую и на днях поеду покупать себе «тарелку» — очень хочется примкнуть к кругу свободных и цивилизованных.

ОГОНЁК

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с 21 декабря 1899 года
№ 21 (4749) май 2002

Главные редакторы после возобновления:
М.Е. КОЛЬЦОВ, Е. ПЕТРОВ, А.А. СУРКОВ,
А.В. СОФРОНОВ, В.А. КОРОТИЧ,
Л.Н. ГУЩИН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Владимир ЧЕРНОВ
ПРИЕМНАЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: 257-3928
ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Борис МИНАЕВ, Сергей КОЗИЦКИЙ
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК Михаил РЕШЕТЬКО
ОБОЗРЕВАТЕЛИ: Дмитрий БЫКОВ, Борис ГОРДОН,
Виталий МЕЛИКСАРАМОВ, Дмитрий МИНЧЕНКО,
Евгений ПОЛОВ
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Петр ПРИБИЛОВ
СЕКРЕТАРИАТ (257-31-88):
Людмила МОРГУН, Елена ЧЕРКАСОВА

ОТДЕЛ:
СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РЕПОРТАЖА
(257-32-87): Александр НИКОНОВ (редактор
отдела), Дмитрий АКСЕНОВ, Дмитрий НАЗАРОВ
ОТДЕЛ VIP (ОЖЛ)
Людмила ЛУНИНА (редактор)
КУЛЬТУРЫ (251-03-50):
Елена КУЗЬМЕНКО (редактор отдела),
Андрей АРХАНГЕЛЬСКИЙ, Ольга ЛУНЬКОВА,
Майя ЧАПЛИГИНА
НОВОСТЕЙ (251-89-83):
Валерий ЧУМАКОВ (редактор отдела),
Кирилл ЖУРЕНКОВ
ПИСЬМА (257-36-69):
Зоя СОЛТОВА (заведующая отделом)
ФОТОИЛЛУСТРАЦИЙ (257-32-49):
Наталья УДАРЦЕВА (заведующая отделом)
ФОТОГРАФЫ: Александр ДЖУС,
Юрий ФЕКЛИСТОВ, Лев ШЕРСТЕННИКОВ
ХУДОЖНИКИ: Петр БАРЕАРИНСКИЙ,
Наталья ВАСИЛЬЕВА, Глеб КАПУСТИН
БЮРО ПРОВЕРКИ: Юлия ВЛАСОВА
БЮРО ПРОИЗВОДСТВА: Стелла АКИМОВА
(зав. бюро производства)
СВОБODНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ:
Красноярск: Зоя МИЛЫМАН (3912) 43-0961
Ярославль: Павел НИКИТИН (0852) 256255
Лондон: Светлана ДУБОВИЦКАЯ

ОТДЕЛ PR: Культурные проекты 257-32-40
Галина ШЕВЕЛЕВА (заведующая отделом)
Адрес: «Огонек», Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК (095) 257-39-28.
Телефакс (095) 943-00-70. Телеграмм 112349
«Огонёк». Интернет: <http://www.gopmet.ru/ogonyok>
E-mail: ogonyok@gopmet.ru

Учредитель и издатель журнала
ООО «Издательство «Огонёкпресс»
Генеральный директор БАЙБАЗАРОВ Ю.В.
Журнал зарегистрирован Государственным
комитетом по печати РФ 10.08.2000
за ПИ № 77-5187.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ООО «Огонёкпринт»
Генеральный директор МАТЯШОВ С.В.
257-37-15 (тел.), 257-39-51 (факс)
ПОДПИСКА:
257-39-51 (тел./факс)
Подписной индекс журнала «Огонек» 70663.

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ:
257-37-77, 250-15-33 Сергей ГЛОД
E-mail: reklama@ogonyok.ru

ОТДЕЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И PR:
257-37-31, 257-32-98

Александр КАЮТЕНКО
E-mail: adv_region@ogonyok.ru

КОММЕРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ:
Тел./факс 250-24-21.

Сервисная поддержка и размещение версии
журнала в сети Интернет осуществляется
ЗАО «Ротнет». <http://www.rotnet.ru>
Телефон коммерческой службы 207-75-56.
Издание осуществляется при информационной
поддержке агентства ИТАР-ТАСС, REUTERS.
Намер подписан в печать 16.05.02.
Цена свободная. Тираж 50 000 экз.
Отпечатано в типографии ЗАО «Алмазпресс»
Материалы, помеченные знаком П,
публикуются на правах рекламы.
Мнение редакции не обязательно совпадает
с мнением авторов журнала.
Перепечатка материалов — только с разрешения
редакции.

© «ОГОНЁК» 2002

НА ОБЛОЖКЕ
ФОТО Александра БАСАЛАЕВА
НА 4-й ОБЛОЖКЕ МОДЕЛИ АГЕНТСТВА
POINT Сергей ПЕРЕБОВЕВ и Татьяна
ЯВОРСКАЯ. WWW.POINTMODEL.COM
ФОТО Александра ДЖУСА

Тема номера — Тенденция к унисексу, третьему полу

Люда Беллицкая:

«В семье на руках должен носить тот, кто больше, крупнее. Так что если тетьа больше, то она должна носить. Но от того, кто больше, не зависит, кто главнее».

Игорь Титов:

«Я думаю, в семье лучше всего живется тому, кто еще жив. Для этого мужчине никогда не надо брать в дом ни маму, ни тещу».

Ира Камынина:

«По дому больше всех делает, конечно, мама, а папа спит главным образом. Но начальник в семье все равно я: как скажу, так все и будет».

Ира Исаева:

«Когда жена готовит, а муж работает — это неправильно. Работать должны оба, а готовить должна теща, а убирать может и свекровь...»

Петр Беберт:

«Лично мне в семье живется хорошо. Я думаю, в каждой семье люди должны жить так, как им хочется. Нужно, чтобы в каждой семье жилось плохо только тараканам».

Денис Еремеев:

«Мне кажется, что мужу в семье живется легче, когда у жены тефлоновые сковородки, а не чугунные, — голова целее остается. Или если у мужа есть бронезилет и каска».

**Мы спросили детей:
«Кто в семье главный?
Кто кого должен носить на руках?
И что делать,
чтобы всем было хорошо?»**

При участии юмористического журнала «ВОВОЧКА».

Фиксировал разговорчики Петр ЯКОВЛЕВ. Фотографировал Лев ШЕРСТЕННИКОВ

В ПОМЕРЕ

16 ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ ОЛИГАРХОВ

ОТ ХРУЩЕВА ДО ЕЛЬЦИНА,
ОТ ЗИЛА ДО РСПП

Кто же он такой, Аркадий Вольский?
Президент Российского союза промышленников
и предпринимателей отвечает на наши вопросы.
Беседа Людмилы Луниной.

22

ЧУКОТКА:

ЗА ГРАНЬЮ ВОЗМОЖНОГО

В АНАДЫРЕ МИНУС ТРИДЦАТЬ.

ЗАЧЕМ Я СЮДА ПОЕХАЛ, ГОСПОДИ?..

...Абрамович губернатором на Чукотке уже полтора года. Когда его выбирали, он говорил, что людей с Чукотки надо эвакуировать «на материк». За полтора года новая администрация переселила на Большую землю три тысячи человек. И вдруг мечтавшие о «материке» стали... отказываться. Они неожиданно поверили, что при новом губернаторе Чукотка снова будет жить как прежде — сыто и счастливо. Репортаж Дмитрия Аксенова.

26

ДЖЕЙМС ШАРКИ, ПОСОЛ ИРЛАНДИИ В МОСКВЕ:

«Я ПОПАЛ СЮДА ВПЕРВЫЕ
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД.

Разница между тем, что было и стало, — невообразимая.
Другой мир. Я наконец-то понимаю, что такое русские.

Вы знаете, мы очень похожи.

Когда ирландцы встречаются с русскими,
они встречают как бы самих себя.

И мы и вы — непосредственные люди,
предпочитающие неформальное общение».

36

ЗИНАИДА ШАРКО, ЛЮБИМАЯ АКТРИСА ТОВСТОНОГОВА:

«То, что в свои годы я принадлежу театру,
а не мужьям, — замечательно!»

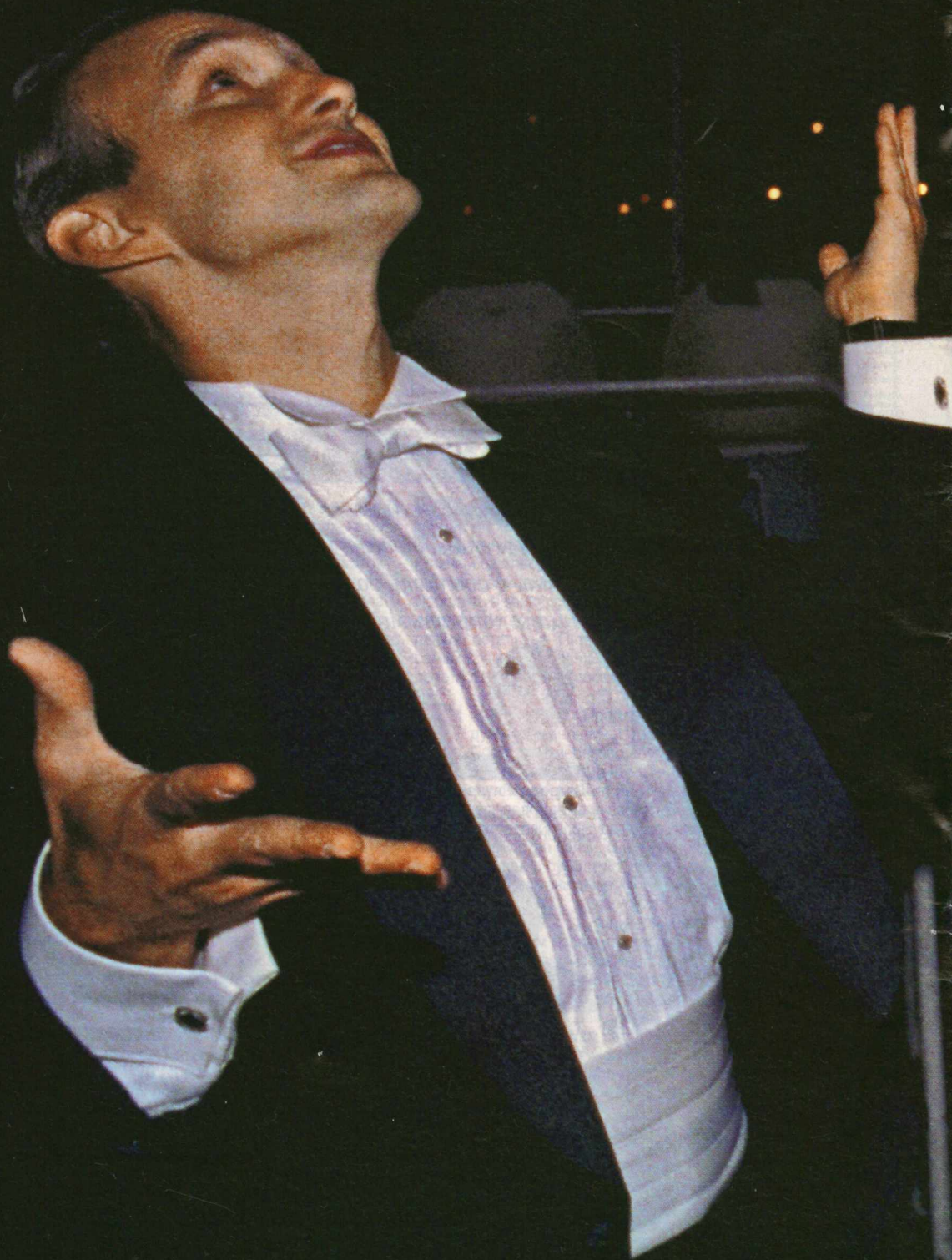
ОТ 58

ШАПКИ МОНОМАХА ДО КЕПКИ ЛУЖКОВА СОЦИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ГОЛОВНОГО УБОРА

«Настало время поговорить о появившемся знаковом головном уборе высшей элиты — пыжиковых ушанках. Где-то в шестидесятые они устроились на всех высокоответственных головах. Очень красивые и на вид сумасшедше теплые. Из пушистого коричневого меха. И более высокие нежели обычные. Малость тяготеющие к старинным боярским шапкам. Так вот эти ушанки нигде и никогда не продавались. Только распределялись».

ОГОНЁК

НАСТРОЕНИЕ НЕДЕЛИ

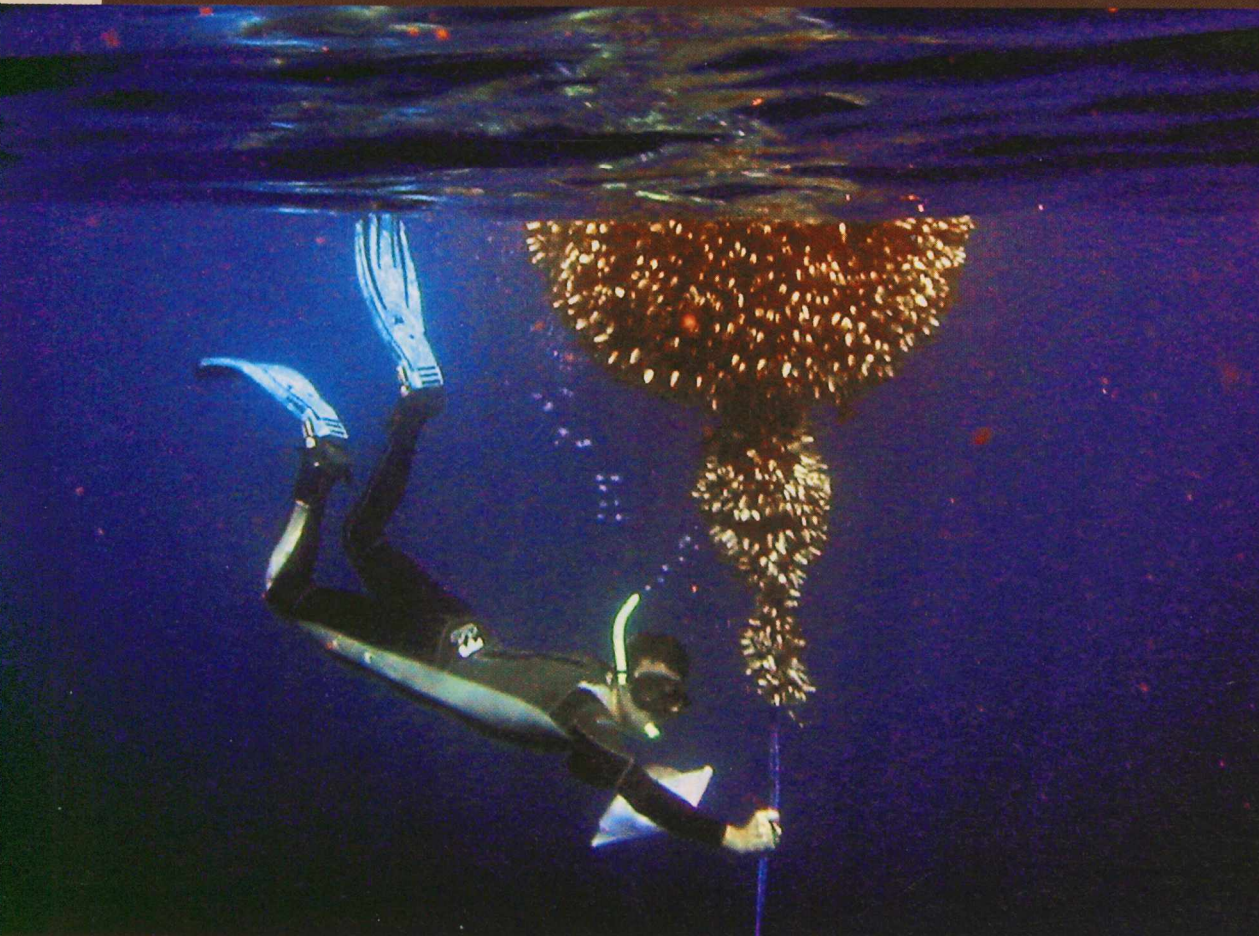

На Красную горку (то бишь на прошлой неделе) люди в России почему-то активно женятся. Откуда пошла эта народная традиция, знают только знатоки фольклора. Остальные просто знают, без фольклора: свадебные кортежи тянутся к Вечному огню и другим памятным местам столицы, как только пригреет настоящее, уже почти летнее солнце. Смесь семейных обычаев, советской помпезности, напыщенной торжественности никого из этих людей, похоже, не смущает. Они упрямо едут по одной и той же проложенной колее. Да еще и хохочут. Родиться в мае - всю жизнь будешь маяться. А жениться? Эй, чему вы так веселитесь?

ОГОНЁК ПАНОРАМА

В С Ю Д У Ж Ц З Н Ь

СВЕТИТЬ ВСЕГДА, СВЕТИТЬ ВЕЗДЕ

Австралийских ученых всерьез интересует возможность создания подводных поселений и научных станций. В рамках данного проекта исследователь Тим Демпстер предложил вариант естественного подводного освещения. Он разместил в воде множество буев, которые привлекли к себе внимание глубоководных рыб, обладающих способностью светиться. Рыбы облепили эти буи и держатся так уже несколько недель. На свой эксперимент исследователь потратил 120 тысяч американских долларов, но зато теперь вода в районе Сиднея подсвечена по ночам.

ФОТОТЕКА

ПЧЕЛЫ НА СТРАЖЕ

Американцы мобилизуют на борьбу с терроризмом даже насекомых. Ученые, работающие на Пентагон, натаскивают на взрывчатку самых обычных пчел. Эти пчелы обладают уникальными способностями, а именно: чрезвычайной чувствительностью к молекулярным воздушным «следам» и возможностью проникать в самые укромные уголки в поисках пищи. Правда, они отказываются «работать» ночью и в ненастную погоду. К тому же, по словам противников проекта, трудно представить себе рой, проверяющий багаж в аэропорту. Но ученые, работающие над проектом, убеждены, что у данной идеи очень большой потенциал. «Пчелы обнаруживают взрывчатые вещества в 99% случаев», — сообщил доктор Алан Рудольф, руководитель отдела оборонных научных программ DARPA, который наблюдает за ходом экспериментов. На пчелиное обучение Пентагоном уже потрачено 25 миллионов долларов.

ВИКТОР ГОРНЕВ

НЕ СПИ — ЗАМЕРЗНЕШЬ!

Тот, кто спит восемь часов в сутки, подвержен более высокому риску умереть в течение ближайших шести лет, чем тот, кто тратит на сон меньше времени. Даже если это «меньше» всего 5 часов. К такому выводу пришли ученые из Университета Калифорнии в Сан-Диего, проведя серию экспериментов над 1,1 миллиона людей. Оказалось, что для женщин и мужчин, которые обычно спят по десять часов, риск умереть на 41% и, соответственно, 34% выше, чем для тех, кто спит меньше. Более того, в среднем люди спят по 6,5 часа, и им вовсе не нужно тратить восемь часов на сон — это необязательно для здоровья.

НОЧНЫЕ ХИЩНИКИ

«Кроватями-убийцами» назвали эксперты американской Комиссии по безопасности товаров потребления самые обычные «взрослые» кровати, не предназначенные специально для детей. Согласно данным комиссии, только с 1999-го по 2001 год такие кровати стали причиной смерти не менее 180 детей в США. Малыши попадали в щели между кроватью и стеной, застревали в спинках, задыхались в подушках и одеялах, были искалечены другими людьми, спящими там же. «Мы предупреждаем, что обычные меры вроде придвигания кровати к стене или обкладывания краев подушками не защищают детей», — заявил председатель комиссии Томас Мур. Представители этой организации теперь станут присутствовать в мебельных магазинах в качестве консультантов по безопасности кроватей, а в инструкцию по пользованию кроватями будет добавлена специальная глава с соответствующим предупреждением.

REUTERS

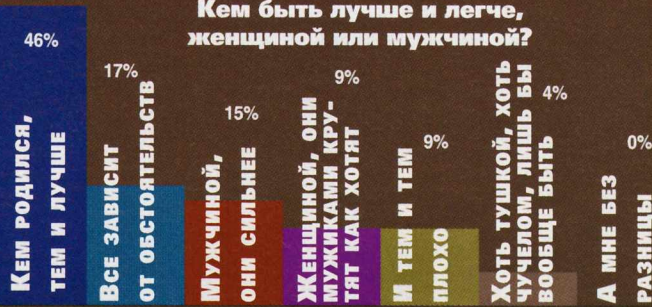
БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

Вечный спор о том, кем же все-таки быть лучше, наконец разрешился. Правда, с незначительным перевесом, но в итоге сила победила красоту, вариант «быть мужчиной» получил больше сторонников, чем «быть женщиной».

От лица всех мужчин хочется выразить всем женщинам свои искренние соболезнования. И порадоваться тому, что наши предпочтения пока никак не отражаются на нашей рождаемости, а то что же это за жизнь такая будет, без женщин?

В О П Р О С Н Е Д Е Л И

Кем быть лучше и легче, женщиной или мужчиной?

С К А З К А Н А Н О Ч Ь

А Н Т И Т Е Р Р О Р

З О Р О В Ь Е

PR ПО-РУССКИ

С 27 по 29 июня 2002 года в Санкт-Петербурге второй раз пройдет The Baltic PR Weekend — международная конференция в области public relations. Идея проведения подобного форума родилась из желания расширить круг традиционно сложившихся контактов, собрать вместе профессионалов в области public relations из России и стран Балтии, а также объединить PR-специалистов и представителей крупных коммерческих компаний, заинтересованных в развитии сферы PR-услуг. Это совместный проект Европейской конфедерации по связям с общественностью (CERP) и Северо-Западного отделения Российской ассоциации по связям с общественностью (СЗРАСО). Официальными партнерами The Baltic PR Weekend выступят Pim Pulp Enterprise и несколько других крупных организаций.

БУДЕМ ДРУЖИТЬ СЦЕНАМИ

На прошлой неделе отечественные театроведы и театралы только и говорили о гастролях еврейского театра «Габима». Эта труппа, название которой переводится с иврита как «сцена», считается одной из первых (по возрасту и качеству постановок) в Израиле, а возникла она, кстати, исключительно как средство национального возрождения евреев. В 1918 году создатель «Габимы» Нахум Цемах вместе с ближайшими сподвижниками сумел зарезать своими идеями К.С. Станиславского настолько, что тот добился открытия московской студии «Габимы». Возглавил ее один из самых талантливых учеников Константина Сергеевича — Евгений Вахтангов. Именно благодаря этому историческому факту габимцы считают вахтанговцев своими побратимами. И поэтому гастроли еврейского театра проходили на Старом Арбате на сцене Театра имени Евг. Вахтангова. 13 и 14 мая здесь дали «Реквием по Номи» (в один из дней на этом спектакле встретились мэтр Тель-Авива г-н Хульдаи и мэтр Москвы г-н Лужков); 15 и 18 мая — спектакль «Дневник Анны Франк»; а спектакль «Лето из жизни Ави» прошел на сцене Театра «Школа современной пьесы». Однако, несмотря на завершение гастролей, их устроители хлопочут об их логическом продолжении — этой осенью в Израиль собирается Театр им. Евг. Вахтангова.

МУКИ ЗВУ

ГРУППА «ПРЕМЬЕР-МИНИСТР» НА ОДИН ДЕНЬ СТАНЕТ «НАШИМ ВСЕМ»

Кроме гонки разоружений, цен на нефть и вступления в ЕС и НАТО, еще одна проблема не дает нам покоя: «Евровидение». Распалцованный европейский музыкальный конкурс наносит нам одно поражение за другим — в неравной схватке с ним уже пали А. Пугачева и группа «Мумий Троль», и только звезда «нефтепопа» Алсу сумела вырвать из лап супостата призовое место. Чтобы повторить ее подвиг в этом году, специальное жюри, собранное по инициативе ОРТ, решало, кого бы послать. В смысле на конкурс — чтобы потом нам всем было не мучительно больно, а приятно. Для этой цели был устроен национальный отборочный конкурс, по окончании которого К. Эрнст, И. Матвиенко, А. Файфман, Л. Лещенко, О. Газманов, В. Пельш и прочие члены жюри, отслушав десятки претендентов, вышедших в финал, остановили выбор на песне известного поп-коллектива «Премьер-Министр» Northern girl (музыка Кима Брейтбурга,

слова Карена Кавалеряна). Насколько серьезной была отборочная борьба, можно судить хотя бы по тому, что на «скамейке запасных» остались даже Витас и Кристина Орбакайте. На «Евровидении -2002», который состоится 25 мая 2002 года в столице Эстонии, Россию на этот раз будет представлять коллектив, который, по мнению экспертов, четко вписывается в формат конкурса. Вышестим претендентам от России не придется менять стилистику и подстраиваться под европейские песенные стандарты — то, что «премьеры» предложат в Таллине, с самого рождения было их «фирменным блюдом». «Конечно, — признается создатель и продюсер коллектива Евгений Фридлянд, — можно было бы лепить группу по принципу: «По фигу, кто участвует: главное, что есть продюсер, который причешет, оденет и снимет клипы. Но я всегда хотел сделать группу, в которой сами участники не были бы безвольными Пьеро и Мальвинами в руках Карабаса». По мнению экспертов, группа получилась даже слишком безупречной для российской аудитории, поскольку для их адекватного восприятия необходим определенный уровень вокальной культуры. Сегодня, помимо четырех вокалистов, в группе «Премьер-Министр» работает целая инструментальная группа, благодаря чему «премьеры» напоминают хорошо вооруженных музыкальных террористов, готовых уложить на обе лопатки любую публику: от привередливых гурманов до несмышленишей. Забавно, что состав группы являет собой полный интернационал: Жан Григорьев-Милимоеров — из семьи артистов именитого цыганского ансамбля, Пит Джейсон — сын геолога из Кении и москвички, Вячеслав Бодолика — из Молдавии, четвертый «премьер», Марат Чанышев, родился в Москве, хотя по национальности он татарин. За подвигом группы на конкурсе будет наблюдать специальный корреспондент «Огонька», о чем и расскажет вам в ближайших номерах.

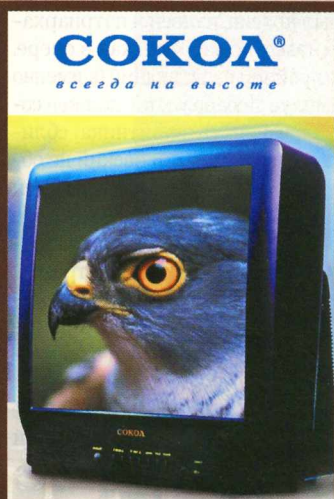
СТАРЬЕ НА ОРБИТЕ

NASA признало факт того, что большая часть его оборудования давно устарела. Недавно агентство закупило старинные комплектующие для ремонта ранних моделей космических шаттлов на интернет-барахолках Yahoo! и eBay. В частности, были приобретены процессоры первых PC 1981 года Intel 8086. Дело в том, что NASA, как и российское космическое руководство, постоянно продлевает сроки эксплуатации своих шаттлов: сначала до 2012 года, а затем и до 2020-го. Официальные лица даже говорят о продлении этих сроков до 40 — 50 лет. Сегодня для ремонта этих «звездолетов» требуются совершенно музейные комплектующие, а в космос вместо современных космических кораблей отправляется настоящий мусор. Неудивительно, если он однажды упадет прямо на планету.

ПОКУПАТЕЛЯМ ВЫГОДНА РЕКЛАМА

Покупка бытовой техники зачастую тяжело сказывается на семейном бюджете многих россиян. Но, оказывается, можно обойтись без этих трат или по крайней мере значительно сэкономить. Для этого важно оказаться в нужное время в нужном месте. Чтобы читатели «Огонька» смогли использовать свой шанс, мы решили разузнать, как можно приобрести телевизор подешевле. Наибольшее число рекламных акций проводит в ближайшее время компания «СОКОЛ». Как сообщили нам в пресс-службе компании, с 15 июня по 15 июля будет проводиться общероссийская акция в магазинах — телевизоры «СОКОЛ» можно будет купить со значительной скидкой и получить дополнительные подарки. Акция пройдет во всех крупных городах России, и узнать о ней можно в своем регионе. Шанс бесплатно получить телевизор «СОКОЛ» есть у подписчиков «Аргументов и фактов» и «Огонька», у читателей «Собеседника» и покупателей пельменей «Русский хит». Так что реклама при всей народной любви к ней может быть выгодна покупателям.

ПОЛУЧИ СВОЙ ТЕЛЕВИЗОР

Уважаемые читатели! Журнал «Огонек» совместно с компанией «Сokol» проводит розыгрыш призов среди подписчиков. Вы можете стать обладателем телевизора «Сokol» или одного из фирменных призов журнала «Огонек». Для участия в акции вам необходимо подписаться на наше издание на срок не менее 6 месяцев и прислать в редакцию копию подписного абонемента, а также краткие данные о себе, свой почтовый адрес и телефон. Розыгрыш проводится методом жеребьевки в три этапа. В первом — среди подписчиков I полугодия 2002 года, продливших подписку и приславших абонемент до 15 июня 2002 года, разыгрываются телевизор с диагональю экрана 54 см и пять фирменных призов журнала «Огонек». Во втором — среди новых подписчиков, приславших абонемент до 15 июня 2002 года, разыгрываются телевизор с экраном 51 см и десять фирменных призов журнала «Огонек». И в третьем этапе — между новыми подписчиками, приславшими абонемент до 15 июля 2002 года, разыгрываются телевизор с диагональю 37 см и пятнадцать фирменных призов «Огонька». Результаты акции будут опубликованы на страницах журнала. В случае выигрыша приз можно будет получить как в редакции, так и по почте (наложенным платежом). Продлив подписку на 2003 год, вы автоматически становитесь участником дополнительных акций, проводимых редакцией журнала «Огонек».

Последний герой

Борис МИНАЕВ
При участии
Георгия АМБЕРНАДИ
и **Александра ИВАНСКОГО**

На стадионе в Глазго, когда в прошлую среду игрался финал Лиги чемпионов («Реал» — «Байер»), перед матчем состоялась минута молчания по поводу кончины Лобановского. Стадион затих.

На эту самую минуту затих и наш комментатор. И вдруг в шорохе всемирного эфира отдаленно зазвучали голоса. На португальском и испанском, шведском и чешском, немецком и английском комментаторы всех стран произносили два слова: «Валерий Лобановский». Это было едва слышно — но слышно. Слышно всему футбольному миру.

Мороз прошел по коже.

У Лобановского-игрока были две «коронки»: стремительный проброс мяча за спину защитнику и удар с углового «сухим листом».

«Сухой лист» — знаменитый в те годы удар с подкруткой, когда мяч, словно упавший с дерева лист, делает плавное движение

в сторону и, увеличивая скорость, падает совсем не туда, где его ждешь.

В те славные годы наш футбол (да и не только наш) был красив, наивен и патриархален. Все было известно заранее, как в опере. Все знали, что крайний нападающий (а именно таково было амплу Лобановского) должен совершать финты, обводить защитника, сблизившись с ним вплотную. Лобановский не обводил, он сильно пробрасывал мяч и мчался мимо ошалевшего от его наглости стоппера. Он набирал скорость на строго выверенной дистанции. Лобановский не был великим игроком, хотя на своей позиции был очень силен. Интересно другое: его «коронки» шли не от тела, не от природной техники, а во многом от врожденного рационализма. Тогдашним королям футбола он пытался противопоставить не только свои скорость и выносливость, но и свой ум. Придумать что-то такое, что способно разозлить, запутать, смять, ошеломить.

Он хотел стать первым советским тренером нового типа — образованным, мыслящим смело, знающим мировой опыт досконально, владеющим новейшими разработками, и он стал им. Футбольному колдовству и ставке на голое мастерство он с самого начала пытался противопоставить могучую футбольную технологию. То, что делал Лобановский, первое время очень не нравилось болельщикам, особенно московским. Они не знали его кухни, но они сердцем чувствовали, что тут что-то не так. Игроки Лобановского одинаково быстро и очень слаженно перемещались, делали абсолютно одинаковые резкие длинные передачи, очень жестко шли в борьбу и бегали как звери. Они напоминали не футболистов, а роботов. «Мы их запомнить не можем, друг от друга отличить!» — жаловались московские болельщики. И ЦСКА, и «Спартак», и «Торпедо» на фоне этой зондеркоманды очень быстро стали похожи на сборище выживших из ума ветеранов.

СССР

Киевское «Динамо» обыгрывало их легко и спокойно. Это при том что первый состав Лобановского был «сборной солянкой» — некоторые, как Мунтян или Коньков, начинали еще в 60-е, это были сухие поджарые старики, другие, как Колотов и Онищенко, были призваны из глухой футбольной провинции, третьи, как Блохин, пришли из дубля, из «юношей». Лобановский легко и без комплексов ставил на этом разнородном человеческом материале свои первые эксперименты.

Почувствовав вкус победы, Лобановский разговаривался. Он утверждал, что в современном футболе не может быть успеха без умения быстро уходить в глухую оборону, по ходу матча менять игру, без работы по всему полю, без тотального футбола, без жесткого прессинга, без космических тренировочных нагрузок. Футбольная школа киевского «Динамо» стала первой в стране профессиональной футбольной школой. Лобановский имел наглость утверждать, что только из такой школы могут появиться футболисты, играющие в футбол будущего. И начинать делать из них будущих звезд надо в шесть-семь лет.

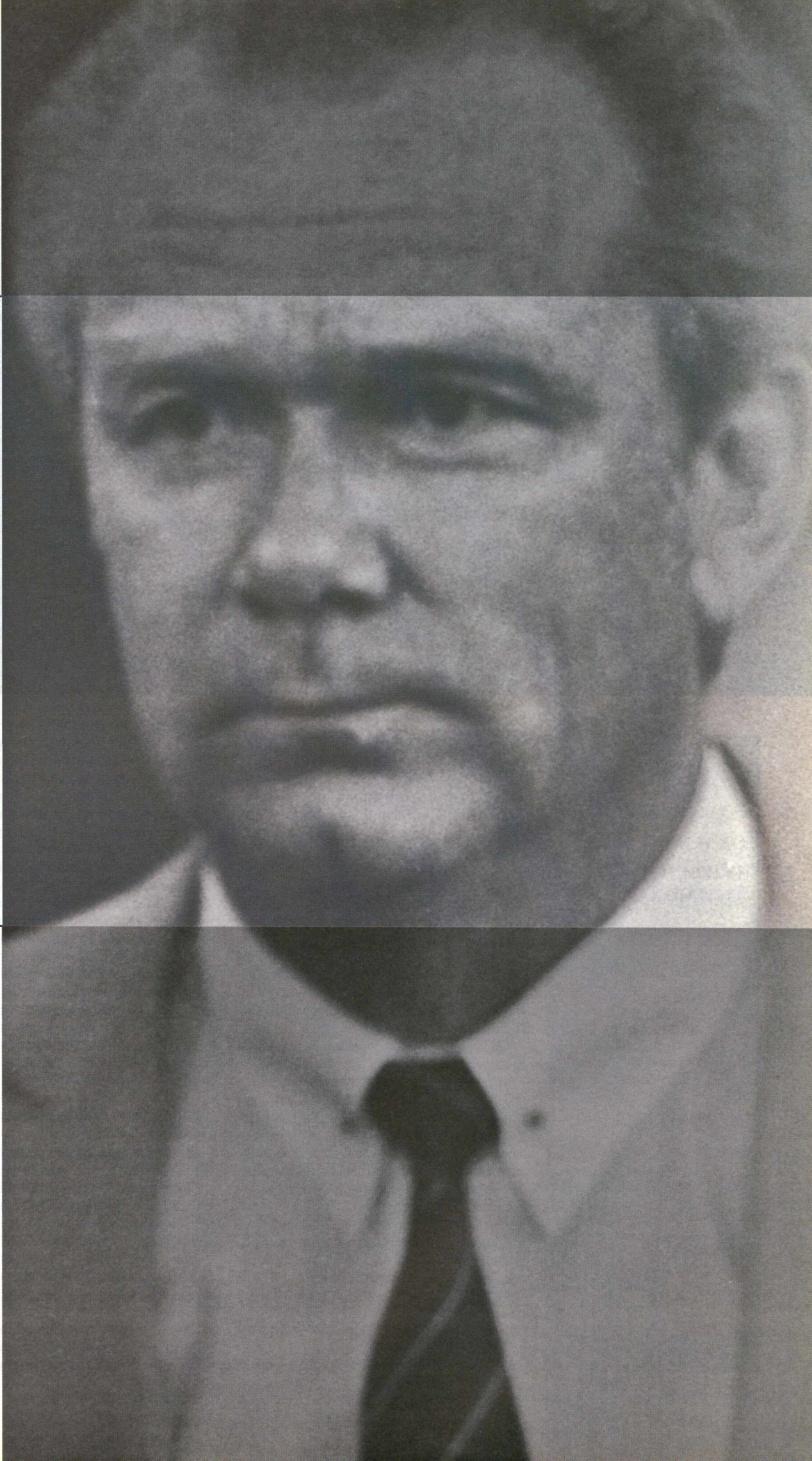
Такой подход к делу, безусловно, возмутил футбольную общественность. К тому же и футбольное начальство, и футбольные обозреватели, и полупрофессиональные футбольные тусовщики — все они находились в Москве. Московская печать напомнила киевскому выскочке, что славные победы советских мастеров кожаного мяча (в прошлые годы) были связаны отнюдь не с прагматизмом, рационализмом и прочей фигней. Что мы пойдем своим путем, а не голландским и не итальянским. Что зритель любит футбол не за результат, а за красивую и честную игру. Что...

Впрочем, «доброжелатели» Лобановского заткнулись очень быстро. В 1975 году молодое и дерзкое киевское «Динамо» выиграло Кубок обладателей кубков (второй по значению клубный трофей в Европе), а потом совершило и настоящий прорыв — выиграло у мюнхенской «Баварии», обладателя Кубка чемпионов, в финале Суперкубка.

Это означало, что в финале встречаются две европейские команды — команды номер один и номер два. И выясняют, кто из них сильнее. Очень честный турнир. Киевляне выиграли не просто у «Баварии». Они выиграли у свежееиспеченных чемпионов мира — Ули Хенесса и Франца Беккенбауэра. Это был «момент истины» для нашего футбола. Это была дикая сенсация.

С 1966 года футбольный СССР жил в полном унынии. Даже «серебро» на чемпионате Европы 1972 года не переломило этой всеобщей тоски. Наши клубы, которые начали вы-

те, ко-го мы лю-би-ли

М Е , К О З О М Ы Л Ю Б И Л И

АНАТОЛИЙ БОСНИН

Лобановский пробрасывал мяч и нычал мимо ошалевшего от наглости стоппера

За что же так любили в нашей стране Лобановского? Любили, несмотря ни на что, верили, несмотря на обидные поражения сборной? Лобановский был одним из немногих, кто помогал советским людям преодолеть комплекс своей второсортности...

ступать в Европе, проигрывали немцам и англичанам, испанцам и итальянцам с астрономическими счетами. Выглядели на их фоне двоечниками, в лучшем случае троечниками. Шла полоса неудач. Страна переживала это очень остро. И вдруг — такой взлет.

И тут в «Спартак» пришел Константин Бесков, и началась эпоха великого футбольного противостояния Киева и Москвы. Несмотря на очевидный успех киевлян, московское футбольное лобби вновь начало идеологическую войну против главного врага — независимого, неуживчивого, неудобного Валерия Лобановского.

Включились в эту борьбу и болельщики. Болельщики всего СССР.

Я прекрасно помню эти дискуссии, наши споры до хрипоты, эту нелюбовь к «Спартаку» и нашу ответную — к киевлянам. Да, нашу. Чего греха таить, я тоже не понимал футбола Лобановского. Я тоже любил Федю Черенкова, спартаковскую карусель, наш, замешенный на асфальтовом пяточке двора, на школьном пустыре московский стиль игры. При старике Бескове этот стиль вдруг расцвел неожиданными красками, заблестал драматургией, обрел новое лицо. Это был подлинный ренессанс романтического футбола. Эта интрига конца 70-х — начала 80-х годов придала нашему чемпионату остроту и блеск. Вслед за «Спартаком» обыгрывать непобедимых киевлян захотелось и другим командам. И тем не менее в адрес Лобановского в те годы было выпущено

немало ядовитых стрел, в какой-то степени отравивших впоследствии его мозг.

Мы, профессиональные и непрофессиональные критики, не могли понять одного: этот украинский футбол был замешен на совсем другом тесте, слеплен из другого человеческого материала. Условно говоря, хлопцы, с детства пившие совсем не пастеризованное, а парное молоко и игравшие в футбол на огромных зеленых полях теплой осенью и теплой весной, имели совсем другое ощущение футбольного пространства, другую физическую пластику, чем все остальные, в частности московские, игроки. Дело не в отдельных успехах Лобановского. В те годы зародилась южнославянская школа футбола. Лобановскому удалось раскрыть гениальную одаренность украинских футболистов. И тут же посыпались успехи других — югославов, болгар, румын, чехов. Они выигрывали Кубки чемпионов, они посылали своих ребят играть в лучшие клубы Европы. Нам-то всего этого было нельзя. Но Лобановский был первым великим тренером из Восточной Европы.

...За что же его не любили? За что могли не любить человека, создавшего такое чудо?

«Понимаешь, — говорил мне Георгий Амбернади, заслуженный московский болельщик, — как мы тогда говорили о киевском «Динамо»? Да они на добывание играют! То есть вызывало протест само желание сломить соперника любой ценой, забить любой гол, пусть даже и некрасивый. Мы ценили только красивые голы, сами стремились забить обязательно от штанги не берущийся удар, или повторить финт Месхи, или «сухой лист» Лобановского — сделать что-то умопомрачительно красивое. В нашем патриархальном футболе все амплу были расписаны, было заранее известно, какая команда и какой игрок на что способны, все мерилось только талантом, возможностью сделать вот это красивое, небывалое, лихое... Лобановский показал, что команду-машину можно сделать из любых игроков. Он сломал прежнюю шкалу ценностей. Он впервые ввел в наш футбол сухие неприятные термины: «количество технико-тактических действий», «объем работы». Это было нестерпимо для нас. И только через десятилетия мы поняли, что именно на этом пути и развивается современный футбол. Современный западный футбол — это синтез былой лихости, былой красоты и безумных скоростей, тотального давления. Но мы же не знали, что этот синтез возможен!» Публика свистела: они работают, а не играют!

...За что же так любили, так боготворили в нашей стране Лобановского?

Любили, несмотря ни на что, верили, несмотря на обидные поражения сборной?

Лобановский был одним из немногих, кто помогал советским людям преодолеть комплекс своей второсортности. Комплекс тотального, безнадежного отставания во всем. Именно тогда, в 70-е — 80-е годы, зародился один из главных мифов отечественного сознания: что мы живем в отсталой, дикой стране, что, хотя «мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей», мы живем совсем по иным стандартам — наша одежда, наша тех-

ника, наш образ жизни, наше образование, наше «вообще все» никуда не годны, что ВСЕ ЭТО устаревшее, вышедшее из моды, безнадежное, что только ТАМ можно плодотворно работать и счастливо жить.

Людам было наплевать на науку, культуру, на высокие социальные стандарты — общество равных возможностей, бесплатной медицины и так далее, они видели аршинные лозунги на ужасных крупноблочных домах и очереди в магазины. Этого было достаточно, чтобы прийти в уныние — от себя, от своей страны, от своей жизни.

Лобановский и его победы помогали людям жить. После этих побед хотя бы ненадолго можно было поверить в то, что и у нас в стране может появиться что-то новое, современное — не из области космоса или обороны, а из области бытовой, обычной жизни.

Я не знаю, почему именно футбол тут был так важен, может, в силу своей магической популярности, может, по каким-то еще невидимым сложным причинам, но существование в нашей стране ТАКОГО тренера оправдывало в глазах миллионов... всю советскую систему жизни. Не нужно было ничего объяснять, простым невооруженным глазом было видно, что Лобановский создал футбол, опередивший свое время, свою страну, даже возможности игроков. Лобановский возвел в ранг высших ценностей добродетели, изначально противоречившие русскому, российскому менталитету — выверенный расчет, целеустремленность, упорство, работу, технологию. Русский

цепляли, толкали, валили на траву. Его носили постоянно. Это он учел в дальнейшем как тренер — все его команды играли в очень силовой футбол. Но дело не в этом. Такой же была парадигма всей его судьбы — на его гениальные озарения, как тренера, как гения, как мастера своего дела, судьба отвечала обиднейшими, нелепейшими ударами, «сносами».

Ударами в прессе, придириками чиновников, досадными совпадениями, судейскими ошибками. Очень не вовремя для Лобановского развалился СССР.

В его облике, в его характере, в его повадках всегда было что-то одинокое и трагическое. Это был человек, попавший совершенно НЕ ТУДА, куда должен был попасть. Я никогда не забуду взгляда Лобановского, когда он смотрел на игру. Тяжелый, давящий взгляд человека, который смотрит куда-то внутрь себя. И мелко раскачивается взад-вперед, сложив руки между ног. Такое движение я видел только в фильмах про психиатрическую больницу.

...Можно сказать и по-другому — Лобановский всю жизнь шел к тому, чтобы его как тренера не трогали, оставили на своей полянке, на своем хуторе одного, без советчиков. В СССР это было слишком непривычно. Командой руководили по старинке — коллективно. К тому же в советское время газетная статья имела силу директивы. Советский футбол во многом копировал глобальную управленческую ситуацию, где важно было все: и угодить начальству, и вовремя договориться за его спиной. Я не хочу принизить других тренеров, но то, что

для них было привычно, понятно, знакомо — московская тусовка, московские правила игры, — для Лобановского было тяжелым грузом. Лобановский всегда был отдельно. Но именно в тот момент, когда футбольная Украина окончательно отделилась от Москвы вместе с Украиной-государством, Лобановский ушел из команды.

Советские деньги и советские материальные ценности вдруг исчезли, и перед ним, немолодым уже человеком, возникла проблема заработка.

Он уехал в Кувейт, где платили очень много и к тренерам относились поэтому очень придиричиво.

В 1996-м Лобановский вернулся и вновь сделал «золотую» команду — уже в третий раз. Она не выиграла Лигу чемпионов, но навела в футбольной Европе такой ужас, какого не наводили и советские танки в 1968-м. Пала Барселона (с позорнейшим счетом), пал Манчестер. Все были уверены, что падет и Мюнхен — как тогда, 20 лет назад. Но Мюнхен не пал. Упорные немцы через «не могу» обыграли Киев.

В 2000 году Лобановскому присудили титул лучшего тренера Европы. Знаменитые итальянцы (например Марчелло Липпи) открыто признали его своим учителем. Ключевые игроки третьей

«золотой» команды Лобановского — Шевченко, Ребров, Лужный — были проданы за бешеные для нашего футбола деньги. Шевченко в «Милане» стал главным футбольным открытием сезона и в итальянской лиге, да и вообще в мире.

Пора было создавать четвертую команду (в нее, кстати говоря, Лобановский впервые в жизни пригласил не только украинских игроков, но и белорусов, грузин, русских, это был очевидный вызов, как бы новая сборная СССР). И тут Валерий Васильевич заболел.

Его тайна, тайна его обращенного внутрь себя взгляда, тайна его феноменальной мысли, тайна его невысказанного, стоявшего в глазах вопроса о своей судьбе и своем предназначении ушли вместе с ним в могилу. Он был очень-очень неразговорчив. «Надо еще поработать над этим», — говорил он в ответ на все вопросы.

Любил порассуждать о засолке грибов или огурцов.

Из привычек самой знаменитой была одна — грызть во время игры семечки. Эту же привычку перенял и весь тренерский штаб. Видимо, Лобановский говорил им: чем курить, лучше грызьте. Проживете дольше. А может быть, не хотел, чтобы они говорили глупости, пусть лучше жуют, рот будет занят. После игры вокруг скамейки запасных всегда оставался густой слой подсолнечной шелухи. В Барселоне к ним подошли представители «Барселоны» и предложили несколько кило очищенных семечек. Лобановский гордо отказался. «У нас свои, с Украины», — сказал он.

Лобановский-игрок и Шевченко чем-то очень похожи. Присмотритесь сами...

человек, всегда веривший, что немецкий порядок можно победить чудом, озарением, и не любил Лобановского за эти навязываемые им ценности, и боготворил за это же самое. Это был «наш» немец. Немец из Киева.

Наступила ранняя перестройка, горбачевская эпоха. От Лобановского наконец отстали — и чиновники и болельщики. В Киеве удалось собрать вторую «золотую» команду, и Лобановскому позволили сделать сборную СССР, целиком составленную из киевлян. Это был триумф воли — через пятнадцать лет после начала тренерской карьеры Лобановский наконец-то снискал международные лавры «Серебро» чемпионата Европы в 1988-м, удивительный выигрыш у итальянцев (чемпионов мира!) в полуфинале, достойный проигрыш в финале голландцам под предводительством Гуллитта и Ван Бастена, а за два года перед этим, в 1986-м, еще один Кубок обладателей кубков. Мы тогда очень верили в наш футбол, да и в нашу страну. Мы вновь стали считать проигрыши на чемпионатах мира досадными и случайными. Мы верили, собственно, не в наше настоящее, а в наше будущее.

...И в этот момент развалился Советский Союз.

Я уже говорил, Лобановский в середине 60-х, когда сам играл в киевском «Динамо», начал вместо привычного дриблинга делать проброс мяча и проноситься мимо защитника на крейсерской скорости. Но защитники научились с этим бороться. Лобановского «брали на бедро»,

КАК ВЫУЧИТЬ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

ЦЕНТР ЯЗЫКОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

АНГЛИЙСКИЙ - НЕМЕЦКИЙ - ФРАНЦУЗСКИЙ - ИСПАНСКИЙ - ЛАТЫШСКИЙ

**У ВАС есть способности и есть проблемы.
У ВАС есть достоинства и недостатки.
У ВАС есть ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ**
- это **ЦЕННОСТЬ**, которую можно и нужно сделать капиталом!

➤ **В офисе Центра или ON-LINE Вы можете:**
- пройти бесплатное психологическое тестирование, получить консультацию психолога и выяснить: как Вам надо изучать иностранный язык, чтобы добиться успеха;

➤ - заказать индивидуальную программу обучения иностранному языку по методике Центра языковой психологии.

➤ Занятия по программам Центра это: экономия времени (40%)
+ отсутствие зубрежки + осязаемый результат через 25-35 дней
+ возможность полностью заочного обучения.

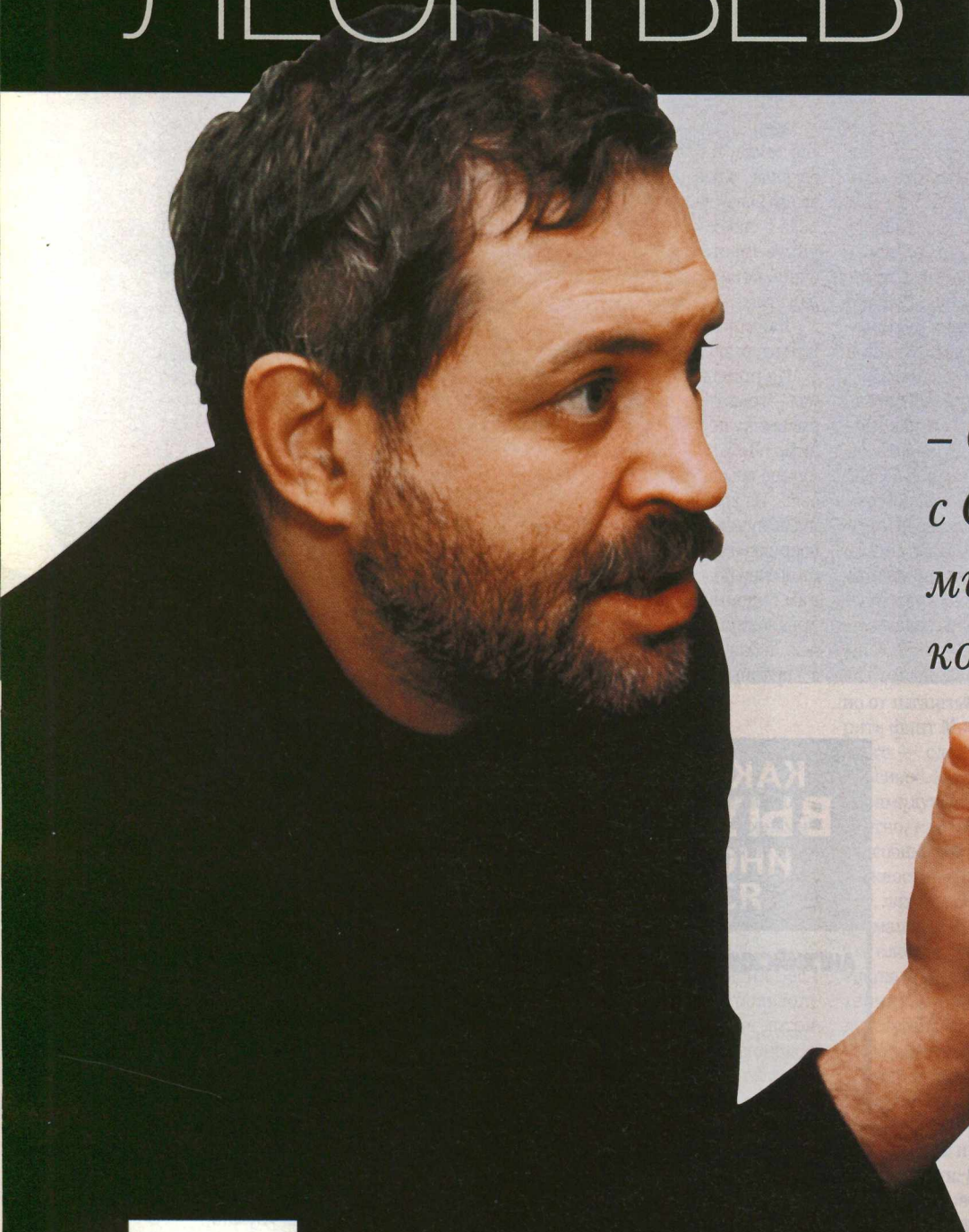
Адрес: 125167, г. Москва, ул. Красноармейская, дом 4.
Тел.: (+7-095) 212-0505, 214-8602
<http://www.clp.ru>

Каждому подписавшемуся на журнал предоставляется **СКИДКА**

\$ 100 **ОГОНЕК**

на любую программу обучения в Центре языковой психологии.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

– Сохраняя в переговорах с Соединенными Штатами лицо, мы рискуем потерять кое-что более важное

После драки

И вновь мы, как в старые добрые времена, собираемся сесть за стол переговоров с США, для того чтобы подписать очередное «судьбоносное» решение о сокращении стратегических наступательных вооружений. Шуметь или радоваться? В прессе, на радио, с телеэкранов журналисты и представители власти все чаще высказывают робкую мысль о том, что после всего того, что с нами случилось, мы с США союзники. Мы не союзники!

Штаты нам не союзники, это понятие вообще относится к периоду «холодной войны» и противостоянию держав. Потому что, если союзники — значит, все время вместе, а если противники — везде и тотально друг другу противостоят.

В начале XXI века произошла глобальная деградация, а точнее — возвращение к некогда забытым нормам мировой внешней политики, которые существовали с XVIII века: «У великих держав нет постоянных союзников и нет постоянных противников, а есть постоянные интересы». К примеру, в XVIII веке Россия могла союзничать и даже совместно участвовать в войне с той или иной европейской державой на каком-то одном театре и при этом конфликтовать в колониальных вопросах с ней же. А через несколько лет вступать в войну со своим бывшим союзником уже в полную силу и на всех направле-

ниях. А потом опять начать союзничать.

Впрочем, новое время наступило не для всех. Сегодня существуют страны, которые свою самостоятельность и свой суверенитет имеют, и существуют страны, которые подобных прав уже лишились. И есть те, кто болтается где-то посередине, потому что между этими двумя понятиями очень много промежуточных фаз. Есть государства-сателлиты, которые свои государственные полномочия делегируют «старшим братьям» и вписываются в мировой порядок в качестве объектов, а не субъектов. К ним относятся, например, почти все государства Восточной Европы и значительная часть государств Западной Европы.

Сейчас в мире разыгрываются новые сложные дипломатические конфигурации. Поэтому не надо бояться слова «несоюзник», не надо стремиться быть союзником со страной, которая по всем стратегическим направлениям, кроме нескольких исключений, имеет совершенно противоположные России интересы и губительные для нас амбиции. Если кто не понял, это я про США. И про ПРО.

На чем раньше строилась вся наша система разоружения? На обмане. Советский Союз начал, бесспорно, проигрывать войну на условиях постоянного наращивания гонки вооружений. Советская экономика перестала ее выдерживать, поэтому мы были крайне заинтересованы в ее остановке. Это было то бревно, с которым мы надорвались, которое привело к краху Советского Союза, к «горбачевщине» и, в конечном итоге, к распаду страны. Гонка вооружений была главным внешнеполитическим стержнем, основной канвой противостояния двух держав. Стабильность двух противоборствующих систем была построена на их военно-стратегическом паритете, и утрата этого паритета разрушала всю мировую систему, а не только Восточный блок. Если бы знать заранее, чем все обернется, то черт с ним, с этим Восточным блоком! — мы бы гораздо больше сохранили, если бы сразу отцепили его от своего поезда. Но тогда подобное казалось немислимо, потому что стабильность мирового режима базировалась и на стабильности глобальной системы мирового социализма.

А потом началась гонка разоружений. И чем дальше, тем больше Советский Союз выступал в ней с проигрышных позиций. Поскольку стабильность систем базировалась на признании паритета де-факто, то ради формального признания паритета советская сторона всегда шла на качественные уступки в пользу формальных признаков равенства.

Сначала это было заметно только для узкого круга специалистов, тем более что раньше такие вопросы вообще не обсуждались, во всяком случае у нас. Потом появились сомнения. Потом догадки. С началом перестройки этот процесс принял очевидный лавинообразный характер.

Вспомните, с чего начались все мирные инициативы Горбачева. С одностороннего моратория на ядерные испытания и фразы генсека, сказанной на одном из пленумов 1986 г., что будущее разрядки и будущее мира зависят от того, насколько адекватно Запад воспримет нашу новую политику мира. Это была не демагогия, это была абсолютно сознательная фраза. Она действительно отражала суть вещей.

Ведь смысл качественного горбачевского поворота в политике разоружения в том, что мы не могли выдержать гонки вооружений на постоянно возрастающих оборотах. Нас загнали, нас сознательно провоцировали на подобный исход. Одна из главных идей Рейгана в его борьбе с «империей зла» состояла в том, чтобы измотать системно больную советскую экономику гонкой вооружений. В этом был смысл рейгановских «звездных войн». Навесить на наши штаны такие военно-технические блины, которые бы советскую экономику наверняка надорвали. Мы не могли выдержать соперничества на возрастающих технологических уровнях. И, когда запахло проигрышем, начались мирные переговоры. Горбачев предложил зафиксировать уровни.

Ему пошли навстречу. Формально. При этом все время соблюдали к «великому Горби» крайне политесные и внешне уважительные формы. Реально мы делали совершенно откровенные уступки, мы всегда шли на сокращения именно в тех областях, где у нас были преимущества. Осуществлялся сознательный демонтаж тех секторов стратегической обороны, в которых у нас были качественные преимущества перед американцами. При этом сохранялись те сектора, в которых качественные преимущества были у американцев. Эти договоры страшно ослабляли нас, но формально оставляли за нами статус ядерной супердержавы, второй супердержавы мира. Они сохраняли понятие паритета.

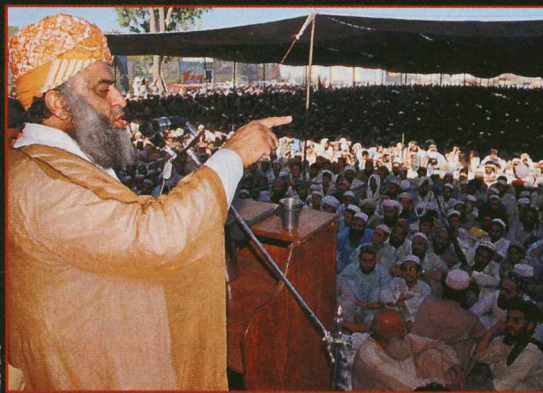
И вот сейчас мы пришли к следующей стадии. В Америке у власти появилась очень специфическая группировка глобальных изоляционистов. Люди, в которых традиционный консервативный изоляционизм замешен на дрожжах веры в неограниченные возможности Соединенных Штатов, в неограниченную ответственность США за все, что происходит в мире, и в способность Штатов решать все индивидуально. Совершенно здоровый изоляционизм (к которому, кстати, неплохо было бы присмотреться и нам) и уже неизлечимая мания глобального величия и мощи. Сегодня Соединенные Штаты не хотят ограничивать себя никакими договорами, которые в той или иной степени мешали бы им обеспечивать свою безопасность. При этом они готовы не мешать другим действовать в своих интересах, в той степени, в которой это не затрагивает интересов американских.

Россия уже сама признала, что потеряла статус мировой сверхдержавы, теперь единственным атавизмом сверхдержавы является военно-стратегический (тот самый формальный) паритет, которого мы «добились». По числу боеголовок, по возможности в глобальной ядерной войне уничтожить друг друга мы почти равны. Конечно, перспективы такой войны, а самое главное — ее целесообразность отсутствуют, но теоретическая возможность есть.

Сохранять паритет и, таким образом, статус ядерной супердержавы мы можем только благодаря новому глобальному соглашению с США. То есть если опять продолжим разоружение «горбачевского» типа. Мы сдаем все, они снимают ракеты с дежурства и складировать боеголовки. Но мы-то складировать ничего не можем, потому что они у нас уже физически выбывают! Умирают своей смертью, при том что у нас отсутствуют ресурсы для их возобновления!

Нынешний уровень боеголовок в 6 — 7 тысяч формально планируется довести до 1700 — 2500. С обеих сторон. Формально паритет сохраняется. Формально мы опять одинаковы, мы снова две страны, которые когда-то «на пару» вертели всем миром. Реально это профанация. Нужно ли современной России сохранять военно-стратегический паритет с Соединенными Штатами такой странной ценой, если для всех абсолютно очевидно, что он фиктивный?

Наша дипломатическая позиция, которая сформулирована президентом, повторяется министром обороны и даже иногда вяло подтверждается Министерством иностранных дел, такая — выход американ-

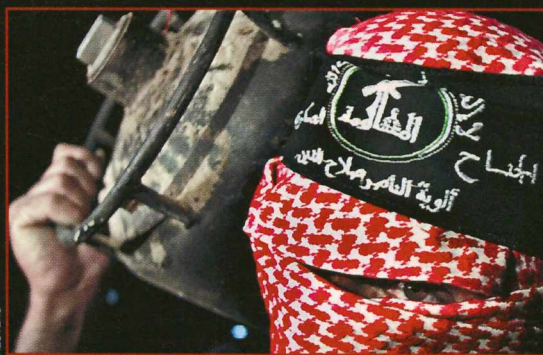

REUTERS

REUTERS

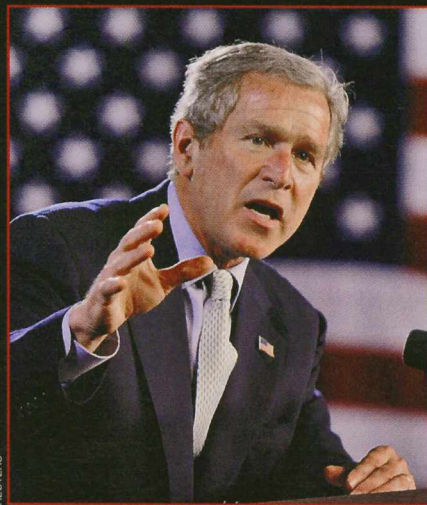
Сегодня в Америке у власти люди, которые верят в неограниченные возможности и неограниченную ответственность Соединенных Штатов за все, что происходит в мире. Они верят в способность Америки решать все мировые проблемы индивидуально. У них неизлечимая мания глобального величия и мощи, они не хотят ограничивать себя какими-то договорами

REUTERS

REUTERS

REUTERS

REUTERS

цев из договора ПРО — камень, вынимаемый из основания стены вооружения. Нельзя вынуть камень, не разрушив стены... Очень правильная позиция. Но если этот камень вынуть и стену разрушить, то мы получаем свободу рук, возможность демонтировать всю ту накопленную систему асимметричных чисто пиарных сокращений, абсолютно невыгодных с военно-стратегической точки зрения России, причем в области всей системы вооружений, а не только военно-стратегической.

Да, мы теряем формальный статус «супердержава», но получаем возможность строить свои силы ядерного сдерживания в той конфигурации, которая наиболее выгодна нам с экономической и политической точек зрения, с точки зрения реальных угроз. В первую очередь это касается ядерного оружия сверхмалой мощности. Для России это очень перспективное направление, гораздо более перспективное, чем для Соединенных Штатов. У нас здесь больше возможностей.

Дело в том, что порог применения современного стратегического ядерного оружия настолько высок, что оно практически неприменимо и потому не является инструментом политики. Его применение находится за рамками здравого смысла и реальных дипломатических политических возможностей. А вот применение оружия сверхмалой мощности резко расширяет границы применимости. Да, это создает риски. Но эти риски дают нам совершенно иной уровень сдерживания и иной уровень влияния. Влияния в любой точке земного шара! Потому что наши носители — а носителей у нас достаточно — способны перенести этот заряд в любую точку Земли. И если где-нибудь в Колумбии или в Полинезии вдруг обнаружится лагерь чеченских боевиков, мы можем этот лагерь уничтожить ядерным зарядом сверхмалой мощности.

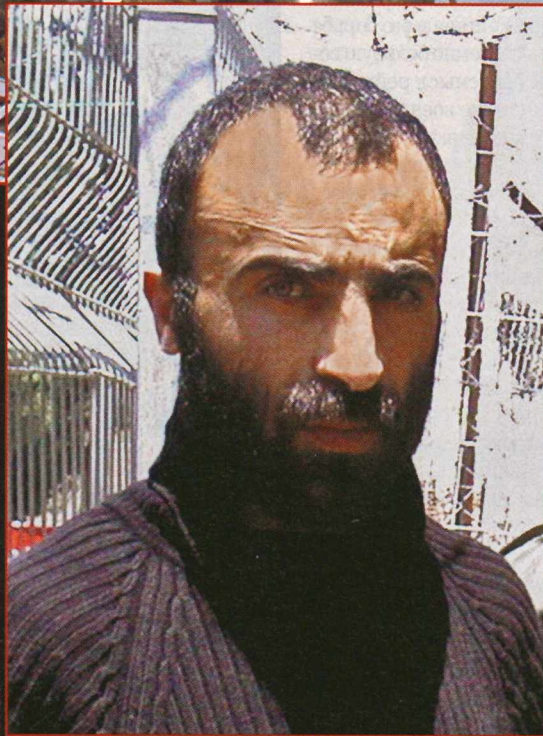
У нас появляется возможность заключать соглашения, которые интересны и нам и Соединенным Штатам, а не только Соединенным Штатам как стране, которая несет глобальную ответственность и является старшим пионервожатым. У нас ответственность меньше, но у нас есть своя «звездочка». И у командира «звездочки» другие проблемы, чем у старшего пионервожатого. Соглашения тоже могут быть, но это другого рода соглашения. В рамках интересов командира «звездочки».

Это касается и ядерных испытаний. Соединенные Штаты в принципе подготавливают идею отказа от моратория на ядерные испытания. Они им нужны для создания системы ПРО. У них доктрина ПРО уже принята. Они не могут обойтись без ядерных испытаний, потому что им надо отрабатывать все эти космические лазеры.

У нас задачи совершенно другого рода и другого порядка. Мы можем совершенствовать и разрабатывать новые формы ядерного оружия. И политически обозначать их наличие. В этом нет ничего страшного, это нормально. Мы могли так сделать, но пока не сделали. Вместо этого наша дипломатия по инерции пошла по старому пути и вновь попала в ловушку американских полухищных голубей вроде руководителя Госдепа США Колина Пауэлла. Тем более что эти коршуно-голуби вдруг неожиданно сами пошли нам навстречу. Они готовы подписать соглашение, которое загоняет Россию в рамки прежней политики, когда мы опять станем рабами пиара, рабами условностей и формальностей. Когда нам окажут честь считать нас «великими и ужасными», а мы за это примем на себя обязательство не заниматься выстраиванием системы своей стратегической безопасности. Мы наплюем на наши реальные интересы и возможности.

Поэтому я считаю, что подписание этого соглашения — ошибка. Ошибка, делаемая в угоду страхам. Нет, страхи тоже обоснованны, сохранить нынешний «благостный» уровень отношений с США действительно нужно. Нужно, потому что Россия сейчас слаба. Нам нужно произвести модернизацию, нам нужно выявить и консолидировать свою новую доктрину, нам нужно реставрировать государство, реставрировать политическую и экономическую роль России в мире, которая ей принадлежит исторически. Опускаться ниже этих минимальных позиций Россия не может, иначе она перестанет существовать как единое государство. Начнется просто распад... Так что мотивы ошибки понятны. Это статусные, имиджевые позиции, которые тоже очень важны.

Но настоящая политика свободной игры — это политика сложной современной эффективной дипломатии, которой у нас нет. А просто спать на старых советских активах — дипломатических и политических, — гниющих и распадающихся, дальше будет уже невозможно. Могут в этой связи только вспомнить, что говорил Путин о том, что государственный аппарат не приспособлен к принятию стратегических решений. Я могу вывести из этого только одно следствие. Если аппарат не приспособлен к принятию стратегических экономических решений, то он также не приспособлен к принятию стратегических решений и во внешней политике.

И Фидель Кастро, возглавляющий мятежную Кубу, и арабский террорист Райд Амар, подозреваемый в организации взрыва в бильярдном клубе в Тель-Авиве, и лагеря талибов в Афганистане, подвергнутые бомбардировкам, и авария на космодроме Байконур — все это сегодня входит в сферу интересов Соединенных Штатов Америки

Соединенные Штаты нам сегодня не союзники. Не надо стремиться быть союзником со страной, которая по всем стратегическим направлениям имеет совершенно противоположные России интересы и губительные для нас амбиции

«Самая грандиозная художественная сделка в истории человечества». Как знать, может, именно так назовут в будущем встречу на высшем уровне в немецком городе Веймаре президента России и канцлера Германии».

«Огонек» № 17 / апрель 2002

Мы обязаны вернуть, и мы вернули

В статье «Мы отдали самое дорогое» ваш журнал хоть и косвенно, но поднимает давно наболелый вопрос о возвращении перемещенных ценностей. Вопрос о возврате витражей, изъятых трофейной командой Красной армии, очень спорный. Конечно, возвращать надо, но это двойная проблема, которая имеет свои «за» и «против». С одной стороны, Германия, воюя с нами, уничтожила огромное количество зданий и памятников культуры, и это невосполнимая утрата. Есть над чем подумать — если бы более 120 тысяч церквей не были уничтожены революцией и

войной, сегодня наша страна жила бы за счет туризма. А мы сами рады многое отдать, в том числе картины или витражи. Не знаю, отчего это, то ли оттого что у нас слишком большая территория, то ли оттого что чересчур широкая душа. Такое размашистое русское разгильдяйство. Это началось еще с Аляски, когда мы практически за бесценок отдали богатейшие земли. И все мы отдаем играючи, а потом понимаем, что сделали ошибку. Приведу простой пример. Когда Горбачев отдал Восточную Германию, немцы собрали и были готовы заплатить компенсацию в размере 450 миллиардов марок. Но сначала они решили потогорговаться. И когда канцлер Германии Коль спросил у Горбачева: «Сколько вам надо, чтобы вы отдали нам Восточную Германию?» — тот ответил: «Пять миллиардов». А ведь можно было сделать так, что не мы им, а они нам оказались бы должны.

Если мы возвращаем ценности, то взамен должны что-то получать, как в этом случае, когда нам значительно уменьшили долг бывшего СССР бывшей ГДР. Когда найдут Янтарную комнату, я думаю, ее нам вернут. Тут весь вопрос в старательности нашей разведки, которая должна найти ее и доказать, что это именно она. Нам надо научиться убеждать возвращать. Мы должны идти навстречу, но не отдавать ценности разгильдяйски, попустительски, чтобы из-за этого страдала наша культура, и всегда помнить о том, что потери невосполнимы. А что касается немецких витражей из собора — по закону мы обязаны были их вернуть, и мы их вернули. И теперь будем ездить в Германию на них смотреть. Потому что искусство принадлежит не одному человеку и не одной стране, а всему миру.

Николас САФРОНОВ, художник

г л а с н а р о д а

Воссоздан храм, над его куполом воздвигнут золоченый крест. Огромные стеклянные фонари над аудиториями дают верхний свет. А над фасадом воссоздается фигура богини Минервы...

№ 15 / апрель 2002

Можно и поплакать, глядя на прекрасное

Уважаемый господин редактор! Испытывая глубокое уважение к возобновляющейся популярности вашего журнала, не скрою своего, мягко говоря, удивления публикацией об авторитетном Санкт-Петербургском академическом художественном институте им. И.Е. Репина. Смутно-игривый тон статьи и иллюстраций, начиная с заголовка «Призрак реализма», уводит читателя из, по словам автора, «зияющей информационной бреши в теле Северной Пальмиры» в не менее зияющую легковесностью брешь некомпетентности.

И не помогают ни потревоженный из могилы призрак якобы слоняющегося по коридорам гениального скульптора М.И. Козловского, ни тень архитектора монументального недавно блестяще отреставрированного здания Академии А.Ф. Кокоринова. Вместо ясного, строгого изложения реально существующих проблем современной художественной школы — поверхностное, мимолетное туристическое наблюдение об ионической гипсовой капители, глядя на которую кто-то в 21-м году плакал! Автору невдомек, что можно и нужно иногда поплакать, наблюдая все прекрасное, что создал за века человек. Над входом в здание бронзовые буквы на века — «Свободным художествам». Из этого изречения автор воспринял только первое, а «художества» заменил бойким ремеслом. Ну какую информацию несет его разговор о возрасте висящей в учебном классе окаменелой вяленой воблы? Читателя увлекло бы, уверен, описание дивной красоты круглого двора — шедевра архитектуры, а не разговор о том, что там что-то когда-то сожгли финны! Кстати, там же на стенах шедевра А.Ф. Кокоринова есть вещи слова, также в бронзе: «Архитектура, живопись,

Призрак реализма

скульптура, воспитание». И гипсовые слепки укреплены на стенах одного из первых музеев страны — для воспитания вкуса и умения видеть прекрасное.

В публикации ни слова об уникальной библиотеке, хранящей шедевры: от энциклопедий Д. Дидро до последних изданий по искусству. Собрание старинных гравюр... Музей полон работ воспитанников Академии с XVIII века... И самое удивительное — ни слова о великих тружениках: академиках, профессорах. Одно перечисление имен — это история нашей художественной школы от Карла Брюллова до Андрея Мильникова, великого авторитета современности.

Но это, надеюсь, тема будущей серьезной статьи о жизни нашей школы, славной не только поцелуями профессоров и студентов.

От имени президиума Российской академии художеств
Главный научный секретарь президиума
М.М. Курько-Роман

P.S. Вот несколько фактов, опровергающих утверждение, что «здание с XVIII века не перестраивалось». За последние годы воссоздан храм, воздвигнут над его куполом золоченый крест. Восстановлены огромные стеклянные фонари над аудиториями, дающие верхний свет. Перекрыта заново над всем гигантским зданием кровля. Воссоздается фигура богини Минервы над центральным куполом фасада. Отремонтированы уникальные печи для варки смальты — материала для мозаичных панно. Студенты получили возможность формировать и отливать из бронзы скульптуры на учебной базе «Монументскульптура». И это только часть неустанных забот президиума Академии художеств и ее президента Зурбаба Церетели. Трудно переоценить и заботы губернатора Владимира Яковлева.

Как видите, многое делается. А на страницах вашего уважаемого издания — насмешливые рассуждения о престарелых натурщиках, сопровождаемые пикантными цветными фото обнаженных молодых моделей. И вместо обличительного утверждения о «призраках реализма» — откровенная чернушная дезинформация.

№ 19 / май 2002

Когда ум и сердце ладят

По профессии я психолог, у меня своя маленькая консультация, мой штат — шесть человек. Работаю в основном с семейными парами, хотя свой собственный замужний стаж у меня небольшой — семь лет. Я прямо-таки вцепилась в статью «Праведный гнев». О, это скрытое раздражение, которое копилось годами и вылилось в гнев... Оно разбило не одну семью. Все так взаимосвязано в семейной жизни. Вот автор занимается с детьми, моя работа — их мамы и папы, чаще всего люди, много работающие и добившиеся успеха. Но наступает момент, когда и у них появляются тысячи причин, чтобы не ладить. Разные характеры, темпераменты, взгляды на жизнь, эмоциональный склад... И вся эта, так сказать, «разность» начинает проявляться у любящих пар впервые, когда у них рождаются дети. Или когда один из супругов уходит с головой в науку или бизнес. А если еще и неустроянность, неважно какая: бытовая, неудовлетворенность профессией, сексуальная неудовлетворенность, измены... Точит человека изнутри, как ржавчина точит железо, медленно, и вдруг — гнев, срыв, никто из супругов не уступает. А ведь отношения можно сохранить, если не замыкаться, поделиться с близким человеком, прийти к психологу. Только на прием идут, когда уже разногласия зашли далеко.

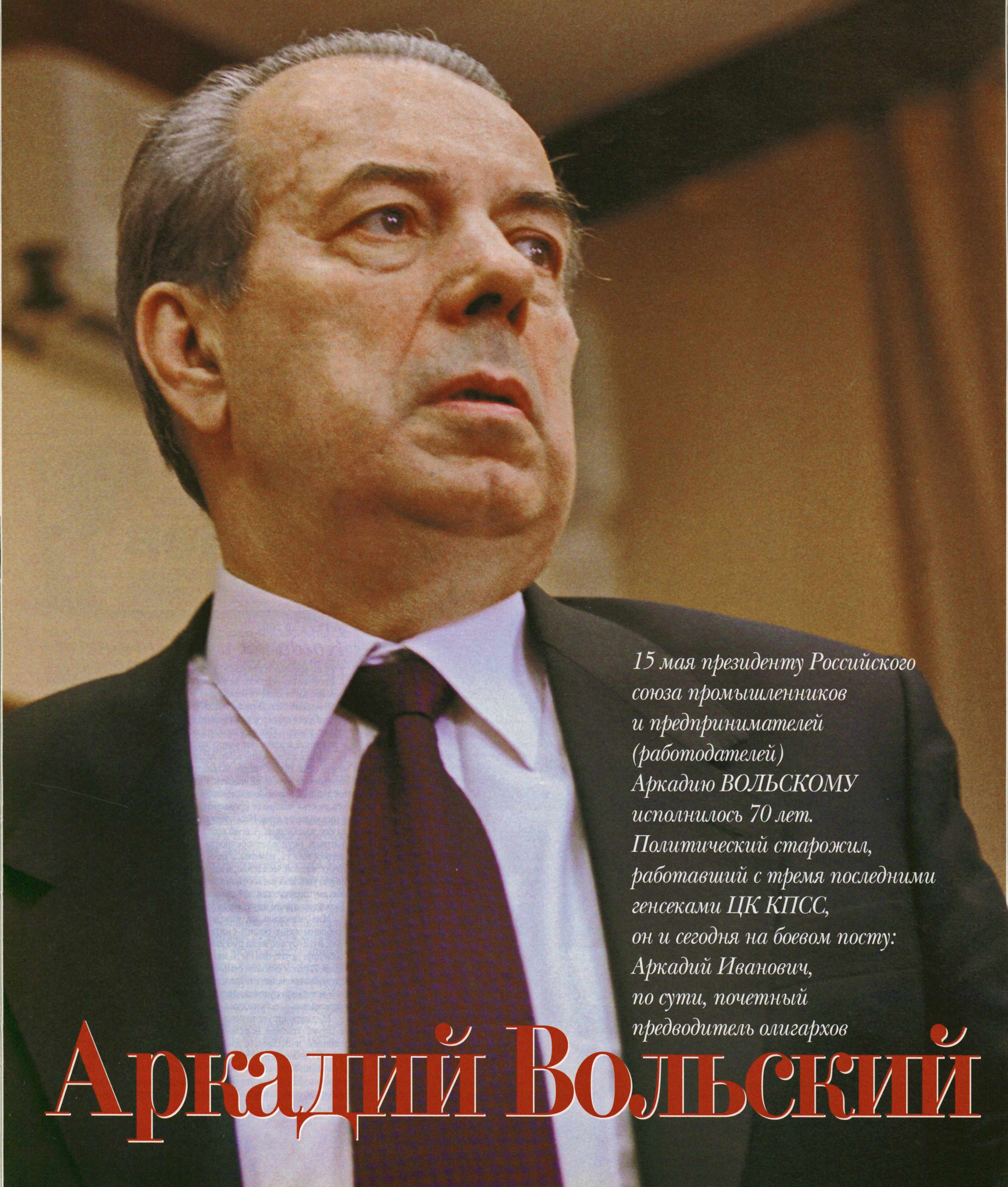
Мне очень жаль, что у нас нет института психоаналитиков. Многие проблемы можно решить с их помощью. Несколько лет я веду одну семью: муж грузин, жена русская, моложе его на десять лет. Я уверена, любя друг друга, они бы давно расстались, если бы отказались от помощи. К слову сказать, семья, в которых кто-то из супругов имеет другую национальность, помощь психоаналитика требуется чаще всего. У меня муж русский, я армянка, родилась и выросла в Москве, но национальные особенности характера и в моей семье сказываются.

Мне импонирует точка зрения автора статьи — гнев действительно штука полезная, если не переступать крайности. Я считаю, что напряжение надо снимать: один выпьет пару рюмок, другой поет романс, третий гневается. Мой маленький сын, когда я начинаю сердиться, говорит так: «Марочка-мамочка, ну не гневайся так громко...» Но как уловить меру? Конечно, это счастье, когда ум с сердцем в ладах. Но, как мы знаем, слаб человек. Слаб. И эта слабость отличает его от роботов.

Мара САРКИСЯН (БЕЛОВА), 34 года

Праведный гнев

A close-up portrait of Arkady Volynsky, a middle-aged man with receding hair, wearing a dark suit, a light-colored shirt, and a dark tie. He is looking upwards and to the right with a thoughtful expression. The background is a blurred, warm-toned interior.

*15 мая президенту Российского
союза промышленников
и предпринимателей
(работодателей)
Аркадию ВОЛЬСКОМУ
исполнилось 70 лет.
Политический старожил,
работавший с тремя последними
генсеками ЦК КПСС,
он и сегодня на боевом посту:
Аркадий Иванович,
по сути, почетный
предводитель олигархов*

Аркадий Вольский

Предводитель Олигархов

Людмила ЛУНИНА

— Аркадий Иванович, вы так давно во власти, что просто теряешься, с чего начать, — то ли про Брежнева спрашивать, то ли про Путина... Такое ощущение, что вся ваша долгая трудовая биография развивалась по прямой: не было у вас ни взлетов, ни падений, ни пиков, ни кризисов...

— Вся жизнь состояла из зигзагов, которые не каждому удастся пережить. Если пунктиром пройтись по биографии... Родился в 32-м в городе Добруш в Белоруссии. Родители были учителями. Война застала нас в Белостоке, мама заведовала там горно — ее из Добруша послали налаживать на бывших польских территориях новый учебный процесс.

В четыре часа ночи... Помните песню? «22 июня ровно в четыре часа...» Это про мою жизнь. Мы встретили эту бомбежку первыми. Жили мы в одном доме с командиром пограничного отряда. Выскочили все во двор, а командир, набросив китель, говорит: «Видите, какие красивые маневры. Все-таки умеем, когда захотим». А утром немцы подошли к Белостоку, и было принято решение детей вывозить. Взрослые, мирное население, оставались на своих местах, чтобы не сеять паники. Детей собрали, посадили на платформы, и через две недели я попал в город Хвалынский (Саратовская область), в детский дом номер три. Ближе к концу войны наша семья чудом нашла друг друга. Это был первый зигзаг.

Прошло время, окончил я Институт стали, работал на ЗИЛе в литейном цехе. В 1956 году меня в составе молодежной делегации послали в Будапешт. Думали, едем на экскурсию, по музеям походить и пива попить, а увидели ввод наших войск в Венгрию. Был серьезный момент, когда мы прятались в подвале и нас от бандитов с оружием в руках защищал парень Лайош Кериман. Я его фамилию на всю жизнь запомнил, он потом стал директором крупнейшего завода в Будапеште. Он нас спас.

Далее 68-й год, 21 августа, меня вызывают в ЦК: надо надевать военную форму и ехать в Чехословакию. Нашей задачей было подобрать первого секретаря Пражского горкома. Нашли хорошего парня, но, когда наша группа из Праги уехала, первого секретаря из партии исключили, потому что он был, оказывается, инициатором антисоветского съезда на одном заводе в Праге.

— Может, вы параллельно с ЗИЛом состояли на службе еще в одной не афиширующей себя организации?

— Нет, не состоял, хотя в принципе ничего плохого в деятельности этой организации не видел. Меня туда не звали.

В 88-м году работал заведомом ЦК КПСС. Звонит Михаил Сергеевич Горбачев: «Можешь сейчас зайти?» — «Могу». Естественно, как бы я не смог?! А

Горбачев — удивительный человек — он так мог уговорить, потрясая у него получалось. «Знаешь, — говорит, — сложная ситуация в Нагорном Карабахе. Война зревает жуткая. Надо туда ехать. Перебрали всех — никто не может. Никто, кроме тебя».

— А вы до этого межнациональными конфликтами не занимались?

— Нет, я всю жизнь отвечал за промышленность. Но когда такое слышишь от главы государства, раскисаешь, ноги становятся ватными. «И действительно, — думаешь, — ведь нет никого, кроме меня». Мне обещали командировку на полгода, до новогодних праздников. А провел я там два года, без семьи, под пулями. Но Карабах — это особая тема, когда-нибудь мы отдельно об этом поговорим.

— Я читала ваши интервью в интернете. Две темы для вас — незаживающие раны: это Карабах и Чечня.

— Это моя боль по-настоящему. В Карабахе, до начала этой дикой войны, пока действовал Комитет особого управления, погибли всего восемь человек. Я там все должности исполнял: и председателя обкома, и начальника облисполкома, и заготовителя зерна. Все вопросы — от безопасности до осеменения коров — были в моем ведении.

— То есть, вы поддерживали нормальную жизнь и это стабилизировало ситуацию?

— Да. Мы ушли в январе 90-го, а в феврале началась настоящая война. И это была большая ошибка. Может, нас и пора было заменить, но обязательно оставить прямое управление из Москвы. Оно устраивало и азербайджанцев, и армян, потому что не позволяло валить вину друг на друга.

Следующий зигзаг — Чечня, тоже интересный исторический момент. Вызывает Виктор Степанович Черномырдин: «Я только что говорил по телефону с Басаевым. Он требует, чтобы переговоры начались немедленно, иначе он в Буденновске всех убьет. Надо лететь, я тебя прошу. Там уже Анатолий Куликов и Вячеслав Михайлов (министры внутренних дел и по делам Федерации и национальностей. — Ред.). Составьте комиссию, позвоните Басаеву, начните переговоры». В десять часов утра мне все это сообщили, а в два часа дня мы уже вылетели на Кавказ. В полпятого связались с Басаевым, и он начал выходить из Буденновска.

Переговоры мы вели 64 дня и закончили их на хорошей ноте. Мы пришли к трудному, но верному решению, которое утвердили и Ельцин, и правительство, и Дудаев с Масхадовым и Гелаевым. Причем там были оговорены такие тонкости, как ответственность Масхадова за поиск бандитов. У нас основа была — разоружение.

— То есть вначале разоружение, а потом вывод войск?

— Да. И спокойно бы это все прошло. Чеченцы сами хотели мира. Я помню, за первые два дня действия нашего соглашения было раздавлено танками тысяча сто автоматов. Их просто уничтожили.

На военных сборах. Начало 60-х годов

из семейного архива

А потом Хасавюрт разрушил все к чертовой матери. Если бы не было того, что позже мы назвали предательством...

— Вы имеете в виду политические страсти и борьбу за власть в Москве?

— Да не страсти это, а форменное предательство. Например, я встречался с Дудаевым. Он прятался в горах, добраться до него было непросто, мы ехали всю ночь. Залезли к нему в горы, сели, начали разговаривать. Он, естественно, был обижен. «Я, — говорит, — советский генерал (он же при социализме командовал дивизией стратегического назначения, которая, по сути, была одна, сверхдивизия), разве можно со мной так непочтительно?!» Рассказывал, как ожидал встречи с Ельциным. Ему клятвенно обещали, что такая встреча состоится. Он сшил новый костюм, ему женщины мундир золотом вышивали. А в Кремле в последний момент все отменили. Встретился бы с ним тогда Ельцин, может, и не было бы двух чеченских войн.

Самое интересное, Дудаев был в курсе всех моих тайных донесений в Москву. «Аркадий Иванович, — говорил Дудаев, — вы на днях доложили президенту о положении в Чечне. Вот текст вашего письма, я подчеркнул пункты, в которых вы не правы». А я все донесения передавал по секрету, шифротелеграммой. Дудаев же получал нашу корреспонденцию обратно из Москвы иногда в тот же день. Так было с письмом Шахрая, которое Дудаев мне вручил со многими другими документами. Поэтому я считая, что в Москве сидели не политиканы и интриганы, а настоящие предатели.

— Как-то мы быстро дошли до современной истории. Давайте вернемся назад, в годы вашей юности. Какие у вас были тогда побудительные мотивы: служить Родине, выбиться в люди, нормально в плане быта жить?

— В юности держать в голове меркантильные соображения неестественно, это должно позже произойти. Может, у моего поколения желание служить Родине было более искренним и горячим в силу воспитания.

Я был шалопай. Занимался фотографией, и мне страшно хотелось поступить во ВГИК на операторский факультет. Был у меня друг Коля Мосин, вместе с которым я и поехал в Москву.

Вначале на творческий конкурс надо было представить свои фотографии. В приемной комиссии сидела мудрая женщина, она взяла наши аттестаты, заявления, а потом предложила: «В соседнем зале — выставка фотографий тех ребят, которые поступают на операторский. Сходите, посмотрите».

Первыми висели фотографии сына оператора Головни, изумительного мастера. А сын его пошел дальше отца. Представьте фото: на розе — муха, а рядом — капля воды. Против моих карточек, на которых люди сидят и играют в карты, те были шедеврами. И Коля сказал: «Аркадий, пожалуй, нам здесь делать нечего».

В приемной ВГИКа сидел мужичок (я, к сожалению, не помню его фамилию, он потом стал деканом Института стали), и он нас переманил: «Да куда вы идете, зачем вам какая-то кинематография?! Давайте к нам, в Институт стали!» Это сейчас он называется «стали и сплавов», а раньше — Институт стали имени Сталина, единственный институт имени вождя. «У нас Дом коммуны, — уговаривал нас товарищ, — все бытовые вопросы решены, спорт развит». А я был чемпионом Белоруссии по боксу, мне спорт был очень интересен.

Короче, мы поступили. И я о том своем выборе ни разу не пожалел. Жизнь металлурга оказалась не менее насыщенной, чем жизнь кинооператора. Институт окончил с отличием, у меня была масса предложений, в том числе и в аспирантуру. Но я уже женился, сын должен был родиться, и не наука мне нужна была, а заработок. Я пошел в литейный цех автозавода имени Лихачева. Там за пятнадцать лет прошел все ступени, от помощника мастера до начальника литейного цеха. Из мастеров я один имел высшее образование, все остальные были практиками.

— Но там же безумно тяжелые условия...

— Да, сложные. Жизнь была такая. Я иногда придурился, ходил в белой рубашке, она к концу дня становилась

«У меня было одиннадцать предложений другой работы. Но я ниже чем на должность президента РСФСР не соглашусь. А что может быть выше? Зампред Совмина, на мой взгляд, — понижение»

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

черной. Когда новый директор Павел Дмитриевич Бородин увидел меня в белой рубашке, он сказал, что мне не начальником цеха надо работать, а секретарем парткома.

— Обычно крепкие, что называется, хозяйственники скептически относились к партийной работе.

— На ЗИЛе было 13,5 тысячи коммунистов, 25 тысяч комсомольцев, 75 тысяч — коллектив. Секретарь парткома реально за многое отвечал. Меня весь завод называл «директор парткома», и до сих пор так называют. Я никогда не занимался агитацией и пропагандой, а все время промышленностью и заводом, внедрением новой техники, подбором кадров.

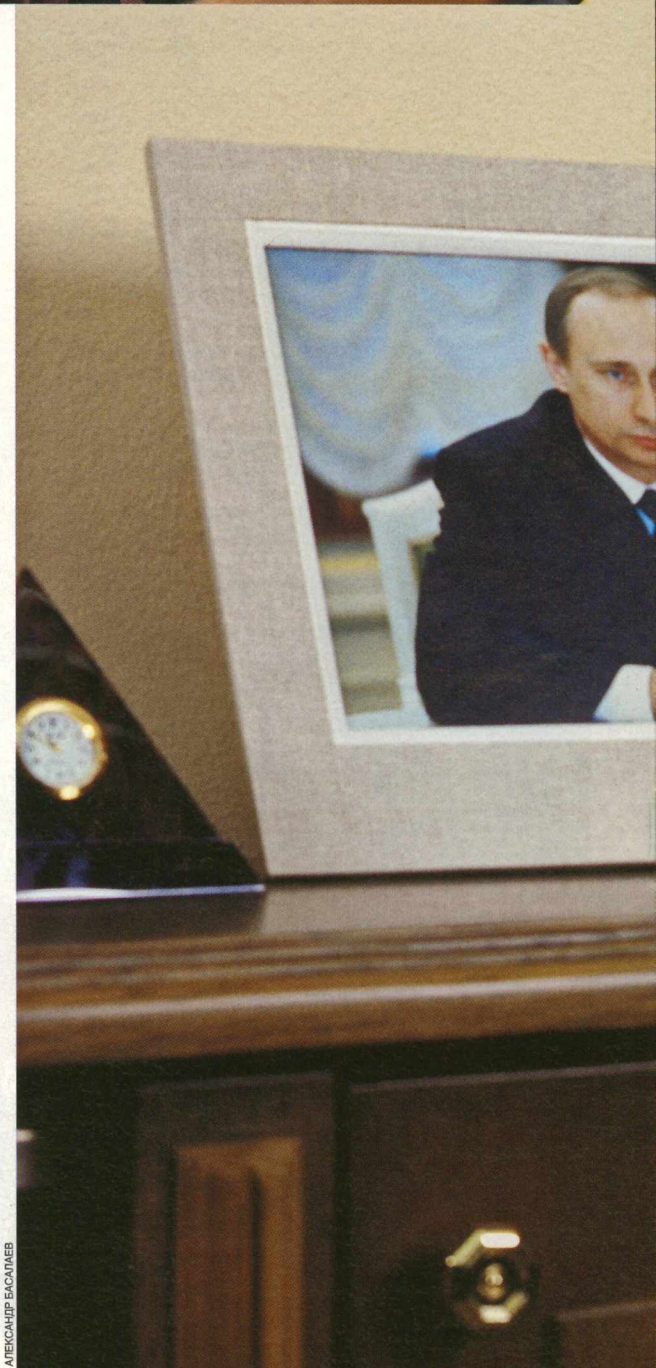
Помню, мы собрали партком и сняли начальника моторного цеха. Он плохо работал, жаловались на него. Директора поставили в известность постфактум. Он мне звонит: «Аркадий Иванович! Нам надо встретиться». — «Что ж, — отвечаю, — заходите». — «А может, вы зайдете?» Я сообразил, что он главнее. И мне преподали урок на всю жизнь. «Ты не прав, — сказал он мне. — Директор на заводе должен быть один. А у нас сегодня два». Я и сейчас многим это говорю. Президент в стране должен быть один. И те, кто сегодня пытается его решения саботировать, люди недостойные. И главный редактор журнала должен быть один. Этот человек несет персональную ответственность за дело.

— Я читала о вашей способности находить компромиссы. У вас есть какие-то секреты? Ну, например, министр культуры Михаил Швыдкой считает, что даже самую неприятную новость человек выслушает спокойно, если при этом называть его по имени-отчеству. У Михаила Ефимовича прекрасная память, имена-отчества он запоминает накрепко.

— У меня тоже память неплохая, но только на имена. Я всех без исключения называл по имени, даже людей старше себя. Считал, что такое обращение сближает. Это заводская привычка. Когда Швыдкой ведет телепрограмму «Культурная революция», ему нужно соблюдать политес. Но в горячем цеху «Василий Петрович, вы не так льете» не звучит. Сподручней кричать «Вася» и «Петя» и еще добавив два-три крепких слова. У меня и сейчас иногда вырывается зильовская терминология.

— Мне рассказывали про вас анекдот. Когда вы работали в ЦК, то тоже любили вставлять в речь крепкие слова и по телефону предупреждали, что, если кто подслушивает, пусть не обращает на это внимания.

— Мне Бакатин, в бытность свою председателем КГБ, показал стенограммы моих телефонных разговоров в дни ГКЧП. Рукой неведомого инспектора там было приписано: «Ничего особенного Вольский не говорил, но очень много ругался». С тех пор каждый раз действительно я

АЛЕКСАНДР БАКАТИН

предупреждаю: «Если кто прослушивает — девочки, извините, пожалуйста, вырвалось».

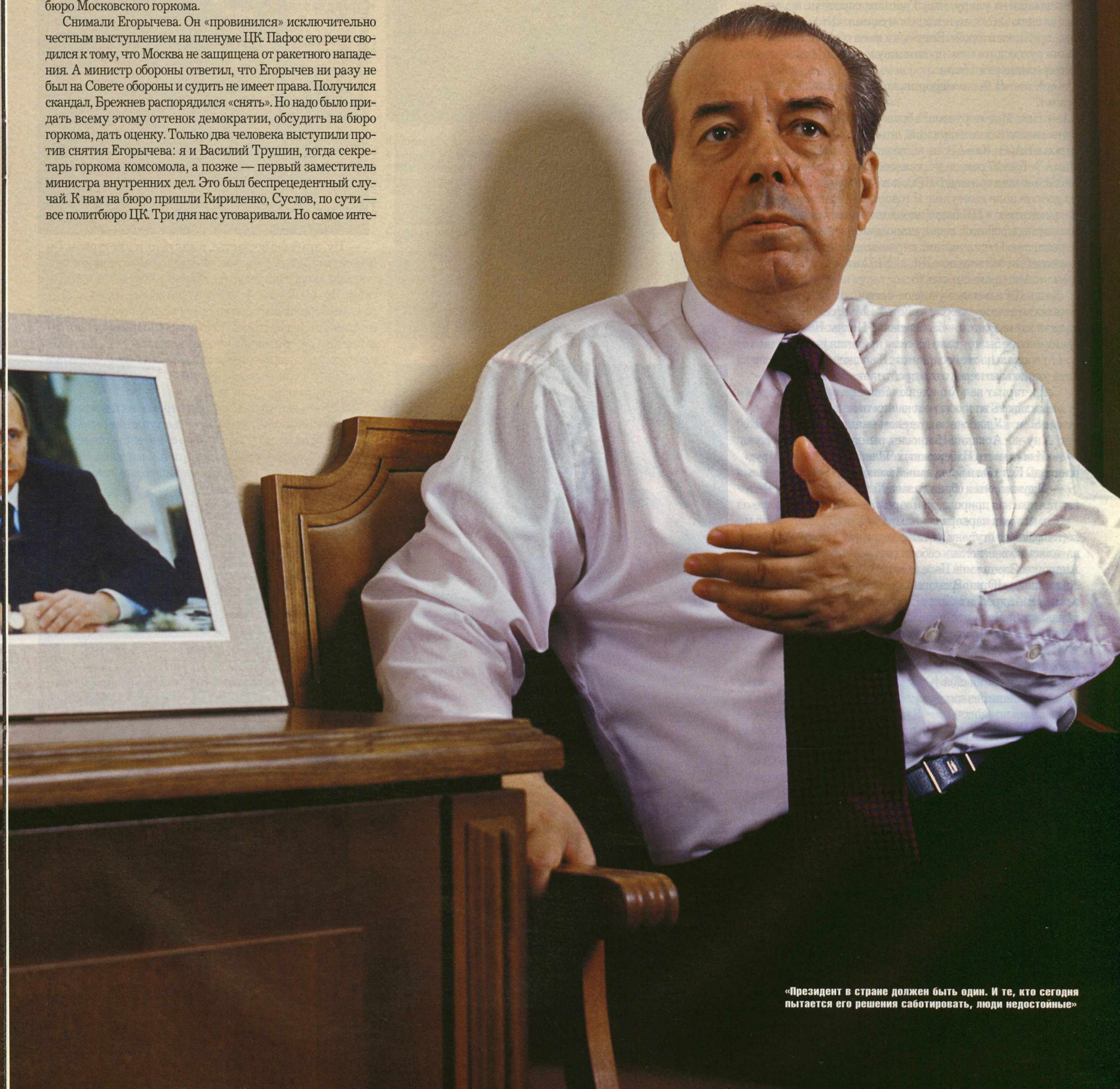
— А как вы с завода попали в ЦК?

— Я проработал партсекретарем четыре года. За это время прошла смена Хрущева. Потом меня пригласили в ЦК.

— Смена прошла без вашего участия?

— Да все там было. Это очень непростая тема. К смене городского руководства я все-таки отношение имел. Я не записываю это лично на свой счет, не я обладал влиянием, а скорее ЗИЛ. Секретарь парткома ЗИЛа являлся членом бюро Московского горкома.

Снимали Егорычева. Он «провинился» исключительно честным выступлением на пленуме ЦК. Пафос его речи сводился к тому, что Москва не защищена от ракетного нападения. А министр обороны ответил, что Егорычев ни разу не был на Совете обороны и судить не имеет права. Получился скандал, Брежнев распорядился «снять». Но надо было придать всему этому оттенок демократии, обсудить на бюро горкома, дать оценку. Только два человека выступили против снятия Егорычева: я и Василий Трушин, тогда секретарь горкома комсомола, а позже — первый заместитель министра внутренних дел. Это был беспрецедентный случай. К нам на бюро пришли Кириленко, Сулов, по сути — все политбюро ЦК. Три дня нас уговаривали. Но самое инте-

«Президент в стране должен быть один. И те, кто сегодня пытается его решения саботировать, люди недостойные»

ресное: когда Егорычева сняли и избрали Гришину, Вася Трушин мне сказал, что теперь нас наверняка выгонят. А получилось наоборот: новый секретарь МГК Гришин сменил всех членов городского бюро, кроме нас.

— Вы не боялись?

— А чего бояться? Дальше литейного цеха все равно бы не послали. Прошло два месяца, Гришину надо было избираться в Моссовет, это по чину положено. И он почему-то решил баллотироваться в нашем Пролетарском районе. Мы как-то встретились втроем, поужинали, выпили. Когда уже вышли на улицу, мы у Гришина спросили, почему он нас не снял. Он оглянулся и потом сказал: «Кто предал один раз, предаст и второй». Впервые в моем общении с партийными руководителями промелькнуло что-то человеческое. Интересное время было.

— У вас не было эйфории, когда вы попали в ЦК, на олимп?

— Нет. Мне поручили абсолютно привычную работу — назначили заведующим отдела машиностроения. Я строил ВАЗ и КамАЗ, не вылезал из командировок. На КамАЗе был 27 раз, сидел там месяцами. Когда в середине 1990-х шел суд над КПСС, я в Конституционном суде по доброй воле выступил. Я говорил, что нельзя смешивать понятия: в ЦК были идеологическая часть (отделы пропаганды, общий, международный) и экономическая, отраслевая. Отдел машиностроения, по логике, вообще должен был быть не при ЦК, а при Совмине. Мы занимались только промышленностью.

Да и в ЦК я попал случайно — меня, вообще-то, собирались послать директором на КамАЗ. Мы с семьей долго искали на карте, где это — Набережные Челны. Но ничего, никаких слез не было, что из Москвы придется уехать, и жена и дети нормально это восприняли. Я должен был через пару дней улететь, но перед этим пройти утверждение в ЦК.

Секретариат вел Кириленко. Он меня представил, мне стали задавать вопросы — я на них отвечать. И вдруг они вспомнили: «У нас же заведомо машиностроения в ЦК нет! А ну-ка, Аркадий Иванович, выйдите на минуточку».

— И вы вместо Набережных Челнов попали на Старую площадь. Если бы я была вашей женой, я бы обрадовалась.

— Я думаю, она и обрадовалась. Хотя в Набережных Челнах прекрасная природа, да и зарплата в два раза больше.

Так что моя карьера складывалась последовательно и логично, через ступени я не перескакивал. Неожиданности начались позже, когда к себе в помощники меня пригласил Андропов. Звонит мне Павел Павлович Лаптев, помощник Андропова: «Юрий Владимирович просил вас в два часа зайти». А Андропов в смысле пунктуальности был человек уникальный. Педант. Если политбюро должно было длиться час, ровно через шестьдесят минут оно завершалось.

И вот, как сейчас помню: часы в приемной пробили два, встал дежурный Женя Колгин и открыл передо мной дверь. Кабинет большой. Юрий Владимирович сидит в глубине в рубашке без пиджака: «Я решил вас взять к себе в помощники по экономике». Я растерялся: как так, ни прамбулы никакой, ни сесть не пригласил. Стою. «Юрий Владимирович, я, может, для этой работы не годюсь. Я заводской человек. Давайте я о себе немного расскажу». А он снял очки, у него без очков было детское выражение глаз, посмотрел на меня удивленно: «А вы что думаете, я о вас меньше знаю, чем вы о себе?»

И тут я начал вспоминать, что примерно весь последний месяц ко мне ходили люди, которых я годами не видел: те, с кем учился, из других отраслей. Приезжал человек из Новосибирска, откуда-то узнавал мой телефон, являлся в гости. И я понял, что Андропов знает много. «Вы сейчас идите, — сказал он мне, — а к четвергу подготовьте справку о просадках на Атоммаше». Сомнения — соглашаться или нет — закончились сразу.

Андропов был культурный человек, великолепно знал музыку, литературу, писал стихи. Самый ценный его подарок — книга стихов, которые он писал, еще будучи в Петрозаводске, выпущенная под псевдонимом Юрий Влади-

из семейного архива

из семейного архива

миров. Он знал языки. Переводчики побаивались с ним работать, он их ловил на ошибках: «Вы неправильно перевели: impossible — это невозможно, а вы сказали «нельзя»».

— Но говорят, что это был лишь умело созданный образ. Никакой особой учености у Андропова не было.

— Я могу отличить маску от сущности. Я Андропова близко наблюдал, он действительно был эрудит. Если бы не ранняя смерть, он бы сделал в стране большие изменения. «Надо нам разобраться, в какой стране мы живем» — эта его фраза была широко известна. Он и жестче говорил: «Страну надо менять». Может, Дэн Сяопин действовал, начало китайских реформ. Путин в 2000 году создал федеральные округа, а у Андропова эта мысль была в середине 80-х. Он считал, что деление страны по национальным границам неправильно и чревато конфликтами.

— Андропов — это такой немой исторический вопрос: куда он хотел развивать страну — в сторону экономических реформ или закручивания политических гаек?

— Думаю, его в первую очередь интересовала экономика. У него было потрясающее чутье. Он чувствовал, что надо что-то делать, что дальше так нельзя. Мы подошли к пределу возможностей. Общесоюзный лозунг тогда, помните, был какой? Прирост производительности труда на один процент. Это он сам предложил.

— А Черненко?

— Ну, это было несчастье, и для него, и для страны. Он был сильно болен, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И уровень у него был не тот, и эрудиция, и подготовка. Что вы хотите — заведующий общим отделом. Когда его избирали, было много различных мнений, спор был бурный. Вышел Устинов: «Костя парень покладистый, давайте Костю». Жизнь так иногда складывается... И сейчас высокие назначения порой так же происходят. Или даже хуже. Мы потеряли связь с кадрами.

— А Горбачев?

— Он был явный фаворит. Он первым из генсеков выступал без бумажек. Первое такое выступление было в Ленинграде, и на меня оно произвело сильнейшее впечатление. Другой вопрос, как Горбачев потом менялся. Но в начале у него было множество сторонников, или, как сказали бы сейчас, огромный рейтинг.

— А были ли на рубеже 80 — 90-х годов моменты, когда у вас опускались руки? Ведь все же шло под откос, даже то, что вы сами до этого создавали.

— Мы что-то пытались делать. Не хочу сейчас переоценивать достижения РСФСР, но, думаю, без нас было бы хуже, стабилизирующую роль мы все-таки сыграли. Единственное, что мы прозевали — приватизацию. Это была кошмарная история. Раздача собственности за ваучеры, каждый из которых, как вначале обещали, должен был стоить как автомобиль «Волга». А в результате ваучер отдавали за копейки, за бутылку водки. Я ходил к Борису Николаевичу Ельцину, Гайдари, Бурбулису, уговаривал, объяснял: «Сделайте как в Чехии. Чехи сделали чековую книжку с ваучерами разных цветов: один цвет — сертификаты легкой промышленности, другой — тяжелой». Человек мог вложить какую-то сумму в один завод, какую-то — в другой, где-то проиграть, где-то выиграть. То есть сразу стал складываться рынок ценных бумаг. И ваучеры были именные. Они обменивались на именные акции, никто не мог купить ваучер и тут же перепродать его. Все члены общества стали акционерами.

— Но сейчас вы с теми бизнесменами, которые ваучеризацию не прозевали, общаетесь.

— Сейчас — да. Что же нам, объявлять снова национализацию? Это невозможно, великие потрясения никому не нужны.

— Пару лет назад под ваше крыло пришли ведущие олигархи, и у РСФСР началась новая жизнь...

— Не совсем так. Чем был наш союз еще до прихода олигархов? Когда упразднили министерства и ведомства, директора заводов по всей стране почувствовали себя что малые дети без родителей. Они хотели сбиться в...

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

На предыдущей полосе:
с сыном Владимиром
и дочкой Галиной.
Внуки Миша и Аня

Семья на отдыхе

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

В литейном цехе ЗИЛа.
1955 год

С женой Людмилой Александровной

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

— Коллектив.

— Да, в команду. И поэтому, когда мы, 32 депутата Верховного совета, в начале 1990-х объявили о создании Научно-промышленного союза, к нам потянулись отовсюду. У нас до последнего времени было 320 тысяч членов! Сейчас стало больше. Да, многие вопросы решать не удавалось. Я еще раз говорю: мы упустили работу с кадрами. К руководству пришли люди малоподготовленные.

— Вы имеете в виду директоров заводов?

— Нет, членов правительства. Слово «правительство» происходит от слова «править», а не смотреть, что происходит. А повсеместно во власть попадали люди абсолютно случайные. И они решали судьбу великой державы. Где они сейчас? Растворились, всех смыло.

— Но вы остались. И номер правительственной «вертушки» у вас неизменный уже двадцать лет. В чем секрет вашей «вечной молодости»?

— Да просто работать надо. У меня было одиннадцать предложений другой работы. Но я ниже чем на должность президента РСФСР не соглашусь. А что может быть выше? Зампред Совмина, на мой взгляд, — понижение.

— Вы сейчас работаете с «акулами капитализма». Они вас не кусают?

— Да они нормальные люди. Первичная подготовка у этих ребят очень сильная, среди них нет ни одного раздолбая. В отличие от правительства. Потанин, к примеру, окончил МГИМО, работал в МИДе, знает языки. Он человек определенного уровня культуры. И другие не хуже. Каждый из них — личность. Другой вопрос — куда их усилия направлены, как сформирован коллектив, кто советники. Можно пойти по пути Гусинского, можно нормальным путем Потанина (фамилии я взял условно, для примера): развивать производство, показывать хороший рост.

— И что, все эти личности удастся усадить за один стол и привести к одному мнению?

— Тяжело их к одному мнению привести. Это достается большой кровью, вы мне поверьте, я не обманываю. В коллективе работать они не очень привыкли.

— Не так давно Каха Бендукидзе вышел из объединения по ТВ 6. Он дал расплывчатые объяснения. Сказал, что ему не понравился бизнес-план. У вас есть какие-то комментарии?

— Я хочу от ТВ 6 держаться как можно дальше. Ни в одно журналистское слово вмешиваться не буду, только если начнется открытое хулиганство. Единственное мое желание — сохранить коллектив, скорее ликвидировать конфликт, сделать так, чтобы канал не принадлежал ни олигарху, ни государству. Что касается Кахи Бендукидзе, тут существует несколько версий. Я не могу присоединиться ни к одной. Но на его место сразу попросились пятеро претендентов.

— В интервью на «Эхе Москвы» вы сказали, что у журналистов должна быть самоцензура. Это как?

— Самоцензура — это когда человек держит себя в рамках приличия, этики, когда он не врет. Вранье — самая распространенная болезнь современной российской журналистики. От нее надо избавляться.

— У вас юбилей — семьдесят лет. Вы на пенсию не собираетесь, семья не ропщет?

— Семья, по-моему, была бы рада, если б у нее появилась возможность быть со мной. На работу я ухожу рано, возвращаюсь поздно. Весь дом — на жене, мы все, можно сказать, стоим перед ней навтыжку.

— А кто у вас жена?

— В прошлом — инженер-химик. Мы в следующем году будем справлять «золотую свадьбу», пятьдесят лет брака. У нас двое детей и шестеро внуков. Дети толковые. Дочка — философ, кандидат наук, сын — доктор физико-математических наук. У дочки двое детей, у сына месяц назад родился четвертый ребенок. Просто удивительно, как лихо они делают детей, у нас в свое время так не получалось. А что касается моего отдыха — это вопрос открытый. Подумаю после юбилея, после 15-го. Вам первой сообщу. ■

Обратная сторона Земли

Дмитрий АКСЕНОВ
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

«В Москве плюс 20, в Анадыре минус 30.
Зачем я сюда поехал, Господи?..»

ЗОНА ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Чукотку охраняют так, как будто здесь спрятано наше секретное... оружие, руды, люди... — не знаю, что именно. На ЧАО (Чукотский автономный округ) давным-давно повесили статус «пограничного» со всеми вытекающими. Просто так сюда не попадешь, только по особому приглашению и особому разрешению. И если погранслужба в аэропорту не даст добро, улетишь обратно, едва вдохнув экономого северного воздуха. Экономного, потому что кислорода здесь на 25% меньше, чем на Большой земле. Тут здесь с кислородом, деревья почти не растут, да и лето длится всего полтора месяца. С непривычки у многих (у меня, например) ощущается кислородное голодание.

Собственно, этим отчасти строгости и вызваны — ресурсов на Чукотке мало, и каждый лишний рот здесь действительно лишний. На Чукотку ввозится практически вся номенклатура (да простят мне использование этого грубого слова) товаров народного потребления. Чукотка не в состоянии ни кормить себя, ни одевать. Ввозится, само собой, самолетом либо морем во время короткой летней навигации. Наверное, по этой причине большинство чукотских магазинов по ассортименту напоминают прилавки времен «развитого социализма».

Говорят, Анадырь за эти годы преобразился. «Говорят» — потому что я был здесь в первый раз, не видел прежнего убожества и могу не увидеть того великолепия, которое будет здесь в будущем. Впрочем, наметки действительно появились: фасады большинства домов приведены в божеский вид, построены гостиница под названием «Отель» и Ледовый дворец, достраиваются торговый комплекс и кинотеатр. Размах строительства, конечно, не столичный, но если учесть, что с 1986 года здесь вообще ничего не строилось, то радость местных жителей становится понятной.

И все-таки, на мой поверхностный туристический взгляд, Анадырь — типичный заповедник социализма, нестертый след прошлой эпохи. Улицы имен местных и мировых

революционеров, не очень чистые, магазины — с хамоватыми советскими продавцами. Типично советские пятиэтажки, разве что стоят дома не на фундаменте, а на сваях — все-таки зона вечной мерзлоты. Типично советское оформление города — на стенах домов странные сюрреалистичные советские семьи, рыбки, зверюшки, кружочки, палочки. Разумеется, портреты Ильича, правда с явно чукотским акцентом.

И все-таки город словно законсервировался в своей вечной мерзлоте. Даже цены в магазинах можно найти советские, на прилавках еще встречаются следы «северного завоза» образца 1993 года. Я помог реализации, купил себе расческу по цене 9 коп.

ВО ГЛУБИНЕ ЧУКОТСКИХ РУД...

В Чукотской земле есть все. Если не вся таблица Менделеева, то большая и лучшая ее часть. Но очень глубоко — не достать.

Первый раз жадный экскаватор белых людей залез в недра Чукотской земли, когда в 1941 году на Валькумейском месторождении началась добыча олова. Олово тогда было дорогое, месторождение богатое, страна огромная, и месторождение даже приносило прибыль. Новые рудники открывались один за другим. Подъем экономики Чукотки продолжался до конца 80-х годов, потом округ вошел в пике затяжного кризиса, вызванного общероссийскими катаклизмами и конъюнктурой мирового рынка. Некогда процветающая горнодобывающая промышленность в начале 90-х годов начала сворачиваться. Добывать олово и вольфрам на Чукотке стало невыгодно — дешевле купить за границей. В итоге крупнейшие горно-обогатительные комбинаты Певекский и Иультинский оказались в состоянии клинической смерти.

Еще одним из главных богатств Чукотки традиционно считалось золото. В начале 90-х годов на территории округа работали 30 золотодобывающих предприятий, которые добывали более шести тонн в год. В самые удачные годы Чукотка давала до 40 тонн золота.

Однако сегодня и его добыча нерентабельна: себестоимость чукотского золота выше закупочной цены. Сокращение производства золота привело к оттоку специалистов. Из десятков работавших когда-то на Чукотке геологоразведочных экспедиций сегодня остались лишь две. Соответственно, раз тут невыгодно добывать золото, значит, и все остальное невыгодно тоже. Может быть, поэтому губернатор Чукотки Роман Абрамович и его команда сегодня напоминают именно команду ликвидаторов. Людей, которые исправляют ошибки природы,

последствия географических, экономических и политических катаклизмов.

Последствия очевидные — в этом нерентабельном регионе в крайне тяжелых для человеческого существования условиях оказались более 70 тысяч человек. Борьбу с масштабным кризисом можно двумя методами: вывозить людей на Большую землю или создавать условия для их существования на Севере.

...Абрамович губернаторствует на Чукотке уже полтора года. Когда его выбирали, он прямо говорил, что с Чукотки надо вывозить людей, эвакуировать «на материк». Люди радостно соглашались. За полтора года новая чукотская администрация переселила на Большую землю три тысячи человек. «Переселила» — в смысле купила квартиры в центральных округах России, посадила на самолет и переправила. В этом году на очереди еще три тысячи. И тут вдруг люди, всю жизнь мечтавшие о «материке», стали... отказываться от билета в один конец. Они неожиданно поверили, что при новом губернаторе Чукотка снова будет жить как прежде — сыто и счастливо. Недвижимость в Анадыре, ранее стоившая копейки, неожиданно начала дорожать. Говорят, узнав об этом, Роман Абрамович схватился за голову... Станный губернатор, странный регион, странные люди...

Точнее, не странные, а своеобразные. Северяне отличаются от людей «материковых» крайней общительностью, некоторой «деревенскостью». У многих до сих пор сохранилась советская психология. Люди привыкли жить в условиях третьего ценового пояса, под опекой государства, с северным пайком. Они привыкли, что все находится на расстоянии вытянутой руки. Привыкли, что власть как бы в соседнем доме, рядом, можно добежать и решить вопрос. Для Севера это нормально, но, когда они переезжают «на материк», у многих возникают проблемы — люди по старой привычке пытаются так же общаться с местной властью, а не получается. И когда не получается... начинают звонить Абрамовичу, на Чукотку! Из Воронежа, из Тулы звонят на Чукотку и просят помочь решить их воронежские или тульские проблемы!

Хотя северная психология не только в этом. Здесь люди привыкли доверять власти, доверять друг другу. Здесь только природе нельзя доверять, а людям нужно. На Севере аферистов мало. В России же в целом ситуация более сложная. И часто наивные северяне становятся жертвами нечестных на руку людей. Поэтому люди из команды Абрамовича при переселении всегда предупреждают местные администрации и просят их с особой тщательностью рассматривать все квартирные сделки, в которых участвуют «выходцы» с Чукотки.

КОНТЕЙНЕРЫ СЧАСТЬЯ

У многих жителей Анадыря наблюдается симптом одной и той же болезни — «отложенная жизнь». Большинство северян ждут завтрашнего дня, когда они наконец уедут на Большую землю, или, как здесь еще говорят, «на материк», и начнется «настоящая» жизнь. Сейчас так... репетиция, подготовка, временный период зарабатывания денег. Сейчас холодно, трудно, но зато потом... У многих это

В начале 90-х годов на территории округа работали 30 золотодобывающих предприятий, которые добывали более шести тонн в год. В самые удачные годы Чукотка давала до 40 тонн золота. Однако сегодня его добыча нерентабельна: себестоимость чукотского золота выше закупочной цены. Север есть север

потом не наступает никогда. Сначала копят и откладывают на квартиру. Потом — на машину. Потом на квартиру детям. Потом на образование детей. Потом старость... В общем, поводов остаться хватает, и убрать даже откровенно лишнего человека с Чукотки на материк часто бывает нелегко.

Тем не менее сознание временности пребывания на Чукотке не покидает человека ни на минуту. Он живет не то чтобы «на чемадах», а скорее «на контейнере». Контейнер — это такой большой ящик (типа вагончика), в который можно складывать свои вещи, чтобы забрать их потом на материк. Свой персональный контейнер есть почти у каждого настоящего северянина. Раньше их ставили прямо во дворах, чем несказанно затрудняли проход людей и проезд транспорта. Мне, человеку, знакомому с проблемой московских гаражей, это было понятно. Потом администрация Чукотки (опять-таки с чисто московской решимостью) навела в контейнерном деле порядок. Вся «тара» была свезена в одно место, на одну большую стоянку, и теперь эксплуатируется цивилизованно.

Кстати, контейнеры — это и есть главный элемент той самой «отложенной» жизни. Когда я несколько раз заходил погостить в «северные» дома, обстановка у многих, даже у состоятельных людей, была такая, что даже бож не позавидует. Стоит, к примеру, в углу комнаты панцирная кровать с давно окоченевшим матрасом и стол, сделанный из какого-то ящика. Вся цивильная мебель давно упакована и подготовлена к отправке. В контейнере. Где и находится годами.

— Вот вернусь я со всем этим в свой Воронеж (Тулу, Пермь — возможны варианты) и там заживу...

Впрочем, эпидемия жадности не распространяется на еду. Из десяти тысяч местного анадырского населения как минимум тысяча столуется в ресторане «Анадырь». Здесь обедают практически вся городская элита: миллионеры, директора, чиновники, строители, продавцы, работники коммунального хозяйства...

Цены здесь и впрямь невысокие, особенно по северным меркам. Комплексный обед с красной икрой, мясом в кляре, борщом и компотом стоит около 100 рублей. (Для справки: цены на большинство продуктов питания здесь такие же, как и в России, только помноженные на два, а кое-где и выше. В Беринговском районе Чукотки буханка хлеба стоит 23 рубля.)

В Анадыре сейчас нет бродячих собак и кошек. Кошек, наверное, съели собаки. А собак отстреляли люди. В их смерти виноват распад Союза. Когда на Севере начались первые временные трудности, первыми их на себе ощутили братья наши меньшие. В начале 90-х их в домах было много. А когда прижало, северяне просто вышвыривали домашних любимцев из дома, избавляясь от лишних ртов. Но Север не юг, на подножный корм не перейдешь, собаки начали сбиваться в стаи и в одно хмурое утро насмерть загрызли почтальона. После этого бывшие друзья были объявлены врагами, и их в массовом порядке отстреливали без суда и следствия в течение нескольких дней. Сейчас из вольной живности в городе остались только тараканы. В домах, магазинах, столовых, гостиницах.

На мой вопрос, как здесь с преступностью, знакомый по столовой лейтенант ЛЮВД «Аэропорт «Анадырь» ответил с грустью: «У нас здесь с преступностью плохо. В смысле нет ее. Так, если стянут что по мелочи... Здесь же не спрячешься, не убежишь — кругом тундра, дорог нет, людей — 0,1 на километр, все всех знают. Снаружи — край закрытый, без «визы» не попадешь. У нас здесь даже тюрьмы настоящей нет, если что серьезное — сидеть человека на юг отправляем. В Магадан».

ЧУКЧА В ЧУМЕ

Чукчи в чуме не живут. Потому что жилище уважающего себя чукчи называется «яранга». Яранга гораздо лучше, чем чум. Удобнее, просторнее и теплее. Яранга — большой шатер из оленьих шкур с дыркой в потолке, держится на каркасе, а внутри шатра есть еще маленькая меховая палатка, в которой спят. В центре шатра горит костер, который одновременно служит и отопительной батареей, и плитой.

...До стойбища оленеводов Канчалан-4 (все стойбища имеют свои названия, производные от базового лагеря в с. Канчалан) мы добирались на вертолете 40 минут. 40 минут за бортом маячила одна и та же белая пустыня. Как пилот вышел на стойбище, ума не приложу — чудо навигации. Оказалось, Канчалан-4 — это три яранги.

Мне как почетному гостю с Большой земли налили чай и дали горячий олений язык — самое изысканное кушанье в здешних широтах. Из разговоров узнаю, что стойбище — это мобильный мини-колхоз. В трех ярангах живут шесть мужчин и четыре женщины. Они пасут 700 оленей. Мужчины пасут оленей, женщины занимаются домашним хозяйством. И то и другое сделать гораздо труднее, чем кажется. Оленей то и дело атакуют хищники — волков здесь много, рыси и прочие хищники тоже встречаются.

Хозяйством заниматься тоже не сахар, в округе нет ни продуктовых, ни промтоварных магазинов, даже дров не видно. Крутись как хочешь, но чтоб обед был горячий и сытный, в яранге прибрано и красиво, а дети могли считать, писать и общаться с русскими геологами.

Хозяин яранги — старейший чукча стойбища по имени Тынантельмынтаграу Сергей Иванович медленно и чинно рассказывает о своей жизни. Я наслышан только об одной чукотской проблеме — алкоголизме, поэтому перевожу разговор в «водочное» русло.

— Большая была беда, — не меня повествовательной интонации, говорит господин Тынантельмынтаграу. — Проблема. Сейчас нет. Решили. Как по карточкам стали давать — хорошо стало.

— Это как по карточкам?

*Здесь даже
тюрьмы
настоящей
нет, если что
серьезное —
сидеть челове-
ка на юг от-
правляют.
В Магадан*

Люди перестали уезжать с Чукотки. Почему?

Самый северный в стране ледовый дворец

— Даешь свою карточку в магазине, на ней долг записывают, а тебе продукты дают..

В моем воображении живо представились долговые расписки, которые дают бедные оленеводы продавцам магазинов. Когда же «бедный» оленевод достал из кармана и протянул мне пластиковую карточку VISA, я немало опешил.

— На ней у меня еще 10 тысяч лежит. Удобно, надежно.

Елки-палки, хоть рекламу снимай!..

Как впоследствии выяснилось, с помощью карточек новая администрация Чукотки вполне успешно борется с самопальной водкой. Деньги с карточки снять нельзя, товары можно получить только в магазине, в магазине водка только дорогая, зато качественная. Полностью ввести «сухой» закон пока не отважились — опасались бунтов населения.

После часового сидения в яранге, поедания оленьего мяса и разговоров «за душу» хозяин чума проникся ко мне доверием. И предложил мне остаться у него на ночь. У

меня мелькнули нехорошие предчувствия, и по ехидным глазам моих анадырских гидов я понял, что они оправданны. Весь смысл этой романтической «ночевки» дошел до меня после того, как в яранге возникли две дочки хозяина. Выяснилось, что старый обычай давать гостю дочь или жену на ночь еще жив в тундре. Невысокие, в оленьих мехах на голое тело девочки, потупившись, стояли рядом с костром.

Впрочем, поступать по законам северного гостеприимства не позволяло не только моральное табу, но и вполне прозаические причины: вертолет улетит, и придется добираться до Анадыря два дня на оленьих упряжках. Я вздохнул, вежливо поблагодарил хозяина и сказал, что в следующий раз, через год, даст бог...

«Ил-62» все бежит по взлетной полосе и никак не может от нее оторваться. То ли груз слишком тяжелый, то ли ветер слишком встречный. Был бы я романтиком, сказал бы просто: Север не отпускает.

ПОСОЛ ИРЛАНДСКИЙ В МОСКВЕ

Джеймс Шарки:

«ВЫ УЖЕ ПОБЕДИЛИ»

просто это пока не столь заметно

Владимир ЧЕРНОВ
Александр БАСАЛАЕВ (фото)

— Как вам в Москве?

— Вы знаете, я попал сюда впервые 30 лет назад, когда открывалось наше посольство. Разница между тем, что было и стало, — невообразимая. Другой мир. Я жил во многих городах — в Вашингтоне, Сиднее, Риме, Токио — и совершенно четко вам скажу: Москва — великий город.

— Вы нам льстите...

— Нет-нет! Я знаю, в царское время Москва по всему свету славилась красотой, экзотикой жизни, архитектурой. Теперь она снова стала одной из самых красивых столиц мира. Тридцать лет назад здесь не было ни красок, ни света, ни шуток. Сейчас в Москве пять минут не пройдешь, чтобы не остановиться. Такие прекрасные появились здания! Совершенные до мелочей. Фасад классический, неоклассический. Асимметрия зданий, асимметрия улиц, кружева крыш, окошек, балконов. И люди другие... То есть, я понимаю, они те же самые, но поверить в это не могу. Раньше взять и поговорить с незнакомым человеком на улице было очень непросто. Сейчас — как в любой стране мира. И я наконец-то понимаю, что такое русские. Вы знаете, мы очень похожи. Когда ирландцы встречаются с русскими, они встречают как бы самих себя. И мы, и вы — непосредственные люди, предпочитающие неформальное общение. И мы любим задавать вопросы, которые в других культурах считаются неприличными. И, естественно, мы тоже любим пропустить стаканчик-другой, задержаться где-нибудь до ночи и приобрести домой «на бровях». И любим решать вопросы всем миром...

— Ирландия за последнее время изменилась не меньше России. У меня приятель был там десять лет назад и сейчас. Он говорит: небо и земля...

— В Ирландии раньше развито было лишь сельское хозяйство, теперь она — нормальная постиндустриальная страна. Знаете, когда-то ирландцы реализовали себя где угодно, только не в собственной стране. Не от хорошей жизни, вы понимаете. У нас не было возможностей применить все наши способности на родине. В XVII веке ирландцы творили историю во Франции, в Испании. В Южной Америке — в XVIII веке. В Северной Америке — в XVIII — XIX веке. В это же время они формировали общества, которые складывались в Австралии, в Аргентине, в Новой Зеландии и т.д. Так что самым сильным нашим ресурсом всегда были люди. У России ведь то же самое? Видите сходство? И когда мы смогли наконец заняться собственной страной, мы порой даже искусственно создавали ситуации, в результате которых появились бы новые рабочие места. Нужно было возвращать на родину соотечественников, а тем, кто еще не уехал, помогать освоиться здесь, а не искать счастья на стороне.

Нам повезло, что мы вступили в Европейский союз, это было очень важным шагом, хотя в тот же самый момент мы потеряли наши, так скажем, старомодные отрасли промышленности, например, текстильную (из традиционных производств осталось лишь изготовление пива, вина, виски). Мы понимали, что не можем соревноваться с миром по всем фронтам, во все вложиться нельзя. И взялись за самые сложные, но самые перспективные отрасли: высокие технологии, компьютеры, здравоохранение, фармацевтика, кое-какие аспекты международного финансового бизнеса. В 1973 году мы открыли первый инвестиционный офис в Токио. А когда в 1995-м я покидал Японию, то уже почти у каждой страны мира был там инвестиционный офис. Соревнование в области мобильных инвестиций было необычайно жестким. Но раз мы одними из первых ввязались в это дело, то во многих отраслях нас уже считали экспертами.

Я не люблю слова «синергизм», просто лучше не скажешь: нам нужно было создать «синергизм» между новыми технологиями и людскими потребностями. В результате этого синергизма мы провели и полную реформу образования в Ирландии. Как историк, я бы назвал это настоящей ирландской революцией. Мы дали воз-

можность не только детям из среднего класса ходить в университет, мы предоставили автобусы людям из сельских районов, чтобы им не пришлось ездить на велосипедах за 30 километров. Мы их возили в университеты и технические колледжи. Мы создавали учебные заведения и в самой сельской местности. Создали два новых университета. Старые университеты, такие, как, например, тот, где я учился, тоже начали меняться. Прикладные науки стали более важны, нежели «чистые». И вот сейчас многие употребляют по поводу нашей страны такой термин, как «кельтский тигр» или «ирландское экономическое чудо». Но чудо произошло не за один день. На все это ушло около тридцати лет.

— Боюсь, у нас достижение светлого будущего займет побольше времени, Ирландия ведь небольшое государство, а в России все медленными волнами расползается от центра до окраин...

— Нет-нет, это зависит не от величины государства. Если все правильно делать, получится. Да у вас уже получается, просто это пока не очень заметно. И у нас какое-то время казалось, что ничего не происходит. В начале 90-х я, помню, еще читал статьи, где ставился вопрос: «Может ли Ирландия добиться чего-то в экономике?» Но вот настали 98 — 99-е годы, и вдруг мы заметили, что молодые люди, которые до того уезжали, стали возвращаться на родину. Сейчас у нас самое молодое население в Европе.

Когда я был в России в 70-е годы, мне казалось, что у вас все люди какие-то старые. И на улицах и в кабинетах. В дни, когда я открывал посольство, в Москве происходили похороны Жукова. Так вот политбюро, которое принимало участие в этих похоронах, в том же составе сохранилось еще чуть ли не 20 лет. Сейчас же выходишь на улицы — в основном молодые люди. Я бы сказал, что физически, психологически, внешне облик Москвы, по крайней мере не могу сказать о всей стране, — это облик молодых. Значит, у вашей страны хорошее будущее.

Взгляните с другой стороны. Россия сегодня — огромный интеллектуальный рынок. У вас есть критическая масса интеллектуальных учреждений, институтов. Как и у ирландцев, я уже говорил, у вас огромный творческий потенциал. Возможно, русские — вообще самые творческие люди в мире. А многим странам приходится заимствовать творческих людей, они русских специалистов и переманивают. Обидно, конечно, когда «мозги» ульпывают за границу. Но, с другой стороны, молодые люди набираются там необходимого опыта. Для русского компьютерщика поработать в Силиконовой долине, в самом центре американских высоких технологий — очень хороший опыт. А именно русские компьютерщики чаще всего и востребовываются американцами.

— У нас говорят, что в Америке русские профессора обучают китайских студентов.

— Ну вот видите. Однако голых идей недостаточно. Японцы всех обошли потому, что они не только умеют генерировать идею, но и практически ее воплощать. То есть первоочередная ваша задача — создать условия, в которых идеи могли бы осуществляться на практике прямо здесь, в России. Тогда и ваши «мозги» начнут возвращаться, ускоряя этот процесс. С другой стороны, компании, которые занимаются высокими технологиями, увидят возможность базироваться в России. Это будет дешевле, нежели базироваться в других странах. Причем некоторые уже и сейчас начинают делать это. Пример я видел, кстати, в Нижнем Новгороде. И в Брянске я посетил открывшийся недавно компьютерный университет.

— Вас интересуют университеты?

— У меня есть такое эгоистичное намерение, связанное с ирландской литературой. Я хочу, чтобы, если кто-то преподает творчество Джеймса Джойса, например, знал, что Джойс был ирландец. И Бернард Шоу, и Оскар Уайльд, и Йитс — тоже ирландцы. Вот они-то и являются в России настоящими посланцами моей страны.

— Мне нравится ваш патриотизм, но почему тогда, окончив университет в Ирландии, вы поступили учиться еще в один, но уже в Англии?

**«Если вы все
будете делать
правильно,
то у вас тоже
произойдет
чудо!»**

— Я поступил в очень известный Центр изучения России в Бирмингеме, потому что меня интересовала русская история. Кстати, вы знаете, что господин Илларионов также посещал этот Центр? Потому что это очень эффективное, функциональное учреждение. Меня же интересовал один период в русской истории: конец XIX века, западники сражались со славянофилами, шли дебаты о том, принадлежит ли Россия Европе или Азии. Нужно ли в России устраивать индустриальную революцию или она может создать новое общество без нее — об этом спорили народники.

— А вас это как-то задевало?

— Я вырос в маленьком городке в Северной Ирландии. Все мои предки, как и предки большинства моих сограждан, крестьяне, поэтому я всегда интересовался историей ирландского крестьянства. Но слово «крестьянин» в Англии всегда имело негативное значение. Ругательное. Не так, как в России. Это слово в русском языке даже какое-то немножко святое.

— От слова «христианин»...

— Если память мне не изменяет, в России в конце XIX века был большой голод, да и во всем мире начался упадок в сельском хозяйстве. А в Ирландии началось национальное движение. И, конечно, меня интересовали похожие черты в историческом развитии наших стран, потому что аналогии напрашивались.

— Аналогии с чем?

— С социал-демократическим движением, с участниками этого движения. Я же рос националистом, католиком, и вся система меня дискриминировала. Мое поколение начало движение за гражданские права. Нам повезло, у нас было хорошее образование, мы хотели добиться хорошего места в обществе. Но, несмотря на наше образование, мы обнаружили, что для нас нет хорошего места в обществе и ничего не остается для нас, кроме борьбы за свои права. Не хочу вас утомлять длинной историей Ирландии, но 300 лет назад мои предки уехали в Испанию, во Францию, Португалию. Считалось, что эти люди отказались от всех прав на свою землю, поэтому сюда пришли новые люди и наши земли просто захватили. Образовался класс землевладельцев, и настало противостояние между крестьянами и землевладельцами. В XIX веке этот район был индустриализован. Белфаст стал одним из самых развитых индустриальных городов в Западной Европе, кстати, именно там построили знаменитый «Титаник». Когда ирландцам дали независимость, британцы оставили себе этот район. И вся напряженность, которая существовала в стране, сконцентрировалась в этом районе.

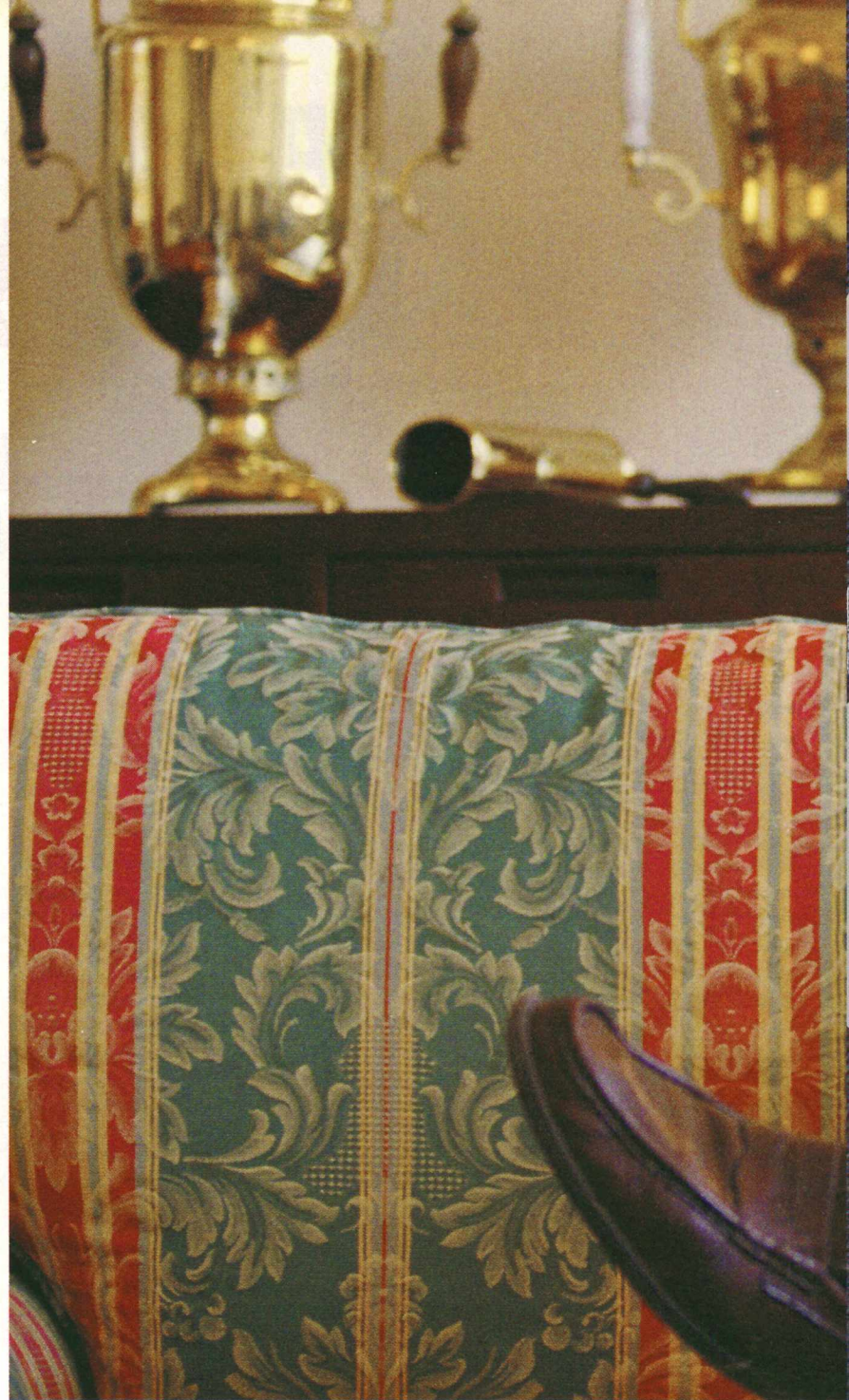
— Так чему же вы научились у русских социал-демократов?

— Многие из того, что мы делали тогда, было сделано неправильно. Тридцать лет назад считалось, что конфликт породили колониальные проблемы. Сейчас считается, что религиозные. Я же думаю, сыграло свою роль и то, и другое, точно так же, как и проблемы экономические. Фундаментальный вопрос здесь — вопрос идентификации нации. 55 процентов населения Северной Ирландии считало себя британцами, 45 процентов населения — ирландцами, а Республику Ирландию центром своей жизни, своей духовности, наследием отцов и т.д. Я один из таких людей.

Но борьба на полное уничтожение противника бесконечна, беспощадна и бессмысленна. С одной стороны экстремизм и с другой стороны экстремизм, и значит, в безопасности не чувствует себя ни одна сторона. И задачей моего поколения, молодого поколения как на юге, так и на севере постепенно стала единственная цель — породить наконец в Ирландии ощущение безопасности жизни. Для всех. И для тех, кто хочет оставить все как есть, и для тех, кто хочет все изменить. И для католиков, и для протестантов. Мы поставили перед собой цель не разрушать, не свергать и не уничтожать, а доказать, что можно попробовать жить как друзья, как соседи и не бояться. Последние 20 лет Британия и Ирландия очень хорошо поработали для того, чтобы смягчить и убрать напряженность, возникшую на севере нашей страны.

— Каким же образом?

— Решить проблему можно было, лишь создав систему, которая автоматически решала бы все аспекты конфликта. Это было бы невозможно без честного сотрудничества между Дублином и Лондоном. Вот это сотрудничество и стало основой тех процессов, которые происходили в течение 15 лет. Это первое. Второе — важно бы-

ло сохранить умеренные силы в Северной Ирландии. Человек, который получил Нобелевскую премию мира, Джон Хьюм внес свой вклад именно в сохранение движения центристов. Центристы же стремились к объединению и сохранению обеих Ирландий. Необходимо было создать соответствующие органы, в которых был бы представлен и Белфаст и Дублин. А также создать определенные органы в Белфасте, где были представлены обе общины. И чтобы обе общины были равно представлены в парламенте. И в правительстве, в котором между этими общинами была бы поделена власть. Вот так выглядело наше решение вопроса. В результате между противоборствующими сторонами было заключено соглашение, которое получило название «Пасхальный договор». Он был заключен четыре года назад, в предпасхальную, страстную пятницу.

Главное наше достижение и секрет успеха в том, что два экстремальных течения мы смогли привести к общему знаменателю. Потому что максималисты с обеих сторон были настроены очень агрессивно и склонны к насилию. Было очень важно их привести в политику, заняться именно политикой, нежели насилием. И это сделать удалось. Конечно, на полюсах обоих течений остались экстремисты. И, конечно же, им не нравится этот договор. Но и мы, ирландцы, а британцы с нами согласны, считаем и верим в то, что такая структура может устоять при любом «землетрясении». Хотя их, наверное, не избежать.

— И если одно из «землетрясений» все разрушит, то... все сначала?

— В Северной Ирландии сейчас происходит то, что, на мой взгляд, является самой надежной гарантией. Появился даже такой термин: «омоложение» общества. Поэтому вся надежда на то, что сейчас в Северной Ирландии растут и живут люди,

которые не застали войны, были свидетелями только мира. Конечно, в Белфасте до сих пор существует одно или два места, в которых происходят трения. И один или два района недалеко от Белфаста, где тоже существует напряженность. Но мудрые люди говорят: у насилия есть свой предел. У мирной жизни уже появилась точка отсчета. Городок Дерри, в котором я вырос, сегодня стал спокойным, безопасным местом, по сравнению с тем, что там творилось несколько лет назад, а был он одним из самых лютых мест, где насмерть сходились общины.

— **И все-таки религиозные противостояния остаются...**

— Я думаю, это решается прежде всего потому, что религия по определению должна быть стабилизирующим фактором.

— **Вы очень точные фразы говорите время от времени по-русски, вы знаете русский?**

— Я учился читать по-русски. Читал книги по истории, эссе на русском языке, но говорить свободно не умею до сих пор, мне приходилось самому думать, где поставить ударение.

— **А ирландский язык вы знаете?**

— Да, да! Конечно, большинство ирландцев говорят только по-английски. В XIX веке из-за нашего великого голода нам пришлось быстро глобализоваться, и английский стал языком глобализации. Не знаю, согласитесь ли вы, но в советский период ваши люди тоже не очень осознавали себя русскими. У вас было много этнических народов: Казахстан, Грузия, Украина, все жили вместе и все были советские.

— **Язык формирует мышление, поэтому общий для СССР русский язык был неким унифицирующим средством. И становился уже как бы и не совсем рус-**

ским. Советским. Можно ли сказать, что вы говорите по-английски, а чувствуете по-ирландски?

— Да. Английский — это язык, которым мы выражаем мысли, а ирландский — язык сердца. Когда я учился, мне всегда говорили: чтобы правильно выразить свою мысль, необходимо думать на том языке, на котором ты собираешься говорить. Я же считаю, что прежде нужно выяснить, чем ты думаешь: разумом или непосредственно душой? Ведь язык — это не только выражение мысли, это выражение сущности человека. В языке содержатся как интеллектуальные, так и эмоциональные коды. Поэтому, когда ирландец говорит по-английски, он отличается от англичанина и от американца, которые тоже говорят по-английски. У меня есть хороший друг, канадец, я бывал в Канаде, я обожаю эту страну, но вот когда я приехал в Австралию, то вдруг заметил огромную разницу между австралийцами и канадцами. И разница не в акценте. Разница между канадцами и австралийцами существует только благодаря тому, что ирландцы играли большую роль именно в Австралии, а не в Канаде. Тридцать пять процентов населения Австралии ирландского происхождения. Наш язык — средство, которое сохраняет нашу духовность. У нас самая древняя письменность в Северной Европе. И ирландский язык дает возможность проникнуть в ее историю. То же происходит в России. Русские вновь притягиваются к своей истории. И к языку. И возрождение православия — часть возвращения к корням. Это как электрический заряд, который идет от самых истоков зарождения Руси к тем молодым людям, которых я вижу сегодня на ваших улицах. Это еще одна причина, почему ваше возрождение займет, я думаю, как и у нас, не более 30 лет. Это жизнь одного поколения.

Маргарита РЮРИКОВА

розрачная семья

Унификация пола —
наше прогрессивное
будущее

Я ехала домой и пыталась читать, стиснутая с боков женщинами, которые вещали прямо мне в уши.

«... представляешь, — жарко шептала мне на ухо та, что слева, — ходит-ходит целый год, ночевать остается — и ничего...» Голос справа: «И что, никаких предложений?» — «Да я не об этом... Понимаешь, Андрюшка с Петькой под ногами бегают, я на стол еду мечу, и вдруг меня как по голове ударило. Я суп ему наливаю и спрашиваю: «Саш, вот ты приходишь, неужели никогда не захотелось в дом чего-ни-

будь принести?» А он покраснел как рак и говорит: «А что же ты никогда ничего не говоришь?» — «Ну тупые мужики!» — заорала мне в ухо та, что справа. И без всякого перехода затараторила: «Знаешь, кого я недавно встретила? Зойку из параллельной группы. Помнишь? На нее все мужики западали. Замуж она не вышла. Говорит: «Всех их хочется усыновить»».

Женщины еще долго обсуждали жите-бытье и сомнительные семейные радости, а я думала: «Как же так? Рухнула империя, а в отношениях мужчин и женщин, в семье все осталось незыблемым. Не может быть!»

Мои сомнения разрешила и на вопросы ответила заведующая кафедрой системной семейной психотерапии и психоанализа, председатель правления Общества семейных консультантов и психотерапевтов Анна Варга.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ДОМОСТРОЯ

— Произошли ли за последние десять-пятнадцать лет изменения в семейном укладе? И если произошли, то как вы их обозначите?

— По сравнению с советскими временами, конечно, произошли. Общество расслоилось — появились богатые и бедные, и возникло больше разнообразие семей, семейных традиций и взаимоотношений.

Существенно изменилось вот что: мужчина стал жить активнее, стал зарабатывать. В советское время возможности были ограничены, карьерные дорожки немногочисленны, а правила игры четко определены. Сейчас все сдвинулось, перемены произошли не только материальные, но и мировоззренческие. Помните бум в начале 90-х, когда мы только и делали что читали? Для многих это стало неприятным временем, потому что пришлось расставаться с иллюзиями. Когда изменились жизненные представления, изменились и семейные роли. Если раньше, например, оба зарабатывали, чтобы поддерживать приемлемый уровень жизни, то теперь, когда в семье появились деньги, надо было менять образ жизни в соответствии с этими деньгами, надо было решать, кто будет отвечать за этот новый имидж семьи.

Приспособиться к переменам трудно — это всегда стресс, даже если это перемены положительные. И, чтобы их легче было переносить, общество стало возвращаться к патриархальной модели семьи. Мы это можем наблюдать воочию — ведутся бесконечные дискуссии о месте женщины в обществе. Почему? Потому что усилились патриархальные ожидания и стала проявляться реакция на них со стороны женщин. Это произошло как в богатых семьях, так и в обедневших. Если женщина экономно ведет хозяйство — это ее форма взноса в экономику семьи. И надо сказать, что патриархальная модель в обедневших семьях более органична и конфликтов в ней меньше.

Во всяком случае кто-то один в семье стал носителем этих патриархальных ценностей. Как правило, это тот, кто больше зарабатывает, и это не обязательно мужчина, это может быть и женщина, которая говорит: «Почему это должна делать я?» Хотя, казалось бы, какая разница, кто приносит деньги в дом? Они есть, и хорошо — пусть мужчина занимается тем, чем он хочет заниматься. Так нет! Хочется вернуться к патриархальному образу жизни: мужчина — добытчик, а жена — хранительница очага.

— И много среди ваших клиентов приверженцев патриархального образа жизни?

— Да, представьте себе, я очень часто слышу от своих клиентов — вполне благополучных в материальном отношении мужчин, — что их не удовлетворяет, как жены занимаются домом и детьми. При том что — объективно — женщина делает гораздо больше в доме, чем могла делать до перестройки, когда ей приходилось работать.

— Мне кажется, что патриархальная семья мало что изменила в манере общения мужчины и женщины. К сожалению, можно часто видеть и слышать, как родители выясняют отношения между собой в присутствии ребен-

ка, не стесняясь в выражениях. И это происходит как в богатых семьях, так и в бедных.

— Тут не все так просто, не все определяет уклад семьи, и дело не только в открытых конфликтах, которые происходят при ребенке. Дело складывается гораздо хуже, если есть какой-то хронически неразрешимый конфликт, который держит семью на грани развода. Ну, например, у мужа есть любовница — он к ней не уходит, но и не порывает. И эта ситуация может длиться долго, она «вгоняет» жену в депрессию, а ребенок в результате выдает невротическую реакцию. Когда родители обращаются к психологу, то выясняется, что эта неопределенность мучительна для всех — для мужа, для жены и для любовницы, а для ребенка атмосфера тревоги и страдания в доме, даже если и нет открытых конфликтов, — причина неврозов. Часто это приводит к тому, что оба родителя, озабоченные здоровьем ребенка, вынуждены им заниматься, что сплачивает их. Эта общесемейная ситуация, конечно, не меняется от социально-культурных перемен, потому что в основе ее общие механизмы функционирования семьи.

Родители ссорятся при ребенке — это нормально, если не выходить за допустимые рамки. Но при этом ребенок обязательно должен видеть, как родители мирятся. Стерильная атмосфера, пожалуй, не менее вредна, чем конфликтная.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

— Но все-таки социальные перемены не могли не породить новые конфликты?

— Естественно. Это конфликты, которые я определяю как борьбу за власть: «Кто начальник, кто дурак?» И очень часто конфликт «По чьим правилам мы будем жить?» заявляет о себе в сексуальных отношениях. Семья, которая вроде бы живет хорошо, не собирается разводиться, и открытых конфликтов в ней нет, но при этом один из партнеров потерял сексуальное влечение к другому. И часто это обстоятельство — решающее слово в борьбе за власть. Если это женщина, то в ее поведении читается такой подтекст: «Да, ты будешь владеть моим телом, я не могу тебе отказать, но ты не заставишь меня испытывать такое удовольствие, как раньше». Мужчина в ответ на это может усилить свои сексуальные притязания, и это может перерасти даже в сексуальное преследование. Он пытается вышибить из женщины оргазм — для него это знак мужской состоятельности. Она, прекрасно это понимая, своей сексуальной холодностью говорит: «Как раньше — не будет!» А он говорит: «Будет!» Это обмен ударами.

— Этот интимный конфликт разрешим?

— Конечно, разрешим — ничего сложного в нем нет. Надо вывести этот идеологический конфликт из сферы сексуальных отношений и решать его на том уровне, на котором он и должен находиться, — на уровне правил жизни. Тогда сексуальные отношения, конечно, восстановятся.

Все дело в том, что сексуальные отношения — это та сфера супружеской жизни, куда сваливаются все неразрешимые конфликты, что и разъедает семью.

— Думаю, вам часто приходится слышать жалобы женщин на безынициативность мужчин. Они стали очень ценить свою состоятельность в постели, предполагая, что она освобождает их от всех остальных обязательств по отношению к женщине и к семье в частности.

— Вы знаете, это один из парадоксов, который, кстати, труднее разрешается, чем сексуальная дисгармония. Когда женщина считает, что мужчина недостаточно активен, то, казалось бы, логично отдать инициативу ему, довериться мужчине. А чаще всего мы сталкиваемся с тем, что доверия нет и нет времени ждать, когда мужчина станет другим. Парадокс в этом случае, если его озвучить, выглядит так — женщина говорит: «Будь властным со мной! Будь сильным со мной!» Если он подчиняется, то какой же он властный? Если не подчиняется, то, стало быть, не выполняет просьбы. Этот неразрешимый конфликт на самом де-

ле связан с недостатком доверия и неспособностью людей быть терпимыми друг к другу.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: СЕМЬЯ В ЭПОХУ СТРЕССА

— Один состоявшийся во всех отношениях мужчина как-то сказал мне: «Все комплексы у нас от мамочек. Не стоит так уж поднимать их на пьедестал». Может, он прав и мамочкам, которые растят мальчиков, надо перестраиваться?

— Действительно, очень многое в модели поведения человека идет оттуда, из семьи. Усваиваются модели конфликтного поведения, умение радоваться и обижаться... Но это все совершенно не фатально. Детство заканчивается, и нормальный взрослый человек понимает, что у него в семье было так, в других семьях было иначе, а он сам будет решать, как это будет у него.

Проблема в чем заключается? Если человек оказывается в стрессовой ситуации, он лишается возможности свободы выбора поступков и начинает воспроизводить модели, которые он усвоил в детстве и от которых готов был тысячу раз отказаться. В этом трагедия стресса, лишаящего нас возможности принимать разумные решения.

Когда стресс снимается, человек свободен — он может выбирать и изобретать что-то свое. Стресс и высокий уровень тревоги — основная засада на пути к человеческому счастью. Их влияние невозможно переоценить, они создают то душевное состояние, которое мешает человеку подходить к жизни творчески.

ВЕРСИЯ ЧЕТВЕРТАЯ: ИДЕОЛОГИЯ ОРГАЗМА

— Не кажется ли вам, что сегодня слишком много внимания уделяется сексу? При этом все остальные человеческие чувства задвигаются в дальний угол — их заменяет жизнь половых органов, о которой настырно пишут, говорят и которую всюду показывают...

— Разговоры о сексе — это всего лишь знак нового времени, знак свободы, как и ненормативная лексика, которую вы можете встретить во многих литературных произведениях. Она может быть совершенно не оправданна и не нужна по сюжету, но автор пользуется ею, чтобы показать, как он свободен. Но в одном, пожалуй, я с вами соглашусь: об оргазме говорят много, он стал очень важен как знак полноценности мужчины и женщины. И в погоне за оргазмом уходит очень важная составляющая сексуальных отношений — нежность и ласка. Вообще-то говоря, сексуальные отношения начинаются задолго до постели и продолжаются после того, как секс заканчивается. Когда муж с женой целуются, расставаясь и прощаясь, — это, конечно, не секс, но это знак нежности, готовности к телесной близости. И это должно присутствовать в жизни, чтобы непосредственный сексуальный контакт был обоюдно приятным.

— Есть такой анекдот: «Каждая женщина мечтает о нежном и ласковом мужчине, но они уже все замужем». Где ж их взять?

— Тут, как нигде, работает известное правило: «Дай другому то, что ты хотела бы от него получить». Если идет борьба за то, кто первый получит, это ни к чему хорошему не приводит. Каждый в паре должен решить, что он будет давать, независимо от того, что дает другой. «Я тебе дам, если ты мне дашь» — это торг, и это тупиковый путь.

ВЕРСИЯ ПЯТАЯ: КОНЕЦ РОМАНТИЗМА

— Но исчезли не только нежность и ласка — исчезла и романтика, которая всегда сопровождала отношения мужчины и женщины. Дочка моих знакомых, воспитанная на классической литературе, предъявила счет своим родителям, заявив: «Я так свою дочь воспитывать не буду. Сначала пусть трахнется, а потом я ей дам Бунину читать». Это значит, что прагматизм победил.

— Пожалуй, я соглашусь с этой девушкой. Я вообще не люблю и не признаю романтической идеологии ни в чем и считаю, что именно она приводит к тоталитаризму. После романтизма следующий шаг развития — тоталитарный.

Романтизм создает много иллюзий — для человечества здоровее и лучше просвещение и прагматизм, что, конечно, не отменяет чувств. Но романтизм сужает мир, не способствует широте взглядов, открытости, разнообразию чувств.

Романтическая женщина с тонкой талией, неземная, должна быть всегда в форме, что требует от нее железного здоровья. И мужчина не может себе представить, что такая женщина может болеть, у нее может быть понос, ее может рвать... Он терзается и не знает, что с ней делать. В романтике очень много безжалостного. Прагматики понимают, что люди болеют и им надо помогать и жалеть.

Русская классическая литература плоха тем, что в ней нет ни одного произведения про счастливую семейную жизнь с ее ежедневными, монотонными, повторяющимися заботами, уютом... Тем, что создает ощущение безопасности.

— **Может быть, в основе всех разборок между мужчиной и женщиной лежит пресловутая борьба полов?**

— Эта борьба существует как общественное явление, но в психологическом плане этого почти нет. Все эти идеи мужественности и женственности — большая условность. Восприятие себя как человека определенного пола формируется несколько лет. Есть общеизвестные вещи, о них много написано, — это когда хромосомных мальчиков воспитывают как девочек, и потом это трудно изменить. Это говорит о том, что пол — понятие очень пластичное: это не хромосомы и гормоны, это воспитывается психологически... Думаю, правильнее бы было не педалировать вопрос половой идентичности, а воспитывать ребенка в широком, но допустимом пределе. То есть не надо внушать: «Ты мальчик, ты никогда не должен плакать, ты должен играть с мальчиками в машинки и таскать девочек за волосы», а надо говорить: «Ты мальчик, но из этого мало что следует, кроме того, что ты будешь выше и сильнее девочек. Главное, что ты человек».

ВЕРСИЯ ШЕСТАЯ: УНИФИКАЦИЯ ПОЛОВ

— Ну, все-таки согласитесь, что у мужчин и женщин разные роли.

— Не соглашусь. Чем уж они такие разные? Единственное, что дано женщине и не дано мужчине, — это выносить ребенка и родить его. Но никто не может утверждать, что мужчина-одиночка дает ребенку меньше, чем мама-одиночка. Ребенку важно, чтобы один из родителей его любил.

Пол мы не выбираем, он не есть наше личное достижение, а потому говорить, что «я мужчина и как мужчина имею на это право» или «я женщина и как женщина имею на это право», — это нечестно. Мужчина может все делать по хозяйству так же, как и женщина. А женщина может мыслить наравне с мужчиной, быть интеллектуалкой, иметь профессию, быть трудолюбивой, водить машину, скакать на коне... Все это вполне возможно.

— **Мужчина, живущий рядом с вами, это понимает?**

— Мой муж все может делать по дому, он не мешает работать столько, сколько мне нужно. Мне кажется, что, когда человек начинает в аргументах и отношении к миру опираться на то, что ему дано природой, а не достигнуто им самим, — это тревожный знак глубокой личной несостоятельности. Это, кстати, хорошо доказывают истории расовых конфликтов. Тот белый человек, который выдумал Ку-клукс-клан, был глубоко несчастным, внутренне ущемленным — одним словом, страдальцем. И единственное, на чем он мог утвердиться, это был цвет его кожи, потому что в принципе он ничего не умел или умел, но не ценил в себе. Я своим студентам всегда говорю, что человек начинается в тот момент, когда он мыслит себя вне пола, вне возраста, вне национальности, вне места жительства.

— **Не приведет ли это ваше «вне пола» к тому, что у нас будут множиться однополые пары?**

— Я не считаю это патологией. Когда вы читаете лагерную литературу, то замечаете, что в определенных условиях человек способен на сексуальные отношения со своим полом. Это не значит, что он хронический гомосексуалист. Эти отношения существовали в закрытых заведениях для детей определенной классовой принадлежности. Более того, гомосексуальные наклонности в подростковом возрасте считаются нормой психо-сексуального развития. И у девочек это тоже норма — многократно описано, как девочки влюбляются в подругу или учительницу.

Человек по природе своей бисексуален, и половая ориентация — это некая условность. Помните, Сократ писал: «Хорошо любить молоденькую девушку. Еще лучше — мальчика. Но ничто не может сравниться с занятиями философией». Гомосексуализм — это не зло. Педофилия — это зло, зло, когда развращают и насилизуют. Но если взрослый человек пробует себя то в одном контакте, то в другом — то где тут патология? Это вызывает гнев обывателя с той точки зрения, что, мол, надо детей делать, а не проводить время с молодыми людьми. Но экологическая ситуация на планете ставит под сомнение этот тезис, поскольку мир перенаселен. И я не уверена, так ли уж всем надо иметь детей. Если человек счастлив в однополном браке, никого не обижает и не развращает, то кому от этого плохо? Мне кажется, что унификация пола — наше прогрессивное будущее.

— **В самом начале вы говорили о том, что семья возвращается к патриархальным ценностям, а сейчас ратуете за унификацию полов. Так что же лучше для семьи?**

— Будущее семьи за взаимозаменяемостью — я это имела в виду, когда говорила об унификации полов. Только тогда не будет скандалов и выяснения: кто будет убирать, ходить в магазин, сидеть с детьми и т.д. Каждый должен делать все. Чем больше будет взаимозаменяемости в семейных ролях, тем гораздо больше у такой семьи степеней свободы и тем меньше поводов для конфликтов.

Если вынести за скобки социальные ожидания, что мужчина должен быть добытчиком, — если в данный момент так сложилось, что он хозяйничает дома и подстраховывает жену, что тут особенного? Времена меняются, жизнь не стоит на месте, и наступит момент, когда он будет работать, а жена, например, сидеть дома. Семейная жизнь — прежде всего партнерство.

— **У современной семьи короткое дыхание — об этом свидетельствует статистика: на два брака приходится один развод. Есть правила или способы сохранить долгие отношения?**

— Да, конечно, есть. Во-первых, надо понимать, что счастье само по себе не растет и с неба не сваливается. Отношения надо строить, вкладывать в них душевные силы, время, терпение. Во-вторых, хоть я и не люблю нравственного пафоса, но очень важно, чтобы в семье было доверие, — это то, что человек не получает в опыте. Доверяешь ты другому или нет, не зависит от того, что делает этот другой. Это жизненная позиция: «Я буду доверять». Это означает, что в двусмысленных ситуациях я их буду трактовать положительно, а не отрицательно, я буду верить, что ко мне относятся по-доброму. Это очень правильная позиция. Конечно, она идет из родительской семьи и связана с ощущением безопасности. Если ребенок знает, что мир — уютное место, что в этом мире ему рады и все, что он замыслит, у него получится, тогда у него презумпция доверия выработается сама по себе. Если этого не происходит и человек говорит: «Я всем не доверяю, а вы мне должны доказать, что вам можно доверять», — это, конечно, ни к чему хорошему не приводит.

И третье правило: будь открытым, прозрачным. Если тебе что-то не нравится, или тебе чего-то хочется, или кто-то тебе понравился, всегда говори об этом. Тогда происходит диалог — он и делает отношения длительными. ■

В
П
О
П
И
И
Ш
Р
Е
М
И
Ш

Высокая

У нас стремительно прижились понятия «сексуальные партнеры», «заниматься любовью». Мужчина и женщина теперь — некая небольшая фирма по достижению оргазма

Светлана РЮРИКОВА

БЕРНАР ФОУКОН. КОМЕТА СЕРВИЯ — БОЛЬШИЕ КЛИКУТЫ И ВОЗМОЖНАЯ ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАРУЖИ. В РАМКАХ IV МЕЖДУНАРОДНОГО МЕСЯЦА ФОТОГРАФИИ В МОСКВЕ

дурость русского человека

Свое первое в жизни интервью четырнадцать лет назад я взяла именно у Леонида Жуховицкого. Мне было шестнадцать, и мой выбор собеседника был обусловлен тем, что Жуховицкий в то время был одним из немногих публицистов, смело писавшим на все «запретные» темы — много про секс, чуть меньше про наркотики и рок-н-ролл. А еще он всегда писал про место женщин в нашей жизни, писал с видимым наслаждением, и за это я прозвала его МАТРИАРХОМ русской литературы. А вот какой разговор получился у нас четырнадцать лет спустя, накануне 70-летия известного писателя.

— Леонид Аронович, я хорошо помню, как в 1988 году вы сделали катастрофический прогноз, что в начале XXI века произойдет почти полное «омужчинивание» женщин и «оженчивание» мужчин. Надо признаться, вы были почти правы!

— Увы! Сегодня сложились объективные предпосылки для феминизма в самом практическом смысле этого слова: в образовании, труде. Многие женщины действительно очень успешны в бизнесе, хотя разговоры о том, что они зарабатывают больше мужчин и в них не нуждаются, — это скорее предвыборные речи. Но в принципе к этому все идет, и меня такое положение вещей очень беспокоит. Ведь мы можем потерять нечто чрезвычайно ценное, потому что в результате этих процессов исчезнет необходимость в

любви. У западных феминисток в ходу такая формулировка: не надо нас любить, лучше нас уважать. Это просто чудовищно! Если из отношений мужчин и женщин убрать любовь, вокруг будет холодный, мертвый мир. Я бы лично в таком мире жить не хотел. Между тем не могу назвать себя противником феминизма. Когда говорят, что нужно воспитывать девочек жизнеспособными, умеющими выстоять даже в самых сложных ситуациях, — я только за. Но при этом я категорически против крайностей феминизма. Известно, что благосостояние страны зависит примерно от 14 процентов населения. Из чего я делаю вывод, что существует некий процент мужчин, которые занимаются политикой, бизнесом, наукой, творчеством и всячески двигают прогресс. Но так же верно и то, что есть абсолютно равный процент женщин, которым необходимо себя реализовать. Вот это и есть естественный феминизм. Женщины борются за свое право самореализации, и в этом смысле я их всячески поддерживаю. Но когда они начинают навязывать свой образ жизни остальным 86 процентам женщин — это тревожно. Ведь большинству представительниц прекрасного пола, чтобы почувствовать себя состоявшимися, достаточно выйти замуж, родить троих детей и получать удовольствие от того, что жизнь налажена, а ее дом — ее крепость. А когда таким женщинам феминистки говорят: «Вы неполноценны!» — это, по-моему, психологическое насилие над личностью.

— Мне иногда кажется, что борьба за равноправие — это абсолютно женские игры. Мужчины при этом остаются в стороне, их подобные моменты вообще не волнуют.

— Ты совершенно права. Почему, например, чтобы женщине пройти в Госдуму, ей нужно приложить втрое больше усилий, чем мужчине, причем не для того, чтобы преодолеть сопротивление мужчин, а для того, чтобы преодолеть сопротивление женщин! Давай вспомним, кто у нас больше всего не выносил женщин-политиков. Кто люто ненавидел Фурцеву? Женщины. Кто абсолютно не по делу ненавидел Раису Горбачеву? Женщины. Правда, постепенно привыкли, и Наине Ельциной было уже легче. Но штука в том, что ее-то как раз полюбили потому, что на люди она выставляла именно свою традиционную сущность: мужняя жена, заботится о здоровье супруга, печет пироги и так далее.

— Вы ведь сами сказали, что существует более или менее равное количество мужчин и женщин, испытывающих необходимость в самореализации. Как же найти баланс, при котором люди могли бы заниматься делом и при этом не страдали бы традиционные ценности?

— Дело в том, что человеческая психология по природе своей консервативна. Все попытки создать какого-то иного человека ударными методами оборачиваются трагедией. И я серьезно опасаясь, что если мы потеряем тот тип отношений между мужчиной и женщиной, который условно можно назвать традиционным (а я бы сказал — естественным), то будут навсегда утеряны и мужчины, и женщины, и семья, и дом, и самое главное — дети, потому что они просто не родятся. Некому станет пользоваться благами равенства. Я, будучи человеком технически неграмотным, позволю себе такое сравнение: чтобы по электрической сети шел ток, на одном конце должен быть плюс, а на другом — минус. А если установить абсолютное равенство, то все будет очень хорошо, но вот лампочки гореть не станут. Так получается и в отношениях мужчины и женщины — права и возможности вроде равные, а лампочки, увы, не горят.

— Я заметила, что у бизнес-леди появляются не только мужские черты характера, но даже голос становится ниже и манера говорить — резче.

— Да, в России, как всегда, все происходит с перебором. К примеру, на Западе люди очень вежливые и невежливые чиновник вряд ли сделает там карьеру. У нас традиционно сложилось так, что начальник или просто человек, несущий большую ответственность по работе, непременно хам. Он хамит низшим и угодничает перед высшими. Скажем, шеф, который не матерится, в нашей стране скорее исключение. И даже очень интеллигентные люди, заняв пост, начинают сквернословить. А уж когда женщина попадает в начальство, она просто вынуждена овладевать этими, даже не мужскими, а хамскими приемами управления коллективом. Это напрямую сказывается на ее личной жизни, как ни парадоксально. В ситуации, когда женщина занята карьерой, человеческие отношения для нее отходят на второй план. Ты обратила внимание, что в любовь пришла бизнес-лексика? У нас стремительно прижились роскошные понятия «сексуальные партнеры», «заниматься любовью». Мужчина и женщина теперь — некая небольшая фирма по достижению оргазма, и это чрезвычайно обидно. Боюсь, в этом Россия идет по следам тех стран и культур, где не принято любить.

— Америки, например, с ее брачными контрактами?

— В частности, и Америки. Однажды мы с бывшей женой были во Флориде, и одна американка спросила ее: «Вот вы, русские, все время рассуждаете о любви, а что это вообще такое?» Жена попыталась объяснить. Американка заинтересовалась: «Значит, когда ты любишь, ты зависишь от этого человека?» Жена сказала: «Конечно, психологически зависишь». Тогда американка сказала: «Но ведь если он перестанет тебя любить, будет больно? Ну уж нет, в таком случае лучше обойтись без любви!»

— Зато у американцев браки крепче, потому что построены на целесообразности, а не на чувствах.

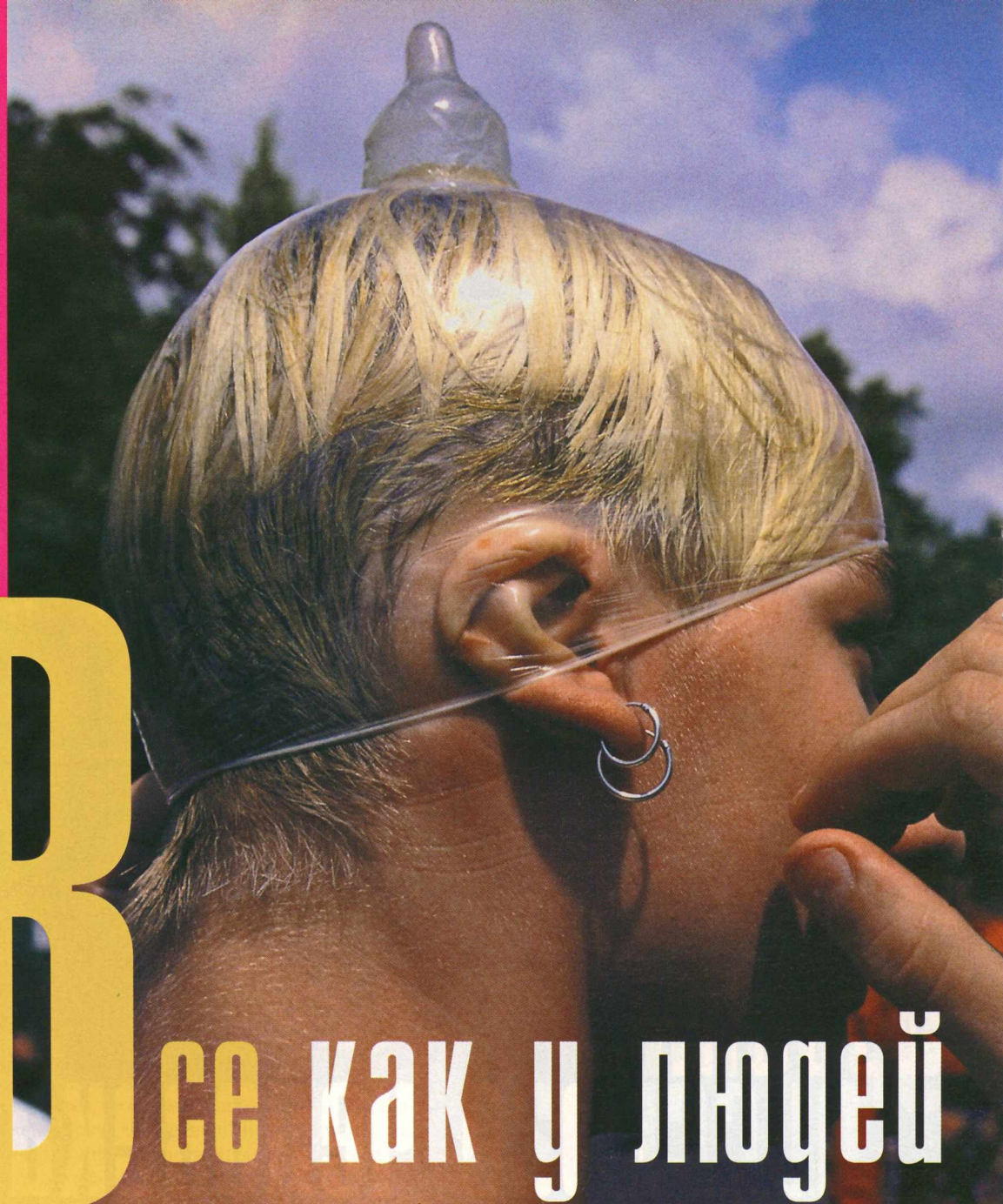
— Это-то и ужасно! Если мы пожертвуем любовью ради более цивилизованной и благополучной жизни, то все равно еще лет сорок-пятьдесят не будем жить на таком бытовом уровне, как американцы. А потеряем при этом то, что для всех иностранцев является предметом величайшей зависти — удивительные человеческие отношения. Приведу маленький пример. Если я приглашу американку или шведку на неделю на море отдохнуть, она немедленно начнет договариваться, кто будет платить за билеты, за гостиницу, обсуждать, какова наша взаимная ответственность, и тому подобное. На удивленный взгляд она ответит: «Знаешь, мы привыкли обо всем договариваться на берегу». Для русских людей такое поведение — абсолютная дикость. У нас люди, полюбив, дуреют, вцепляются друг в друга, и на все остальное им наплевать. И вот эта высокая дурость нашего человека есть для меня лучшее, что существует на белом свете.

— **Справедливости ради поговорим и о мужчинах. Чем вы объясняете, что сегодняшний сильный пол позиционирует себя как слабый и прямо-таки отказывается быть лидером в отношениях?**

— Здесь все просто печально, и последствия придется расхлебывать еще как минимум нескольким поколениям. Традиционное мужское рыцарство было задавлено советским режимом. Когда большевики захватили власть, им надо было на кого-то опираться. Они панически боялись молодых мужчин, зная, что все революции в мире совершают именно они. Верхушка диктатуры боялась и зрелых мужчин, потому что те понимали, что несет с собой большевизм. Нужна была некая аполитичная масса, которая бы всегда голосовала за начальство, поэтому и был выдвинут лозунг о кухарке, управляющей государством. И вот, с моей точки зрения, для нейтрализации протестного революционного потенциала нации был вполне сознательно применен такой метод: создали конфликтную ситуацию внутри семьи. Когда мужчина и женщина стали бороться за власть внутри собственного семейства, они стали безопасны для государства. Не случайно на всех выборах задавался сверху определенный процент женщин. В низовых советах их процент был очень велик, но чем выше — тем их наблюдалось меньше: в Верховном совете, например, женщин было уже не так много, а уж в политбюро они практически не попадали. Партийная верхушка была насквозь лицемерна: для управления государством им совсем не нужны были женщины. Пресловутые кухарки должны были поддерживать мудрую политику политбюро на нижних ступеньках социальной лестницы. То, что женщины чаще всего поддерживают начальство, — это не в укор им. Просто они заботятся о детях, им нельзя терять работу, вот и стараются не ссориться с начальником. А вот одинокий мужчина во имя справедливости вполне способен пойти на баррикады. До последнего времени у нас происходило планомерное уничтожение мужского в мужчинах.

— **Все-таки я не совсем понимаю, как эти причины заставляют мужчину даже в самом начале отношений отдавать инициативу женщине?**

— У нас уже несколько поколений мужчин воспитано женщинами. Именно женщине чаще всего принадлежит главный голос в семье. И не потому, что мужчина от рождения слаб, а потому, что женщина всегда может ему сказать: «Не нравится — уходи!» Ей нечего бояться: квартира останется при ней, дети тоже. Вот и получается, что мужчина вынужден постоянно уступать. Разумеется, ребенок видит, кто в доме главный. И даже мальчики начинают больше считаться с матерью. Кроме того, дети перенимают победную манеру поведения. А именно: скандал, крик, истерику. И сыновья, усвоившие материнскую, женскую модель поведения, потом очень страдают в жизни. И женщины страдают, встречаясь с такими мужчинами. Мальчики привыкают к безусловной материнской любви и требуют того же от жены. Самое печальное, что и мамы их требуют от невесток, по сути, материнского отношения, разваливая тем самым огромное количество браков. ■

П
О
Л
И
Т
И
К
И
И

Все как у людей

Мой «голубой»
приятель
Рома Поляков
уговорил меня
пойти на «голубую»
тусовку —
«узнать жизнь».
Я согласилась

«Профсоюз» на языке представителей сексуальных меньшинств Москвы означает «наш круг». «А он из профсоюза?» — кивают на новенького или одобрительно характеризуют: «Ста-арый профсоюзник».

Праздничный «профсоюзный» сбор должен был состояться в одном из московских кинотеатров. Бегло изучив вывески в фойе, я узнала, что днем в этом месте уместаются также: продажа мебели, баптистская община, оптовая торговля учебниками, и детская христианская изостудия (!) «Маленький Рублев», и детская же танцевальная студия «Голубка». Последнее слово вызывает у многих ночных посетителей многофункционального заведения бурю положительных эмоций.

У входа встретил хмурый молодой человек, быстро окинувший нас взглядом на предмет трезвости и отсутствия принесенного спиртного. Подозрительных он еще и ощупывал руками, от чего педики приходили в тихий восторг и закатывали глаза. А зря: Рома сказал мне по секрету, что парень — переделанная женщина. Транссексуал.

По дороге Рома меня сильно просветил. Я теперь знаю, что «голубые» и «трансы» — разные существа, так как «трансы» ненавидят свое тело, а «голубые» свое тело любят и ненавидят общественные отношения, где нельзя нормально познакомиться с мужиком, а надо обязательно переться в злачные места наподобие того, куда мы сейчас идем, или еще похуже. Еще я узнаю о том, что «профсоюз-

Майя КУЛИКОВА

ные» бары держатся в основном на «голубых», потому что «голубые» — это мужчины, а для мужчин в отличие от женщин свойственно покупать любовь. Поэтому в «голубой» среде в отличие от «розовой» развита проституция — бедные «голубые» раскручивают богатых. Все эти сведения заметно расширяют мой кругозор.

— Блин, — вдруг говорит Рома недовольно. — Опять Павелецкая американцев притащила.

Валя Павелецкая — душа «профсоюза». Павелецкая — не настоящая ее фамилия, а данная ей по месту прописки — она живет рядом с Павелецким вокзалом, и ее квартира является транзитным пунктом остановки для иногородних «профсоюзников» обоего пола. Она человек добрый и всегда поможет советом, кровом и новым знакомством. Говорят, что Валя — бывшая девочка по вызову. Возможно, тогда ей и опостытели мужики. Еще говорят, что это типично для многих проституток вообще, не только для Вали. Ее лицо, похожее на печеное яблоко, все-таки сохранило следы былой классической красоты — вытянутый профиль, прямой нос, миндалевидные глаза... И одевается Валя исключительно в длинные многослойные разноцветные платья, становясь похожей на престарелую фею. И, несмотря на свои пятьдесят семь (!), имеет тучу любовниц, так как обладает необъяснимой притягательностью. А дома у нее, несмотря на эту тучу, живет постоянная жена по прозвищу Тренировочные Штаны.

В центре зала, где должны, по идее, начаться танцы, видна идиотски улыбающаяся рожа американца. Рядом стоит Павелецкая и переводит.

— Дорогие друзья! — говорит она. — Мы сердечно поздравляем всех вас с праздником Восьмое марта! И прежде чем мы начнем веселиться, предлагаю вам провести специальные тренировочные занятия для сексуальных меньшинств, которые организовали для нас наши американские друзья.

Не один Рома разочарован — большинство присутствующих встречают предложение без энтузиазма. Все хотят пить, и спокойно беседовать, и знакомиться, а тут с какими-то тренингами пристают.

— Американцы эти на Павелецкую еще в девяностых вышли, — объясняет Рома. — И с тех пор не отстает. Деньги дают ей, а она «профсоюзников» напрягает, чтобы те в американских тренингах участвовали. Ты сейчас близко к ним не подходи, а то опять какую-нибудь дебильную анкету заполнить заставят. У них там, знаешь, сколько профессоров на «профсоюзе» защитилось! Цивильная страна, не то что у нас.

Тренинг представляет собой действительно довольно глупые игрища — обмен рукопожатиями, салочки, игру «в слона» и еще какую-то ерунду. На груди каждого участника бирка: меня зовут так-то. На груди здорового парня с ярким макияжем написано: «Меня зовут Элеонора». Игрная «в слона», он чуть не раздавил фигуру из четырех тщедушных гомосексов обоего пола.

— Теперь мы стали более открытыми и можем веселиться, — переводит Павелецкая в конце игрищ. Две американки в углу зала что-то бегло кропают в блокноты. Подопытные «профсоюзные» кролики, материал для будущих «диссеров», разбредаются к своим столикам, жадно набрасываясь на спиртное.

Наш столик привилегированный. За ним, кроме меня и Ромы, сама Валя, американский товарищ со своим молодым русским любовником — высокомерным хорошо одетым юношей — и адвокат Клычковский, с которым меня важно познакомил Рома.

Из-за алкоголя и общей сутолоки разговор складывается хаотически. Разговоры «голубых» поразительно напоминают женские: «Такое надеть на себя! Надо же! В его-то годы!» Потом идут разговоры о неприятностях, крупных и мелких, и даже о несчастьях — о том, как педик-проститутка по имени Банан поехал вроде с хорошим клиентом чуть ли не на машине с мигалкой, а труп его нашли в канаве через две недели. Про то, как некая Канарейка из ревности прирезала свою любовницу. Про то, как Машка Крутая связалась с малолеткой (20 лет), а мама малолетки вызвала милицию, и Машку на пятнадцать суток повязали за хулиганство.

— Слушай, а зачем такие сложности? — спрашиваю Рому. — Ну неужели нельзя со своими влечениями бороться, если уж они такие разрушительные?

— Ты что, дура? Ты когда-нибудь пробовала бороться с тем, что хочешь в туалет? А? Ты попробуй. Нет, правда, есть такие, которые борются. Вон Клычковский боролся, женился даже. Только все равно ничего не получилось.

Респектабельный и пьяный адвокат Клычковский раскинул полы дорогого пиджака, тряхнул курчавой бородой, подмигнул мне и запел: «А-атцвели-и-и... уж давно-о-о... хризантемы в саде-е, а любовь все живе-е-ет в моей ста-а-арой...» — тут Клычковский начал грубо хохотать. Отхохотавшись, сказал:

— Майя! В ваших глазах чувствуется ум! Расскажите что-нибудь.

Рассказать было нечего. И тогда он начал сам.

— У меня двое детей. Люблю... А жена? Жена — их мать. Понимаешь? Мальчика привел. Этот мальчик — знаешь какой? Он из армии этой сраной убежал, потому что эти грубые жлобы его били. Поехал на поезде, накрапился, переделался в женскую одежду. Дурак. А солдафоны эти, дембеля, приставать стали. А как узнали, что он мужчина — избили и вышвырнули на шпалы. Скоты. А потом он познакомился со мной, и я стал его защищать. Был выходной. Эта дура, жена, дежурила на «скорой помощи», она врач. Приперлась — мы тут с другом. Водка, шампанское, все такое. Не разобралась, не поняла, устроила скандал! Спустила Настю, это так мальчика зовут, с лестницы в одних тапочках. Ботинки следом кинула. Он плакал. Ну не дура?

Недолго Клычковский задумывается. Безумная пьяная громада его раскачивается. Неожиданно он достает из кармана пиджака резную деревянную безделушку.

— Вот — купил дура на Восьмое марта, — зло усмехается он. — Дубовой женщине дубовые украшения!

Я начинаю понимать, почему общество решилось регламентировать сексуальные отношения, ввести их в какие-то оправданные рамки. Чтобы граждан хотя бы слегка сдерживать в их безумии. А там, где сексуальные отношения заведомо не регламентированы, как, например, в «профсоюзе», царит полная неразбериха. Господа! Срочно регламентируйте эти отношения, чтобы они имели шанс стать такими же скучными, понятными и безопасными — совместное имущество, дети, дача...

— Подлец! Не поеду к тебе больше никогда! — неизвестно как оказавшийся рядом «Элеонора» манерно, но не сильно бьет Рому по щеке. — Я щас уйду, и ты больше никогда не увидишь меня!

— Дуй, — благожелательно кивает Рома. — Будешь потом объявления давать в бесплатных газетах: «Красивый и дерзкий познакомится с сильным и верным, не кавказцем».

— Но ты же отзовешься, да, милый? — поддаты «Элеонора» в надежде навалился на Рому. Рома отпихивает пьяного «девушку», и уже через пять минут он виснет на ком-то за соседним столиком.

— Недавно его выгнал богатый любовник, — рассказывает Рома, — а он живет в основном за счет любовников. Сегодня он надеется, что его кто-нибудь в приличное место сводит развлечься, выпить и поесть.

— А где он работает?

— Он не может работать, — объясняет Рома, — везде, где он пытался устроиться, начальники относились к нему как к мужику, а к нему надо — как к девушке. Обходительно. А когда он работал на складе, его вообще чуть не изнасиловали злые мужики. Ему и жить-то практически негде сейчас. Он из Перми приехал, а паспорт потерял.

Бедняга «Элеонора», вдруг став трезвым, опять подбегал к столику с озабоченным видом.

— Представляешь, какая сволочь! — по-женски растягивая звуки, обратился он к Роме, — говорит, пойдем в «Андерграунд», только если ты тоже будешь платить, а то почему все время я плачу. А то, что я подарил ему недавно пиджак, он не помнит!

— Ну и фиг с ним, Сергей, посиди лучше с нами, — говорит Рома, — пива попей.

— Слушай, Сереж, а чего Зеленый? Он тебе больше не звонит?

— А... — безнадежно машет рукой Сережа и досадливо отворачивается.

— Кто такой Зеленый? — спрашиваю я.

— Один мужик, — говорит Рома, — богатый. Крутой. Хотел Сережу к рукам прибрать, а тот не захотел. Зеленый нашел другого, купил ему машину, квартиру снял, полтыщи баксов минимум в месяц дает карманных...

— Ого! — говорю я Сереже. — Чего ж ты за него не пошел?

— Я был молодой, — говорит Сергей. — Дурак.

Он пьет задумчиво, но вскоре опять убегает.

— Думал, идиот, что таких Зеленых у него будет еще миллион, — безжалостно комментирует Рома.

Мне рассказывают и об известных личностях. Вначале оказывается, что сюда с любовницей частенько заходит сама Х. И что у Ф., которая, как известно, старая «профсоюзница», на самом деле трое детей. Везде успевает человек, вы подумайте. А ее экс-мужем и отцом по крайней мере некоторых детей был, кто бы мог подумать, сам Ю. — видный общественно-политический деятель патриотического толка. Я не знаю, что мне делать с этими сплетнями, — поверить в них не могу, проверить возможностей не имею. Но слушать все это мне приятно. Я начинаю думать: как порочен мир знаменитостей! Оказывается, практически все известные личности — «голубые».

Народ постепенно рассасывается. Кто-то уходит сам, кого-то уносят, кого-то увозят. Те, что победнее, идут к метро, кто побогаче — садятся в тачки. Торжественная вечеринка в честь Восьмого марта закончилась.

— Ну как, понравилось? — спрашивает меня Рома.

— Да так, — неопределенно говорю я. — Ничего особенного. Все как у людей.

— А что, мы нелюди, что ли? — обижается Рома.

Недавно Рома позвонил мне и сообщил последние новости. Валя Павелецкая вышла замуж — между прочим, за обеспеченного и совершенно «натурального» американца.

— А Тренировочные Штаны как же? — поинтересовалась я.

— Штаны они с собой взяли, — с женской завистью в голосе прошипел Рома. — Не выгонять же...

p.s.
Говорят, Бог есть любовь. Возможно. Но тогда получается, что, если люди любят друг друга, это хорошо и по-божески. А если не любят — не по-божески. А если уж предлагают за любовь карать... Вы, наверное, уже поняли, к чему мы клоним. К тому, что какие-то странные рудиментарные всплески средневековой дикости одновременно случились в последнее время в нашей Думе — как во фракции «Народный депутат», так и в ЛДПР. Трудно сказать, с чем это связано, — то ли с обострившимся весенним авитаминозом, то ли просто с низким интеллектуальным потенциалом некоторых депутатов. А, скорее всего, просто с нелюбовью. Ну не любят депутаты людей, любят только народ! Но мы-то, слава богу, не депутаты. Мы просто живем в своей стране и стараемся любить друг друга. Кто как может...

*«То, что
в свои
зрелые годы
я
принадлежу
театру,
а не
мужьям, —
это
замечательно!»*

из семейного архива

Душа Шарко, или

Елена ТРИШИНА

А мужа у нее, прямо скажем, были непростые. И первый — Игорь Владимиров, и второй — Сергей Юрский. Но самым счастливым периодом в своей жизни считает 33 года работы в Ленинградском БДТ — рядом с Товстоноговым. Это ей он написал замечательные строчки: «Настоящей актрисе моей идеальной труппы». Высокие награды настали ей только в последние годы: премия Станиславского за выдающийся вклад в театральное искусство, высшая премия «Кинотавра» и «Ника» — за лучшие женские роли в кино. Она полна энергии и сейчас — потрясающая актриса и потрясающе сильная женщина. Сильная, потому что преодолела все тяготы жизни и прежде всего преодолела себя.

А я вспоминаю собственное потрясение, когда увидела ее на экране в фильме Киры Муратовой «Долгие проводы» — трогательную женщину с ломающейся походкой, балансирующую на высоких каблуках по самой кромке жизни. Жизни такой нашей, обиденной: с трудными отношениями с подрастающим сыном, с призрачной надеждой еще полюбить и быть любимой. Потом узнала, что было Шарко во время съемок уже 39 лет и до этого в кино ее никто не снимал.

— Зинаида Максимовна! Как же вы попали в этот странный проект, замороженный потом на целые двадцать лет?

— Между прочим, Кира Муратова даже в театре меня до этого ни разу не видела, а пригласила по наводке Ильи Авербаха. Потом сказала мне: «Зина, я пробовала многих актрис. Но мне нужна была нелепая женщина, и я вас нашла».

— Вы-то сами знали о себе, что вы «нелепая»?

— Подозревала. Правда, внутренние ощущения были другие, но частенько в самых моих трагических жизненных проявлениях люди смеялись. Наверное, это было нелепо. Вообще моя жизнь — это цепь пронзительных несчастных случайностей. А тогда, прочитав сценарий, я сказала Кире: «У меня такое впечатление, что в моей квартире поставили микрофон и записали все, что происходит в доме». У меня в то время была точно такая же история с сыном Ваней. Отношения были чудовищными: он собирался уходить из дома. Я даже не хочу сейчас это вспоминать. Тогда Ване было шестнадцать, прошло уже 30 лет, и он давно уже совсем по-другому ко мне относится. У нас все изменилось после того, как он вернулся из армии. Но такие отношения часто складываются в семьях, где мальчики воспитываются только мамами.

— А вы к тому времени уже давно расстались с его отцом?

— С Игорем Петровичем Владимировым мы разошлись, когда Ване было семь лет. А тогда, снимаясь в «Проводах», я то уезжала на съемки в Одессу, то возвращалась домой, и мы снова конфликтовали. Как-то моя гримерша собралась в Ленинград, ей негде было остановиться, и я предложила ей пожить у нас. Она, конечно, знала все мои жизненные перипетии и однажды сказала: «Ванечка! Мама очень любит тебя, а ты так себя ведешь!» На что Ваня очень жестко ей ответил: «Моя мама никого не любит! Она

чокнутая на своем театре и кино и, кроме этого, ничего вокруг не видит. Я ведь сценарий читала, она, знаете ли, на мне репетирует. И по тому, какой скандал она устраивает дома, я точно знаю, какая следующая сцена будет сниматься». Он не понимал, что это был просто трагифарс какой-то. Как я могла на нем репетировать, когда у меня такая тяжесть с ним в жизни была! Произошло какое-то фантазмагорическое совпадение. Да, там много всякого было в этой картине!

— Мне кажется, что зритель совершенно явственно чувствовал, что просто сыграть так невозможно. Там как будто ваше нутро безжалостно переработано было.

— Был у меня там монолог: «К папочке захотелось? Он же тебя вот таким бросил!» Это же действительно мои слова, это мною было пережито. Кира только начинала со мной сцену очередную разбирать, а у меня слезы, как у клоуна в цирке — моментально в разные стороны. Она говорила: «С вами просто невозможно разговаривать!»

— Фильм был снят и неожиданно положен на полку на 20 лет. Почему?

— Нас просто уничтожили до последней степени, Киру буквально стерли с лица земли, разгромили все. Георгий Александрович Товстоногов захотел узнать, за что же бьют так, и попросил, чтобы фильм показали труппе БДТ. Связались с кинопрокатом и поехали смотреть. Я смотрю на экран и ничего не понимаю: там под каждым кадром титры идут внизу. Оказалось, что все пленки стерты и осталась только одна — для глухонемых. Представляет?

— Что же вам все-таки инкриминировали?

— В одной рецензии, изуверско-изысканной, прямо по пунктам было написано: 1. Где вы видели такую несчастную героиню? Я тогда сказала: «Жаль, что я не знакома с этими людьми, а то бы денег не пожалела на такси и повезла бы их по своим подругам, не говоря уже о моем собственном доме».

2. Где вы видели такое невзаимопонимание между матерью и сыном? Ну, просто слово неприличное хочется сказать! А где вы видели взаимопонимание?

3. Где приметы времени? Ну, тут уж правда у нас не было никаких портретов вождей: ни Хрущева, ни Брежнева — никого.

И самое главное — я об этом рассказала Параджанову, так он просто на улице упал на землю и катался от хохота. Потом говорит: «Я Кире завидую: обо мне такого не писали!» Я запомнила это слово в слово: «Некритически использован опыт буржуазных кинорежиссеров типа Феллини и Антониони». Все!

— В общем, они были правы только в том, что поставили Муратову в этот ряд.

— А ведь фильм-то был совершенно неприятным, ничего там «такого» не было даже по выразительным средствам. Это сейчас любят удивлять: все ставят с ног на голову. А там моя героиня — нормальная элементарная баба, как сотни других таких же. И, понимаете, когда сейчас мне дают все эти почетные награды за мои теперешние роли, это, конечно, очень приятно, но пусть на меня не обижаются — у меня другая точка отсчета после «Долгих проводов».

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

«Мой папа был пожарным, и я с малых лет блистала в пожарной самодеятельности»

— Я думаю, сейчас просто торопятся доказать, как вас ценят и любят, и дают то, что недодали когда-то. А сын ваш за это время, наверное, не только подрос?

— У Вани отличное дело, хорошая репутация. Он молодец — успешно оформлял многие спектакли, у него свои театральные производственные мастерские, а недавно стал заместителем директора МХАТа по производству. У него хорошие мозги и золотые руки. Он ведь прошел отличную школу — был при Товстоногове монтировщиком в БДТ, а там были самые интеллигентные «монты», наверное, во всем Союзе. Он такой с детства самостоятельный, что однажды даже дал пощечину своему другу, который заметил: мол, хорошо тебе при таких родителях!

— Неужели он в актеры никогда не рвался?

— Еще как рвался! Но тут уж я все силы приложила, чтобы не допустить этого. Мне друзья — Нателла Товстоногова и Евгений Лебедев — все нашептывали: «У него такие данные, такие данные!» А я говорю Лебедеву: «Женя! У нас с тобой, можно подумать, прямо такие данные: герой-любовник и героиня!» Так что не во внешних данных дело. Если мужик в семье неудачник-артист — это беда. Ни жена, ни дети уважать не будут. У меня есть один знакомый — неплохой актер. У него с сыном были отличные отношения, мальчик после развода остался с

«Нелепая женщина»

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Ч А С Т Н А Я Ж И З Н Ъ

ним и ходил на все папины спектакли. Но, когда посмотрел «Юнону» и «Авось», был просто в шоке. У него вся жизнь перевернулась: «Папа, почему ты не Караченцов?» И отец был вынужден отправить его к матери, не мог терпеть жалостливые, а иногда и презрительные взгляды.

— А Ваня всегда вас принимал как актрису?

— Да.

— А отца?

— Мы с ним никогда не говорили на эту тему, она у нас запретная была. Только мне друзья рассказывали: когда Владимиров играл в фильме «Наш современник» человека, который тоже ушел из семьи, а потом встречается со взрослым сыном, Ваня школу пропускал. Он ходил в кинотеатры и смотрел сеанс за сеансом.

— А почему он носит фамилию Шарко?

— Так сложилось. Я не люблю об этом вспоминать. Это уже другая жизнь. Я только, знаете, когда начинаю перебирать в памяти все свои жизненные перипетии, поражаюсь: «Подожди, это все с тобой происходило? Как же ты жива-то осталась?» Но думаю, что это и закалило меня. И еще одно удивляет. Сейчас такая страшная

шила повеситься на этой роскошной люстре. Но Господь не дал: люстра оборвалась вместе с куском потолка и рухнула мне на голову. Так что до конца дело не дошло.

— И после этого молва за вами тянется: Шарко — баба сильная, сильнее всех своих мужей?

— Да, да. В результате так и получается.

— И еще одна закономерность. Ваши мужья никогда не помогли вам строить театральную карьеру?

— Что вы! Никогда!

— Сколько лет вы были замужем?

— По семь лет. (Смеется.) У меня, как у Хемингуэя, брачный период длился семь лет и с первым мужем, и со вторым. Признаться, я ведь не хотела ни за того, ни за другого замуж выходить. Меня просто выдавали.

— Кто же?

— Друзья-приятели.

— А жены ваших бывших мужей, они же тоже актрисы и Алиса Фрейндлих, и Наталья Тенякова. У них по-другому складывалась семейная жизнь?

— Я не знаю. Это их личное дело. Может быть, я просто максималистка. Хотя, пока была замужем, слыхла хорошей хозяйкой. Я ведь шью сама, вкусно готовлю. Даже сады дома разводила — зимой выгоняла тюльпаны и гиацинты. А в сильные морозы срезала веточки вишни, или яблони, или сливы, выдерживала их ночь в теплой воде и утром расставляла в напольные вазы. Помню, стоят у меня цветущие ветки, а Юрий утром просыпается и читает стихи: «Иду расцветающим садом»... Еще помню, приходим мы с Сережей после репетиции и вечернего спектакля. Он спать ложится, а я еще жарю индейку с каштанами. Сжигаю себе клок волос, а утром иду на репетицию. Так что все, что делаю, я делаю серьезно. Я все умею! Значит, не в этом дело было. Может быть, загадка в том, что я не боготворила и не захваливала своих мужей, всегда в лицо говорила всю правду. А их следующие избранницы смотрели на них с обожанием.

— Но на этом же история не заканчивается?

— (Смеется.) Ну, это смотря по темпераменту. Честно говоря, было у меня одно сильное увлечение, но опять же, думаю, что оно мне было послано свыше. Тут уж я сама сильно увлеклась. Человек был из Москвы. Продолжалось все это 30 лет. И я потом уже поняла, как это замечательно: редкие звонки, редкие встречи. И все подогревала разлука — я ведь большая фантазерка. Письма писала, и, когда отправила ему целую бандероль с письмами, он вернул мне их обратно со словами: «Если бы ты со мной ближе пообщалась, то поняла, что я совсем не такой. Ты бы очень разочаровалась». И действительно, когда через 30 лет мы встретились, я поняла, какой была фантазеркой!

— Но это же были 30 лет счастья?

— Конечно! И какого вдохновенного! Когда он изредка приезжал в Ленинград и сидел в зрительном зале, у меня же крылья вырастали! Я же была гениальной артисткой! Все это было замечательно, замечательно, но опять же потому, что мы не жили вместе.

— Так, может быть, Ваня тогда прав был насчет любви?

— Да. На 200% прав! На 200%! Я ничего так не люблю, как театр! Аналогичная история была, между прочим, и у Товстоногова. Ни его не выдерживала ни одна женщина, ни он не выдер-

живал. Если рядом была актриса, то она сразу требовала, чтобы БДТ существовал только для нее, а если не актриса — то с ней на третий день говорить было не о чем. Как-то у него спросили: «Театр может изменить жизнь?» Он ответил: «Если бы я так не думал, я бы этим не занимался». И для меня театр — это все. Лиши меня театра, я умру завтра же! А у Товстоногова я не одна такая была: и Копелян, и Стрельчик, и Луспекаев, и Лебедев — целая плеяда. И мы же все постоянно играли, потому что он думал о каждом и роли давал, как правило, на сопротивление, чтобы актеру и ему самому интересно было. Мы же могли даже не разговаривать — Товстоногову достаточно было волшебное слово каждому сказать, и все моментально понимали. Мы ходили на все его репетиции, ему самому это приятно было: он, когда бывал доволен, так смешно хрюкал, и мы знали, что все хорошо. Для нас каждая премьера была праздником, даже когда в спектакле не были заняты. Мы же новые туалеты шли к каждому открытию сезона. И он все замечал. Как-то сказал своей сестре: «Не понимаю, чем ты занималась все лето! Вот Зина пришла на сбор труппы в такой мексиканской юбке!» Он был главный мужчина, главный режиссер и главный человек. Это было настоящее счастье, и оно в один момент закончилось. И тогда я поняла: такое бывает раз в сто лет. Хочешь жить — подчиняйся любому режиссеру, которого тебе дают. Конечно, бывает, что и вляпываюсь иногда.

— Вы с режиссерами спорите?

— Нет, никогда — хорошие они или плохие.

Я знаю про себя, что я эгоистка: от каждого режиссера можно что-то взять. Я их всегда подстрекаю: «Вы говорите, говорите, а я за что-нибудь уцеплюсь, что-нибудь вытяну, как пчела». Но совсем без работы я не могу. У меня теперь так: я или готовлю роль или уже играю. Даже в отпуске роли учу. Вот представьте: по улицам Италии, Испании, Турции ходит такая странная женщина и бубнит про себя что-то. Моя внучка Машка, с которой мы вместе отдыхаем, смеется надо мной: «Посмотри на себя! Народ ведь думает, что в сумасшедшем доме не уследили — большая сбежала».

— Значит, вас Господь посадил именно в ту лунку, в которую следовало? Не ошибся?

— Конечно! Я никогда себя никем другим и не представляла, хотя семья была совсем не театральная. Папа был пожарным, и я с малых лет блистала в пожарной самодеятельности. Как-то выучила поэму «Ежовые рукавицы» про наркоману внутренних дел Ежова и в пять лет читала со сцены — родители страшно мною гордились! И в школе играла все — от молчаливой ромашки до Золушки. Сидела на уроках в папилютках — учительница лично накручивала мои соломенные волосенки. В общем, примадонной ощущала себя с самого детства. Мы жили в Чебоксарах, когда началась война и я читала стихи по госпиталям. 900 концертов дала наша пионерская бригада. А в конце войны я, девчонка, получила медаль «За доблестный труд». Я так любила театр, что выпросила у мамы громадные по тем временам деньги — 100 рублей — и купила себе толстенную книгу о МХАТе, ставшую для меня энциклопедией. Телевизора же не было, радио заканчивало работу в полночь, а потом почему-то и в одиннадцать вечера. И я писала письма в Радиокomiteт: «Пожалуйста, продлите нашу культурную жизнь на час!»

«Я ничего так не люблю, как театр!

Для меня театр — это все.

Лиши меня театра, я умру завтра же!»

MS SEVENPHOTO.APKYBA

С Александром Михайловым
С Кириллом Лавровым

«Сейчас такая страшная полоса жизни пошла — во всем. И вдруг именно в это время я всем понадобилась!»

С Инной Чуриковой

113 СЕВЕРНОГО АРХИВА

Ч А С Т Н А Я Ж И З Н Ь

Вот окончила я школу с золотой медалью и собралась в артистки. Дома начались скандалы и мамыны причитания: «Мы думали, самодеятельность для тебя просто развлечение, это же не профессия. И зачем тебе золотую медаль дали, могли бы кому-то путному дать!» Но характер мой они уже знали, и мама написала знакомой в Москву: «Вот, мол, горе у нас какое — Зина собралась в артистки, примите ее, бога ради!» Я приезжаю в Москву и прямым ходом в МХАТ. А у меня кумиром была Алла Константиновна Тарасова. Я все читала о ней, а видела ее только в фильме «Без вины виноватые». Три дня не ходила в школу, обливаясь слезами, смотрела с утра до вечера ее Кручинину, и учителя уже знали, где я. И вот иду я по заветным ступенькам МХАТа и представляю: тут она ходила, Тарасова, может быть, только что! С благоговением открываю дверь приемной комиссии, сидит там секретарша и... ест соленый огурец! Так она мне прямо в душу и плюнула, так меня этим огурцом и уничтожила!.. Я разворачиваюсь и ухожу. Моросил какой-то дождичек, я иду по Москве вся в слезах, скрюченная, выжата, а в голове почему-то строчки Маргариты Алигер всплывают: «Ленинград, Ленинград, я тебе помогу...» Откуда взялись — не понимаю. Прихожу к знакомым и объявляю: «Еду в Ленинград!» — «Куда? У тебя же там никого нет!» — «Ничего!» Стоя в переполненном вагоне, прижав к себе фанерный чемодан с картошкой, прикрытой сверху огромным портретом Аллы Тарасовой, сутки добираюсь до Ленинграда. Ну что меня туда повело, скажите, как не судьба? Но я все-таки признаюсь, хитрая была! У моей мамы была знакомая маникюрша, а к ней приходила клиентка, у которой в Ленинграде (послушайте, какая близкая родня!) жила мать ее погибшего мужа. И я на всякий случай взяла адресок, еще не зная, куда меня судьба занесет. Вот приехала я в Ленинград, нашла этот дом — переулок Ильича, дом 6, поднялась на шестой этаж, и открывает мне дверь старушка в ночной рубашке: «Вы к кому?» — «Я к вам. Хочу быть артисткой!» Она говорит: «Ну, хорошо, значит, будем вместе здесь жить в восьмиметровой комнате». Я пошла поступать в театральные и попала на курс замечательного Б.В. Зона. Но на этом мистика не кончилась: совершенно

случайно в 52-м году меня заметил Товстоногов в Ленэстраде, пригласил в Театр Ленинского комсомола и дал сразу две роли. Но тогда я должна была еще доработать на эстраде. И опять же счастливый случай: как только Товстоногов пришел в БДТ, он пригласил меня — я из его первого призыва.

Вот так всю жизнь: какая-то счастливая неслучайность!

— Вы верите в это?

— Приходится верить. И то, что в свои зрелые годы я принадлежу только театру, а не мужьям, — это тоже замечательно! Я занимаюсь только делом, не позволяю себе расслабляться. Была у меня мечта: целых шесть лет я хотела сыграть пьесу Э. Олби «Три высокие женщины». Режиссер Роман Мархольца принес ее мне, предлагали мы ее разным театрам, но все как-то не совпадало. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, звонит мне Маргарита Александровна Эскина и приглашает сделать этот спектакль в Центральном доме актера. Я даже заплакала, когда она мне сказала: «Будем в Москве любить вас и лелеять!» Так оно и случилось, но главное — мне вернули забытое ощущение моей нужности, что я артистка, то, что было при Георгии Александровиче. Это, безусловно, новый этап в моей жизни. Я поняла: если одолею драматургию Олби, я себя уважать буду. Тут же совсем другим способом играть надо, это же другая ступенька.

— И не страшно снова подниматься?

— Я очень азартный человек. Не справлюсь — туда мне и дорога! Там у моей девяностолетней героини есть слова: «Что же это был за миг, когда я чувствовала, что счастлива, по настоящему счастлива?» Судьбы наши в чем-то пересекаются, но я свой миг счастья очень хорошо помню. А у меня сейчас задача — в этот абсурдизм внести органику и эмоциональность нашу русскую.

— Значит, вы снова «нелепая женщина»?

— Да, да...

— И последний вопрос. Зинаида Максимовна, нет ли у вас случайно общих корней с известным французским невропатологом Шарко?

— Нет. Мы, знаете ли, из украинской деревушки, в которой говорили: «У нас уси люди — Шарки, а уси собаки — Сирки».

Ф Е С Т И В А Л И

ПРОГУЛКИ В «ЧЕРЕШНЕВОМ ЛЕСУ»

В прошлом году на закрытии Первого музыкального фестиваля «Черешневый лес» его гости — известные деятели отечественного искусства — решили красивую сказку сделать былью и взялись за лопаты. В прямом смысле этого слова. В Нескучном саду О. Янковский, И. Чурикова, Г. Волчек, И. Дапкунайте и др. (в вечерних нарядах) славно потрудились, присыпая землей хрупкие саженцы черешни. Сегодня этот черешневый сад утопает в цвету. Сходите, убедитесь сами. А если почему либо не сможете добраться до Нескучного сада, то непременно посетите Второй музыкальный фестиваль «Черешневый лес», который пройдет в «Усадьбном дворе» Государственного музея А. С. Пушкина с 17 по 28 мая. Его организаторы, среди которых артистическое агентство «Краутерконцерт», собрали лучших музыкантов мира. Вести концерты, как и в прошлом году, будет Ингеборга Дапкунайте, специально для этого прилетевшая из Лондона.

ИМПЕРИЯ
ПОД УДАРОМ

СМОТРИТЕ
НА ОРТ

Александр Стефанович — кинорежиссер, писатель и просто рассказчик

Об авторе

В первобытной пещере и в современном застолье центром компании всегда был и остается рассказчик. Искусство рассказа старше литературы и не всегда сливается с ней, оно автономно. Иногда оно достигает вершин, усложняется — и тогда миру являются «Декамерон» или «Шахерезада». И вот перед нами еще одна попытка в этом роде — рассказы Александра Стефановича. Книга «День божоле» читается на одном дыхании. Она состоит из десятков новелл, рассказанных от первого лица. И хотя многие сюжеты находятся за гранью возможного в приличном обществе, это не коробит читателя. Действие новелл разворачивается стремительно. Оно переносится то во Францию, то в Прибалтику, то в Амстердам, то в Лондон, то в Москву. По точным деталям и описаниям видно, что автор знает эти места не понаслышке. Стефанович действительно гражданин мира, русский писатель и режиссер, а последние десять лет — парижанин, человек, проживший жизнь, полную невероятных приключений и самых фантастических романов. Эта книга напомнила мне полет на воздушном шаре.

Евгений РЕЙН

Александр СТЕФАНОВИЧ

Большой приз

Не самые последние люди, скажу я вам, тогда собрались в роскошной квартире, расположенной в Гамла стане — самом центре старой части Стокгольма. Гостеприимный хозяин, популярный эстрадный певец Свен Бертель, между прочим школьный товарищ действующего короля Карла XVI Густава, пригласил не только двух своих прежних жен — знаменитую актрису и диктора национального телевидения, но и нынешнюю избранницу, английскую топ-модель. Красавицы были как на подбор. То же самое можно было сказать и о других дамах — женах газетных королей, промышленников и банкиров.

Но Она была лучше всех.

И все вокруг: эти бесконечные комнаты с лепными потолками, картины в золотых рамах и свечи, мерцающие в бронзовых канделябрах, — все казалось только оправой к главной драгоценности вечера, к этой красавице, от которой не могли оторвать взгляд ни мужчины, ни женщины.

Я тоже смотрел на нее, но восторг от встречи с чудом быстро исчез, его сменили глухие накалы тоски. Как бы вам это лучше объяснить...

Я воспринимаю мир через картинки. Возможно, это особенность профессии. Так вот, с первого же мгновения она показала мне живым воплощением Запада. То самого желанного и запретного мира, который столько лет снился мне в самых сладких снах моей «невъездно» совковой жизни. И вот теперь, в 1987 году, когда я благодаря перестройке впервые выбрался на свободу, жизнь устроила мне такой роскошный подарок — встречу с воплощенной мечтой. Другой на моем месте радовался бы, но я уже хорошо понимал, как события будут развиваться дальше.

Через несколько минут она окажется совсем рядом и, возможно, даже одарит меня вежливой улыбкой, но никогда не станет моей. А все потому, что она — это Большой приз, живое воплощение роскоши и красоты. К ногам таких женщин бросают целые состояния. А мне, русскому режиссеру, прикатившему в Швецию на стареньких «жигулях» из медвежьего угла мира, здесь было нечего ловить. Здесь все мои московские достижения ничего не стоили. Все мое состояние составляло 200 долларов. В этом мире я должен был все начинать с нуля.

Краем глаза я следил за тем, как она приближалась. Свен представил ее какой-то важной паре, и они, мило улыбаясь, начали беседу в двух шагах от меня. А я ругал себя последними словами. Как же я буду с ней объясняться? Ведь даже тройки на уроках ан-

лийского мне ставили исключительно из жалости. И в школе и в институте я считал занятия иностранным языком пустой тратой времени.

— Александр, мой друг из России, — представил меня красавице Свен. Другом его я, конечно, не был, но в тот период все русские ценились как большая экзотика.

Я машинально пожал руку ее мужа, мебельного магната, крепкого шведа с лицом потомственного алкоголика, и, кивнув ей, выдал из себя какой-то комплимент на английском.

— Не мучьтесь, говорите по-русски, — сказала она с улыбкой, которая мне показалась божественной. — Я так соскучилась по русской речи.

Я не поверил своим ушам.

Свен повел ее к очередным гостям. А у меня за спиной выросли крылья. Оставалось только лететь. Что я и сделал. Через минуту она уже хотела над последними анекдотами в моем исполнении, а через полчаса мы так увлеклись беседой, что забыли и о хозяине, и о ее муже, и о всех остальных гостях. Она рассказывала, как попала на Запад из Питера, откуда родители вывезли ее еще девочкой.

Глубокой ночью, когда гости уже начали расходиться, мы договорились встретиться завтра в полдень.

Не нужно объяснять, что ровно в двенадцать на следующий день я сидел в своих «жигулях» под закопченной кирпичной башней, венчающей городскую ратушу.

Пробили часы. Она опаздывала. И тогда, словно маленькая змея, заползла мне в душу простая и мерзкая мысль:

— А с чего ты взял, что она вообще придет? Ведь она могла просто забыть про обещанное свидание, ее могли задержать семейные дела, мог не отпустить муж, в конце концов...

И потом, в этом новом для меня мире играли по правилам, которые я еще не успел освоить. Традиционную вежливость, являющуюся нормой в этом обществе, я мог принять за искренний интерес.

Мои мрачные размышления прервал сигнал спортивного «мерседеса». Она выпорхнула из машины и замахала руками. Легкая бирюзовая блузка и яркий розовый шарф необычайно шли ей.

— Привет! Ты уже придумал, как будешь меня развлекать? — спросила она.

Честно признаюсь, я об этом думал меньше всего. Не услышав внятного ответа, она взяла инициативу в свои руки.

По ее предложению мы пересели из наших машин в маленький плавучий ресторанчик, и целых три часа он катал нас по живописным фьордам. Мы наслаждались вином, рыбными деликатесами и друг другом.

Но вот пароходик вернул нас к ратуше. Ей нужно было возвращаться в семью.

Перед расставанием она продиктовала свои условия:

— Ты должен очень постараться. Ты хочешь занять место в моем сердце, а я хочу, чтобы каждый мужчина дарил мне максимум того, на что он способен. При знакомстве мне показалось, что ты человек с фантазией. И хотя сегодня ты не оправдал всех моих ожиданий, даю тебе еще один шанс. Придумай для нас такое свидание, какого у меня еще не было. Если ты в следующий раз порадуешь меня чем-нибудь невероятным, я обещаю это оценить. Но учти — в этой жизни кое-что я уже видела. Встретимся в среду.

РИСУНОК ЕВГЕНИИ ДВОСКИНОЙ

С этого момента шестеренки в моей голове начали крутиться с бешеной скоростью. И прошу понять меня правильно. Проблема была не в том, будет принадлежать мне эта красotka или не будет. Вопрос стоял так: станет Этот сверкающий мир моим или нет? В общем, to be or not to be? — если я ничего не напутал в английском.

Но чем таким особенным можно было поразить красавицу, которая видела в этой жизни все?

Выручила профессия. Я подошел к нашему будущему свиданию, как к постановке фильма. Я начал искать место действия. В кино это называется «выбором природы».

Например, пригласить ее на русскую подводную лодку. Несколько лет назад наши brave подводники забрались с шпионскими целями в какой-то шведский фьорд и сели там на мель. Подозреваю, что в команду затесалась какая-нибудь буфетчица. Был большой международный скандал. В память об этом событии в эпоху перестройки и всеобщего бардака шведы купили списанную дизельную подводку и устроили из нее аттракцион. Конечно, можно было привести туда красавицу... А дальше? В антисанитарных условиях... Нет, не то...

Или такой вариант. В центре Стокгольма есть парк Васасатан. Там в специальном ангаре хранится старинный бриг «Васа». Лет триста назад его спустили на воду, но что-то неправильно рассчитали. Он перевернулся и затонул. Тут уж точно не обошлось без женских чар. Уже в XX веке его подняли на поверхность, осушили, подлатали и открыли для посещений. Конечно, можно было дать смотрителю денежную купюру, и он оставил бы нас вдвоем на этом шедевре шведского судостроения. А потом?.. Любовь на холодной пушке?.. «Васа» была отвергнута.

В самом отвратительном настроении я позвонил своему приятелю, чтобы в его компании залить горе пивом. Мы решили начать с «Туборга» в баре гостиницы. Я уже хотел было сделать очередной глоток, но рука с кружкой замерла в воздухе. Перед тем мой взгляд случайно скользнул по стойке с буклетами, которых полно в каждом отеле, и неожиданно остановился на одной картинке.

Там было изображено то, что я искал.

На следующий день я чувствовал себя как перед премьерой. А ведь так, в сущности, и было. Для спектакля под названием «Жизнь» я написал сценарий самого романтического эпизода и выбрал для него самую лучшую натуру.

Остальное было делом техники. Меня даже не огорчило, что она опоздала на полчаса.

— Тебе повезло, милый, — заявила она, подставив щеку для поцелуя, — муж улетел в Штаты на два дня. Но, надеюсь, ты помнишь мои условия...

— Еще как помню... — ответил я, и мы расселись по нашим машинам. Ее блистающий «мерседес» прилип к заднему бамперу моих помятых «жигулей». Мы вырулили на Свеагеген, проехали площадь Сетгелторп и взяли нужное направление. Я специально покрутился по центру Стокгольма. Это входило в мой план. Ее нужно было сбить с толку. Тем более что место действия находилось совсем недалеко.

Мы остановились в старом парке возле стоящего особняком обшарпанного желтого здания.

Она вышла из машины и с удивлением посмотрела вокруг. Я взял ее под руку и повел к подъезду, над козырьком которого красовалась надпись «HOTEL».

Она покрутила пальцем у виска.

— Ты что, решил поразить меня дешевым отелем? Видно, я переценила твою фантазию.

— Дорогая, — ответил я, — прошу тебя в ближайшие десять минут не задавать никаких вопросов. А потом ты сама примешь любое решение. Договорились?

Дверь распахнулась. Портые из-за маленькой стойки приветствовал нас, проверил резервацию, улыбнулся и дернул за шнур. Вместе со звоном колокольчика у стойки появились два нелепо одетых типа в фуражках, синих формах и с резиновыми дубинками в руках. Они принялись устрашающе кричать, схватили каждого из нас за пальцы и, обмакнув их в красную краску, сняли отпечатки.

Потом повели вниз по лестнице через какие-то мрачные кирпичные коридоры, освещенные тусклыми лампами. Это было сделано так быстро, что мы не успели опомниться. Стоило нам замешкаться на каком-нибудь повороте, надсмотрщики начинали орать на нас благим матом и оглушительно шлепали по стенам своими дубинками. То же самое происходило, когда моя подруга пыталась у них что-то спросить.

Нас вывели к винтовой лестнице и погнали на третий этаж. Там приказали остановиться возле одной из многочисленных дверей. Потом втолкнули в тесную комнату. Прокричав что-то невнятное, люди в синем заперли дверь снаружи, оставив нас наедине.

— Что все это значит? — закричала на меня красавица.

— Сам не знаю, — попытался я свалить дурака. Но она была близка к истерике. Пришлось во всем признаться. Правду, которую я ей поведал, заодно узнают и читатели этой невероятной, но абсолютно достоверной истории.

Тут нужно понять, что такое Швеция. Что это за королевство победившего социализма с высочайшим уровнем жизни. Рождаясь, каждый швед уже знает, на каком кладбище его похоронят. Жизнь здесь сытая, размеренная, но пресная.

Поэтому, когда городские власти закрыли старую тюрьму в центре города, какой-то предприимчивый деятель / выкупил ее и превратил в оригинальный отель. Теперь любой швед за тысячу крон мог получить удовольствие — провести целый день за решеткой. От добровольных узников не было отбоя.

Когда я увидел рекламу этой «тюрьмы», то понял, что лучшего места для нашего свидания не придумать.

...Я сообщил, что нас выпустят отсюда только через двое суток. Красавица была в ярости. Она принялась барабанить в железную дверь, но никто не откликнулся.

Меня спасло чудо. Оно предстало в виде бумажного листочка, приклеенного к внутренней стороне двери. Когда она прочитала его содержание, то забыла о своей ярости и принялась хохотать. С женщинами такое бывает.

— Ты знаешь, что тут написано? — сквозь смех спросила она.

— Откуда? Там же по-шведски...

Она принялась переводить, и теперь уже мы смеялись вместе. Это было меню тюремного ресторана:

1. «Баланда рыбная» (французский суп «буйабес»).
2. «Колочая проволока» (морские ежи с икрой).
3. «Тараканы тюремные» (лангусты) и т.д. и т.п.

— Ну и насмешил ты меня, — примирительно сказала красавица, и я получил в награду первый поцелуй.

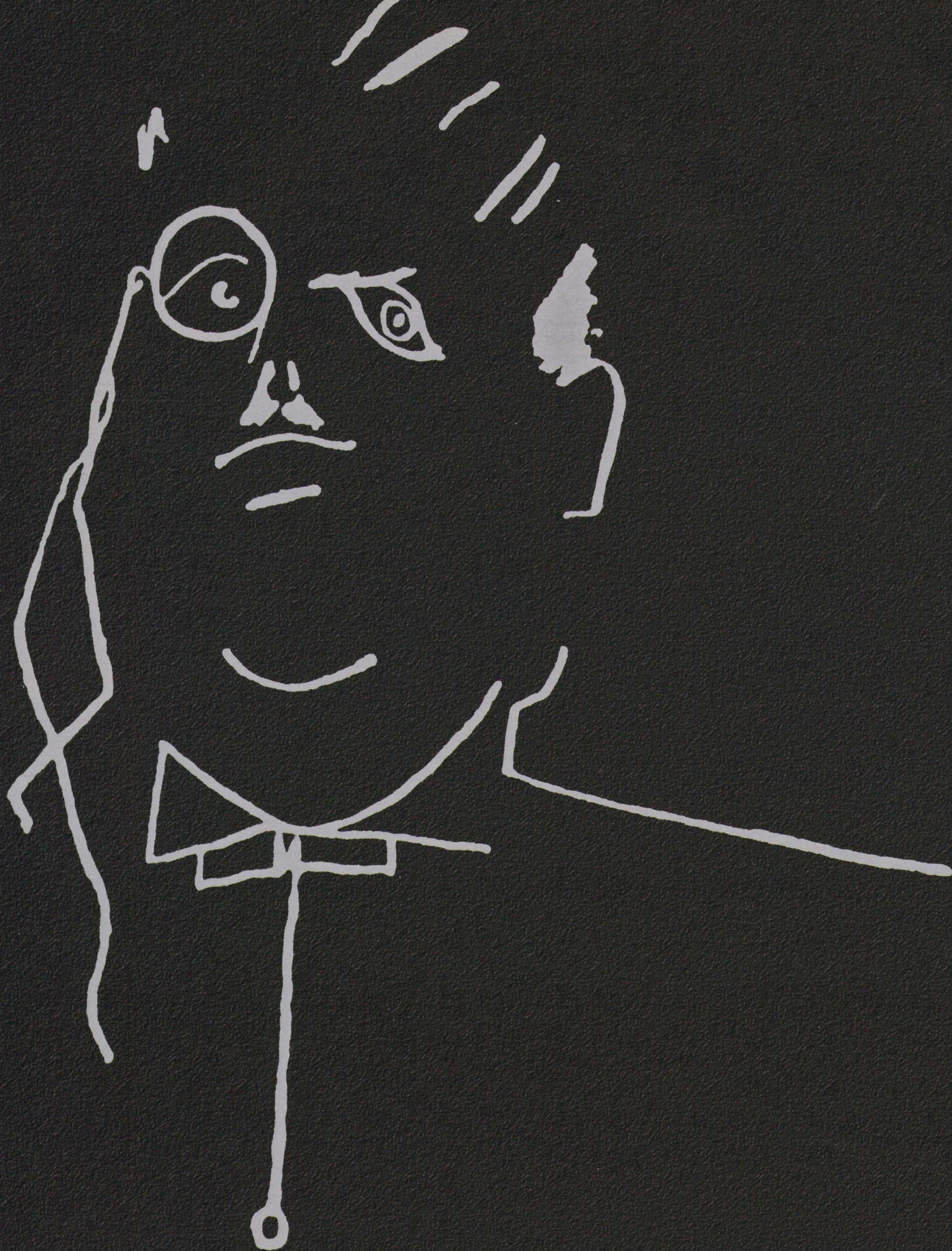
Еду подавали через окошко в двери, откидывающееся на цепях. Перед сном мы мылись в тесном душе. А в качестве пижам получили полосатые тюремные робы.

Но ровно через двое суток счастьем пришел конец, нас выпустили на свободу.

Что вам сказать еще? Прощальный поцелуй на автомобильной парковке возле тюрьмы был самым нежным.

...Да и в зубрежке английского появился какой-то смысл.

Сергей Дягилев

как Карабас-Барабас русского балета

Человек Дягилев был противный. Красавец, холеный такой, цедит что-то через губу, ногой топает, а ориентация у него при этом неправильная, ну, нетрадиционная. Неприятно. А куда денешься, первый русский продюсер! М-да

Владимир ЧЕРНОВ

«Оценка моих спектаклей, — цедит он бывало (через губу), — «странный», «экстравагантный», «отталкивающий»... Помню, мы выступали в Лондоне. Директор Коvent-Гардена пробежал передо мною, крича: «Это не танцы, это прыжки диких!» Да ведь спектакль и должен быть странным! Мой дедушка так ненавидел первые поезда, что приказал везти его в карете по полотну железнодорожного пути и сгонять эти чудовищные поезда с дороги. Я сбил с дороги классический балет. Ну не знаю я ни одного классического движения, которое бы родилось в русской пляске. Почему надо идти от менуэтов, а не от русской деревни?» В самом деле, почему?

Если человек вырос, например, в деревне? Например, в Бикбарде? Папа Дягилева, например, знал наизусть «Руслана и Людмилу». От начала до конца. Сидит у камина и мурлыкает. Бывший, между прочим, кавалергард. Все прокутил и — в деревню, на заслуженный отдых.

«Но вот из залы, — вспоминал с умилением очевидец, — раздаются звуки фортепьяно, говор, крики, смех, движение... Всякий спешит к какому-нибудь месту... и все превращается в

слух. Семья, в которой маленькие мальчики, гуляя, насвистывают квинтет Шумана или симфонию Бетховена, приступила к священнодействию...»

Вот какой образовался мальчик. «Надо, — говорит, — выносить в себе народность, быть, так сказать, ее родовитым потомком».

Очень спесивый. Прямо с детства. Ну, с юности. Приятель его Саша Бенуа как-то стал вспоминать, говорит: о-ой! «Бывали случаи, когда Сережа и оскорблял нас. В театре он принимал совершенно особую и необычайно отталкивающую осанку, ходил «задрал нос», еле здоровался и — что особенно злило — тут же дарил приятнейшими улыбками и усердными поклонами высокопоставленных знакомых...»

То есть когда ему нужно, он такой паинька! Например, нужны ему деньги на целый сезон в Париже для своего балета, а нету. Другой на его месте тихонечко уехал бы обратно в Россию и, пока денег не накопил, не высунул бы и носа. А этот — раз! — и сунул нос к comtesse de Greffulhe. Та очень удивилась. Говорит: «Он казался мне каким-то проходимцем-авантюристом, который все знает и обо всем может говорить. Я не понимала, зачем он пришел и что ему, собственно, нужно. Сидит, долго смотрит вот на эту статую, потом вдруг вскакивает, начинает смотреть на картины и говорить о них — правда, вещи очень замечательные... Скоро я убедилась, что он действительно все знает и что он человек исключительно большой художественной культуры, и это меня примирило с ним. Но когда он сел за рояль, открыл ноты и заиграл вещи русских композиторов, которых я до того совершенно не знала, тогда я поняла, зачем он пришел, и поняла его. Играл он прекрасно, и то, что он играл, было так ново и так изумительно чудесно, что, когда он стал говорить о том, что хочет на следующий год устроить фестиваль русской музыки, я тотчас же, без всяких сомнений и колебаний, обещала ему сделать все, что только в моих силах, чтобы задуманное им прекрасное его дело удалось в Париже».

Это он с ней проделал аж в 1907 году, а в 1930-м она уже хвасталась Лифарю: «Вот в этом кресле сидел Дягилев... Вот на эту статую много смотрел Дягилев... Вот на этом рояле Дягилев играл...»

Вообще с женщинами он делал что хотел. Очень они им интересовались. Понятное дело, красавец, 27 лет, седая прядь в черных волосах. Прядь они между собой звали «шеншеля». Сама Кшесинская, которая вообще никого на свете не боялась, поскольку ее любили лично Государь-Император, потом, по очереди, два Великих князя, за последнего она даже замуж вышла, а публика просто носила на руках, — так даже она, как завидит во время спектакля в ложе чиновника по особым поручениям Дягилева, так сразу под подходящую вариацию танцует и мурлычет под нос, кокетка:

«Сейчас узнала я,

Что в ложе — шеншеля,

И страшно я боюсь,

Что в танце я собьюсь!»

Ага! Так она вам и собьется! Из зала-то не слышно, а кордебалет заинтересовался. На следующий раз только Дягилев в ложу, только Кшесинская хитренько скосила глазки, ротик приоткрыла, кордебалет как рывкнул! Публика в первых рядах кресел даже отшатнулась: оперу, что ли, дают?

Большим авторитетом пользовался среди дам наш герой. Хотя сами они его вообще не интересовали. Классический случай: «Чем меньше женщину мы любим...» Так или иначе, а деньгами помогли «Русскому балету» в основном женщины. То-то большинство балетов Дягилев посвящал *princesse de Polignac*, женщине влиятельной и богатой, которая чаще всего и поддерживала на плаву дягилевское дрыгоножество. А Мися Серт? Ну! Хорошенькая, молоденькая, замужем за стареньким газетным магнатом, он с нее пылинки сдувает, деньги без счета, яхта, ложа в опере, свой салон, ближайшая подруга Коко Шанель, художники вокруг, Ренуар, Дега, Мане, все ее рисуют, понятное дело, импрессионисты, с одним вообще роман, да? И тут Дягилев! С седой прядью, оперой и балетом. Атаа! Мися Серт его от себя просто не отпустила. Рука в руке. Все советовала чего-то, все организовывала. По телефону мурлычат часами, чуть что — сцена ревности, померещится вдруг нехорошее, сразу шум, крик! Дягилев ей бац письмо: «Я люблю тебя со всеми твоими недостатками... Ты единственная женщина на земле, которую Мы любим». «Мы», это чтоб Нижинский чего плохого не начал подозревать. Бедные артисты за голову хватались, очень переживали: а ну как наш «женоненавистник» женится на мадам Серт. Бросит своих бедных куколок. Он же толком-то ничего не расскажет, все мимоходом: «Быр-быр!»

А Мися бывало разнежится: «Я, — говорит, — муза русского балета». И имела основание. Под старость вспоминала: «Вспоминаю, — говорит, — как генеральная «Петрушки» была задержана на двадцать минут. Полное тревоги ожидание. Зал, сверкающий бриллиантами, переполнен. Свет погашен. Ждут трех традиционных ударов молотка, возвещающих начало спектакля. Ничего... Начинается шепот. В нетерпении падают лорнеты, шелестят веера... Вдруг дверь моей ложи распаивается, как от порыва ветра. Бледный, покрытый потом Дягилев бросается ко мне: «У тебя есть четыре тысячи франков? — С собой нет. Дома. А что происходит? — Мне отказываются дать костюмы прежде, чем я заплачу. Грозят уйти со всеми вещами, если с ними немедленно не рассчитаются!»

Не дав ему договорить, я выбежала из ложи. Это было счастливое время, когда шофер обязательно ждал вас у театра. Десять минут спустя занавес поднялся. Уф!. Великолепный спектакль прошел безупречно, никто ничего не заподозрил...»

Ну, и что ты с него возьмешь? Продюсер он и есть. А мог бы стать неплохим артистом. Когда явился в Петербург восемнадцати лет от роду, он уже пел баритоном, играл на рояле и считал себя серьезным композитором, в портфеле у него лежало несколько сочинений, с которыми он, естественно, сразу пошел к Римскому-Корсакову, тот сочинения полистал, губу отвесил и говорит задумчиво: «Ну что ж, для начала... Надо бы вам, батенька, поучиться». Дягилев собрал свои сочинения и как хлопнет дверью! А перед тем как хлопнуть, в щелчку крикнул злобно: «История покажет, кто из нас двоих будет более знаменит! Вы еще обо мне услышите!» Но потом остыл и решил композитором не становиться. Ну его к черту! Хлопотное дело. Одному нравится, другому нет. Музыка же всегда можно заказать. Были бы деньги.

Учитесь. Разбирался во всех искусствах, а плюнул и остался дилетантом. Потому что понимал: профессия у него другая. Названия у нее только не было. По тем временам. Не было такого слова — «продюсер». Было — «антрепренер». Но это как-то уж слишком для породистого человека. Антрепренер... Хозяйственник какой-то! Нет, нет.

Он как рассуждал: «У нас в России люди разделяются на две категории — на вечно «во весь голос» протестующих и на вечно покорно молчаливых. И то и другое одинаково бесцельно, так как при этом у нас совершенно отсутствует третья категория — людей что-либо «делаю-

Мися Серт его от себя просто не отпускала. Рука в руке. Все советовала чего-то, все организовывала. По телефону мурлычут часами, чуть что — сцена ревности, померещится вдруг нехорошее, сразу шум, крик! Дягилев ей бац письмо: «Я люблю тебя со всеми твоими недостатками... Ты единственная женщина на земле, которую Мы любим». «Мы», это чтоб Нижинский чего плохого не начал подозревать

щих». Вот он до чего додумался. Вот чего Россиям не хватает для полного счастья.

Художник, музыкант или там танцор, они каждый сам по себе. Их, конечно, все уважают, но — по отдельности. А соберешь их вместе — выходит совсем другое дело. Дягилев и хотел стать собирателем. А что? Собрал всех, придумал, чего им делать, дал указания: один музыку пишет, другой — декорации, третий под эту музыку и под эти картины и костюмы ставит танцы, получается хорошо. То есть ему хотелось быть Карбасом-Барбасом и чтоб весь его театр был в одном сундуке, каждая куколка висит на гвоздике и ждет своего часа. А дождавшись, делает все, что скажут.

Решил, допустим, Дягилев: будем ставить балет «Дафнис и Хлоя». Ну, «Дафнис» так «Дафнис», хозяин — барин. Музыка заказал Дягилев Равелю, хороший композитор. Написал. Дягилев говорит: «Гениально!» Стали ставить. Ц! Не получается. Там финал написан на счет 5/4, ну-ка станцуй за четыре такта пять движений, я на тебя погляжу. Ну и что? А станцевали. Только, когда репетировали, все время хором считали, чтоб не сбиться: «Сер-гей-Дягилев! Сер-гей-Дягилев!»

Однажды отправился Дягилев со своим балетом в Испанию. А испанскому королю очень

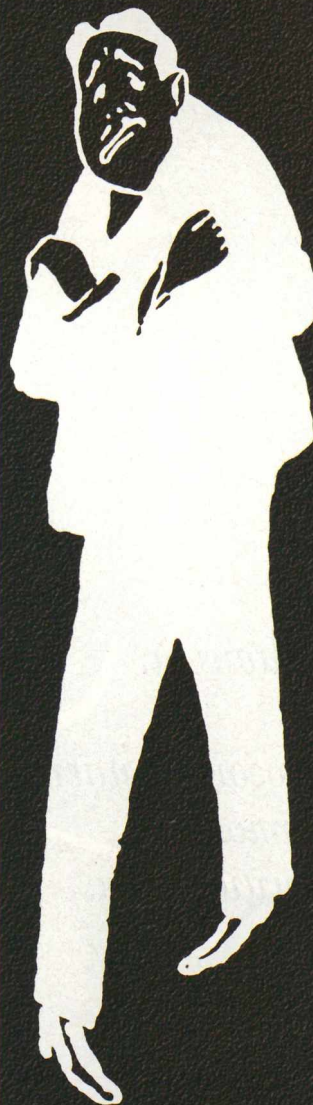
нравился русский балет. Он заглянул за кулисы полюбоваться на куколок вблизи, а навстречу Дягилев. Король говорит: «А что Вы делаете в труппе? Вы не дирижируете, не танцуете, не играете на фортепиано — тогда что же?» — «Ваше величество, — отвечал ему Дягилев важно, — я — как Вы. Я ничего не делаю, но я незаменим».

Но это все потом. А в юности все его друзья, а там и Бенуа, и Бакст, большие художники и Дима Философов, философ естественно, все знатоки своего дела, однажды смотрят, а этот красноречивый Дягилев, который знал меньше всех, всеми ими командует, и они его слушаются, по-

тому что его почему-то слушается уже вся художественная общественность. Почему? А потому. Женщина Тамара Карсавина, она же его лучшая куколка (одно время лучшей была Анна Павлова, но потом зазналась, решила, что может выступать сама, а! — и ничего не вышло!), объясняла всем желающим так: «Еще молодым человеком, он уже обладал тем чувством совершенства, которое является, бесспорно, достоянием гения. Он умел отличить в искусстве истинную преходящую от истины вечной. За все время, что я его знала, он никогда не ошибся в своих суждениях, и артисты имели абсолютную веру в его мнение».

А мнение у него было такое: «Все направления имеют одинаковое право на существование, так как ценность произведения искусства вовсе не зависит от того, к какому направлению оно принадлежит. Из-за того, что Рембрандт хорош, Фра Беато не стал ни лучше, ни хуже».

А раз он был такой умный, то ни с кем и не церемонился. Вы только представьте себе: приехал в столицу из своей Перми, из какой-то Бикбарды восемнадцатилетний пацан, к тетке Анне Павловне Философовой, у которой собирались лучшие умы, живет себе у нее на всем готовом, и вдруг ей, передовой женщине, выросшей на передвижниках и Чернышевском, о ку-

мире и учителе ее вдруг начинает нести крутой бред: «Эта нездоровая фигура еще не переварена... наши художественные судьи в глубине своих мыслей еще лелеют этот варварский образ, который с неумягкими руками прикасается к искусству и думал уничтожить его или по крайней мере замарать». Оказалось, что Дягилев, конечно, все принимает и допускает, но терпеть не может две вещи: передвижников и революционеров. Казалось бы, ну не любишь, ну и помалкивай, особенно когда все вокруг просто трясутся от негодования: сатрапы! тираны! бомбистов сюда давай, бомбистов, да побольше! До того гнет их самодержавие. Бедная Философова, считавшая себя ответственной за всех живших в ее доме «детей», сразу кинулась писать в своих воспоминаниях: «Дети мои все прекрасны, и я их люблю, но я похожа на курицу, которая высидела утят... Когда вся моя молодежь в сборе, я прислушиваюсь к их спорам и разговорам — и меня мутит. Вспоминаются наши споры в 60-х годах о пользе, которую мы могли бы приносить народу. Где эта польза?»

В общем, со своим двоюродным братишкой Димой Философовым они напугали тетку до колик, объявив, что она присутствует при рождении нового направления в искусстве. Как называется, они пока не знают, но очень хорошее направление. «Декаденты!» — ахнула тетка, дрожащими руками перебирая серебряные ложечки, и как в воду глядела. «Русское декадентство, — взволнованно записывала тетка Философова, — родилось у нас в Богдановском, и главными заправилами были мой сын Дмитрий Владимирович и мой племянник С.П. Дягилев. «Мир искусства» зачался у нас. Для меня, женщины 60-х годов, все это было так дико, что я с трудом сдерживала свое негодование. Они надо мной смеялись!» Позже все кому не лень обзывали их декадентами, хотя сами они декадентами считали стариков из Академии художеств, поскольку их искусство, это и колобку понятно: мертво, уныло и в полном упадке.

И тут Дягилев предлагает своим приятелям кончать трепаться бесконечно на кухне, а взять и выпустить для оболваненного передвижниками общества журнал о настоящих художниках. «Мир искусства». Тут же нашлась и женщина, готовая его издавать, такая княгиня Тенишева. Знаменитая меценатка, художники, которым она денег не давала, изображали ее бывало в виде здоровенной коровы, а к вымени уже Дягилев противный пристраивается с ведром. Но Тенишева, хоть и была женщина больших размеров, но трусоватая, свои деньги в журнал вкладывать побоялась. Зато сразу нашла человека, готового вкладывать, был в те времена заядлый вкладчик во все непонятное: Савва Мамонтов. Он, правда, как человек деловой, заинтересовался: «Что за гриб этот Дягилев?» Бенуа испугался и тут же написал приятелям: «Дай Бог ему устоять перед напором Мамонтова, который хоть и грандиозен и почтенен, но и весьма безвкусен и опасен». Ха! Это Мамонтову предстояло стоять пень пнем перед напором «гриба». Нет, не устоял. Но остался удовлетворен. Почувствовал в «грибе» своего. В искусствах Мамонтов, конечно, не сильно соображал, но уж в продюсерах-то разбирался.

Эпиграф к первой своей статье, открывающей первый номер журнала, Дягилев списал у Микеланджело: «Тот, кто идет за другими, ни-

Вообще с женщинами он делал что хотел.

Очень они им интересовались.

Понятное дело, красавец, 27 лет,

седая прядь в черных волосах.

Прядь они между собой звали «шеншеля».

Хотя сами женщины, как женщины,

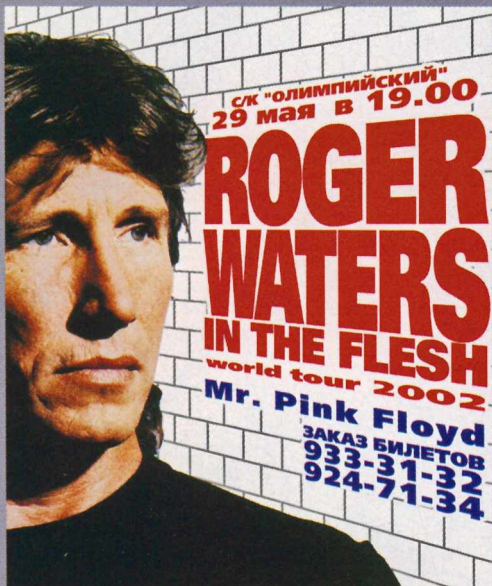
его вообще не интересовали

Кирпич Роджера Уотерса для кремлевской стены

Настоящих буйных много. Словно заполняя символическую паузу между гастрольями угрюмо-буйного Блэкмора и формально-буйного Оззи Осборна, в с/к «Олимпийский» в Москве 29 мая пожалует Роджер Уотерс, настоящий буйный. Человек, который, как пишут для краткости, создал и развалил группу Pink Floyd. Уотерс настолько выбивается из западной культуры, насколько близок нашей: 25 лет подряд он называет буржуазию свиньями и мечтает, чтобы люди на его концертах не развлекались, а думали. Оставим споры о том, чем был для Pink Floyd Уотерс — главный идеолог и автор альбомов Dark Side of The Moon, Wish You Were Here и, конечно же, The Wall, по мотивам которого режиссер Алан Паркер снял знаменитый фильм... Зададимся вопросом: зачем бывший лидер «пинков» отправился в нынешний тур? «Как-то раз я просматривал видео с концертом моих бывших коллег и вдруг отчетливо осознал, что они так и не поняли философии музыки Pink Floyd. Публику тоже вполне устраивают навороченные световые эффекты, хотя при этом они не ощущают связи с первоначальной магией этих песен. Я ощутил, что люди стали забывать, насколько моя личностная и музыкальная философия отличалась от философии группы. И горжусь тем фактом, что получаю письма от школьных учителей, которые используют мои песни как предмет для дискуссии в классе».

Новый альбом Уотерса In The Flesh был записан во время последнего американского тура — на этой пластинке собраны ранние песни из альбомов Dark Side of The Moon, Animals, The Wall и The Final Cut в авторской версии Уотерса, а также вещи из его сольных альбомов The Pros And Cons of Hitchhiking (1984) и Amused to Death (1993). Ключевой песней в новом альбоме стала Each Small Candle, в основу которой положен реальный случай во время косовской кампании, когда сербский солдат спас албанскую женщину. Первое полное творение Уотерса после 1993 года подарило идею всемирного тура, которое пронизано, как и прежде, сочетанием испепеляющего цинизма и праведного гнева в отношении бессловесного стада овец, погоняемого мировыми корпорациями. «Рок-н-ролл тоже превратился в цирк и бессмысленный ритуал, — замечает один из лучших рок-поэтов современности. — Мы вернем ему былую славу». Прекрасный идеалист и сторонник «живого» рок-н-ролла, борец с тоталитаризмом в любых его проявлениях, мрачный фантаст и эгоцентрист, всегда тянувший одеяло на себя, Роджер Уотерс до сих пор остается действующей легендой, взрывающей стены и вновь собирающей их по кирпичику. Поможем ему.

Андрей АРХАНГЕЛЬСКИЙ

когда не опередит их». Вот так. За что же его было любить? Гиппиус взяла его и пригвоздила:

«Курятнику петух единый дан.
Он властвует, своих вассалов множа.
И в стаде есть Наполеон — баран,
И в «Мир искусстве» есть — Сережа».

А тому уже все равно, его несет. Он теперь кого захочет, того гением и назначает.

Ну вот. Решил он поставить «Жар-птицу». Балет. Сказка такая. Художники сразу все придумали, радуются. Осталось музыку написать. Дягилев заказывает ее автору «Бабы-яги», собирателю народных песен, гению Лядову. А Лядов, как сочинил свою «Музыкальную табакерку», жутко обленился. То есть он, конечно, гений, но малопродуктивный. Проще говоря, тормоз. Прошло три месяца, пора бы репетировать, Бенуа, лапочка, идет по улице, смотрит: Лядов. Бенуа робко так спрашивает: «Ну?» А Лядов хлоп его по плечу ручищей и фамильярно так говорит, зевая: «Все путем! Я уже купил нотную бумагу!» Бенуа побелел и побежал к Дягилеву жаловаться. Дягилев сказал: «Так Лядова из гениев вычеркиваем. Сейчас я пойду и чего-нибудь подыщу». И сразу в консерваторию. А там в этот момент исполняется небольшая такая, но симфоническая, вещьца «Фейерверк». Студент Стравинский сочинил ее в виде подхалимажа к свадьбе дочери своего учителя Римского-Корсакова. Ну, она и исполняется. Дягилев говорит: «Так. Вот этого как фамилия? Стравинский? Назначая гением. Он у нас теперь будет главой новой музыки, заказываю ему балет!» И вышел. Оставшиеся с открытым ртом долго еще сидели.

Вы же понимаете, Стравинскому ничего не оставалось делать, как сочинить «Жар-птицу» и стать главой новой музыки. Но. Через три года дягилевский балет приезжает в Вену, а оркестр Венской оперы, с которым предстояло танцевать, считался, между прочим, лучшим в мире, и музыканты в нем были все — профессора консерватории. И вот..

Сцена 1-я. Первая репетиция «Петрушки».

Профессора: смотрят вытаращенными глазами на расставленные по попelitрам ноты и говорят, что почитают за оскорбление играть музыку, где ни одна нота не соответствует законам гармонии.

Им говорят: «Да вы что! Тс-с! В зале находится Игорь Стравинский, глава новой музыки, Дягилев сказал, что он гений!» А профессора: «Хм! А кто такой Дягилев!» И смычками по попelitрам! «Сейчас, — говорят, — достучим — и домой. С вами больше не играем!»

Сцена 2-я. Входит Дягилев.

Дягилев (в изложении Брониславы Нижинской): «Не могу поверить, что нахожусь в Венской опере, среди музыкантов с мировым именем, а не среди сапожников, ничего не понимающих в музыке» (сует в глаз монокль и рассматривает струхнувших профессоров): «Стравинский — величайший из современных композиторов! Стравинский молодой человек, но в музыкальном отношении он старше вас. И вам всем, по-видимому, недостает культуры, если вы не понимаете Стравинского. Однажды в Вене Бетховена обвинили в том, что он нарушает законы гармонии. Не демонстрируйте второй

раз свое невежество. Попробуйте сыграть это произведение, а потом осуждайте». Стали играть. И им понравилось. Потому что все-таки профессор, а не сапожники, разобрались. И когда закончили играть эту «Петрушку», разом встали все и давай устраивать Стравинскому овадию. Дягилев улыбался самой очаровательной из своих улыбок. Как он их сделал?!

Он назначил гением Нижинского. Впрочем, это уже была любовь. Стравинский пришел в ужас. Ничего более негодного для танца, чем Нижинский, он представить себе не мог: «Его невежество, — писал несчастный Стравинский свою отчаянную правду, — в самых элементарных музыкальных понятиях было потрясающее. Несчастный юноша не умел ни читать нот, ни играть на каком-нибудь инструменте. Действие, которое на него производила музыка, выражалось им или банальными фразами, или повторением того, что говорилось в окружении. Не находя в нем личных впечатлений, можно было сомневаться в их существовании». Куколка Карсавина, которой Нижинский достался в партнеры, тоже растерялась: «У Нижинского не было дара ясно мыслить и еще менее — ясно выражаться. Он не в состоянии был объяснить мне, что он от меня хочет».

Нижинский умел делать хорошо только одно — прыгать. Очень высоко и очень далеко. Он даже как бы зависал в воздухе. Отчего все видевшие начинали визжать и гадали, в чем тут фокус. Товарищи расспрашивали Нижинского, как это у него получается? Он спроста взял и объяснил: «Это совсем не трудно. Вы подымаетесь и на один момент останавливаетесь в воздухе».

Что же с ним сделал Дягилев? Он носился с ним как с писаной торбой. Никого не подпускает, приставил телохранителя, ходит с Нижинским по музеям, рассматривают античные вазы, как на них во всяких позах расположены древние греки, сам показывает Нижинскому, как в древности передвигался фавн и как его теперь надо будет на сцене изображать. «Послеполуденный отдых фавна» — вещьца вот такушенькая, а репетировали удивительным образом: Нижинский делает ручкой или ножкой, обернется к Дягилеву: «Так? А что теперь?» И так ручка за ножкой больше ста репетиций. Потом-то Карсавина догадалась: «Дягилев-чародей его тронул своей волшебной палочкой». Вот оно что.. А вы что думали?

В общем, к очередному триумфу «Русский балет» был готов. Но Париж, который все дягилевские штуки принимал с детским восторгом, вдруг натопорчился. Все-таки народ тогда был неиспорченный. Ну что там Пляс Пигаль, Фолли Бержер, канканы чепуховые! А вот когда Нижинский в заключение лег на вуаль, оставленную Нимфой, и начал ее терзать, тут господин Кальметт в «Фигаро» на следующий же день написал: «Те, кто говорят об искусстве и поэзии по поводу этого балета, насмежаются над нами.. Мы увидели похотливого фавна, с бесстыдной и какой-то бестияльной эротикой движений. И это все..»

И вся продажная французская пресса не замедлила и начала оскорблять нашего Нижинского. Тогда в газету «Монд» пришел Роден и принес такую заметку: «...Нижинского отличают физическое совершенство и гармония пропорций. В «Послеполуденном отдыхе фавна» никаких прыжков, никаких скачков.

*В конце жизни остался возле эксплуататора
один хитренький Лифарь (слева, стоит),
который звал Дягилева Котяшей (справа,
сидит). И этот необъятный Котяша
встанет бывало поутру
в длинной ночной рубашке
перед своим полусонным Лифарем
и, чтоб его развеселить,
принимается вперевалочку танцевать, обозна-
чая толстой ножкой и пируэты, и фуэте,
и подпрыгивает слегка,
показывая прыжки Нижинского*

Только позами и движениями полусознательной бестиальности он добивается чего-то сказочно чудесного. Идеальная гармония мимики и пластики. Он обладает красотой античных фресок и статуй. Он идеальная модель, о которой может только мечтать любой скульптор или живописец... Мне хочется, чтобы каждый художник, действительно влюбленный в свое искусство, увидел это совершенное воплощение античной эллинской красоты». С тех пор Дягилев всюду возил с собой статью Родена. И всем показывал.

А самому Родену он разрешил пользоваться Нижинским, как моделью. Потом испугался и давай ревновать. Мучился, на всех кричал, потом не выдержал и вломился к Родену в мастерскую. Смотрит: а они спят! Нижинский позировал-позировал и уснул. А старенький Роден лепил-лепил и тоже уснул. От криков Дягилева они проснулись, перепугались, вскочили, побежали куда-то.. Вот была стыдоба!

А Нижинский все равно бросил его. Уже в следующем году увели. Поехал на гастроль в Америку без Дягилева, тот переплыть океан отказался, боялся утонуть. Несколько лет спустя, правда, попробовал сплавать в Америку, так едва с ума не сошел, целыми днями кричал на весь пароход от страха, а верный слуга его Василий по приказу барина непрерывно молился на палубе о его спасении. Так вот, только слабохарактерный Нижинский ступил на палубу без Дягилева, как его тут же утащила в свою каюту некая девица Ромола де Пульска. Приехали в Америку и давай венчаться. Эта самая Пульска и говорила его Дягилева бросить, начать выступать самому, ведь он же гений. Он попробовал, но почему-то ничего у него не вышло. Стало ему плохо, потом еще хуже. И отправили бедного Нижинского в сумасшедший дом. Там он и умер.

Жалость какая. Вот и comtess de Noailles как вспомнит Нижинского, так все плачет, пишет: «Кто видел танцующего Нижинского, тому всегда будет его недоставать, тот будет раздумывать над его ужасным уходом в область жалкого безумия, где теперь пребывает тот, чье тело жило в пространстве без какой-либо поддержки, без опоры и, по чьему-то живописному замечанию, «казалось иногда написанным на потолке». Кто не видел его, никогда не узнает, каков был могучий юноша, опьяненный ритмической силой, поражающий гибкостью своих мускулов, как поражает ребенка на луку кузнечик, играющий своими стальными ногами».

Вот так Дягилев делал-делал гениев, а они все его бросали. С обидами: да кто он такой? Эксплуататор. Вся его слава за счет куколок. Кто танцует? Дягилев, что ли? Кому аплодируют? И сколько он им за это платит? Вот эти деньги достойны их таланта? Не смешите меня. Так все они говорили, уходя, обещая без него-то и показать наконец, на что способны. И никто ничего не показал. Для большинства тут и закатывалась карьера.

В конце жизни остался возле эксплуататора один хитренький Лифарь, который звал Дягилева Котяшей. И этот необъятный Котяша встанет бывало поутру в длинной ночной рубашке перед своим полусонным Лифарем и, чтоб его развеселить, принимается вперевалочку танцевать, обозначая толстой ножкой и пируэты, и фуэте, и подпрыгивает слегка, показывая

прыжки Нижинского. Мебель покачивается, пол вздрагивает, Лифарь жмурится, еще не проснувшись, а потом хохочет влать.

В общем, дальше уже неинтересно. Хотя будет еще у него «Весна священная» — много с ней мороки и триумф в конце концов. Еще семнадцать лет скитаний по свету, новых учеников и новых обличений. У России своя пойдет жизнь и судьба. Хотя он всю жизнь помнил, как привез в Париж Шаляпина, в те еще благословенные годы, когда мир и благолепие разливались в воздухе, а Шаляпин пел парижанам о «кровавых мальчишках»: «Вон там, в углу! Двигается, колыхается, растет!!!» И публика вставала, завороченно всматриваясь в страшный угол. Кто ж знал тогда, что там, внутри России, зреет и уже ворочается...

Вот так, постепенно Дягилеву исполнилось 130 лет, с чем мы вас и поздравляем. А его не поздравляем, потому что аж семьдесят три года назад он умер в Венеции, и его увезли в сопровождении четырех черных гондол на русское кладбище. На родине о нем и думать забыли. И все его забыли и бросили. Несчастный он был человек. Перед смертью все плакал и говорил, что счастлив был только в детстве. Вот такая жизнь, господа. Стараешься для чего-то, живешь, а там, глядь, и умрешь. И лишь крути по воде..

ПЯТЫЙ УНКИ

Дмитрий МИНЧЕНКО

Обычно я ходил в гости к Аркадию Михайловичу Арканову и его жене Наташе с огромными подсолнухами, потому что они любят солнце. Я тоже его люблю. Но поздней весной подсолнухи еще не выросли, и я купил цветок, привезенный из Африки.

— Это не цветок — это зверь, — сказал Арканов прямо с порога. — Как его зовут?

— Стрелиция, — ответил я.

— Застрелиться, — мрачно буркнул хозяин дома.

— Это Наташе, — успокоил я его.

— Спасибо, — ответил А.М. и вернулся на кухню, где

стал о чем-то сосредоточенно думать, хотя со стороны можно было решить, что он просто пьет чай. Я порылся в памяти. Про обитателя здешней «кв.» мне было известно «сл.».

Родился Арканов 7 июня 1933 года в Киеве. В детстве два раза тонул. Оба раза безуспешно. С тех пор попытки даже высоких профессионалов обучить его плаванию заканчивались так же. Начал курить с семнадцати лет. Начихав на собственное здоровье, решил заботиться о здоровье других. С 1957-го по 1960 год работал участковым врачом. Знал всех больных района в лицо, что резко повысило его авторитет, но сильно мешало прогулкам. Каждый боль-

ной норовил получить медицинский совет без очереди прямо на улице. Вместо того чтобы отвечать, он стал писать. Все это послужило причиной ухода в Большую Литературу. С тех пор все его пациенты стали его верными читателями, а читатели — пациентами. Типичная болезнь — судорога щек. За свою сознательную жизнь написал четырнадцать книг, а также родил двоих сыновей.

Хозяин провел меня в кабинет. В нем все было по-старому, кроме того, что он был новый.

Над диваном висело объявление: «Койка не оплоченная до двенадцати считается свободной». Рядом висел портрет самого хозяина дома с лаконичной надписью по-английски: «Разыскивается. Награда — один миллион долларов». Судя по тому, что хозяин разговаривал со мной, его так и не разыскали. На стене в холле «стоял» башмак так же естественно, как и на полу, попирая стену и здравый смысл. Зато на полу башмаков не было. Мы сели за стол, «сервированный» одной большой пепельницей. Аркадий Михайлович затянулся...

— Бросать не пробовали? — кивнул я на сигарету.

— Зачем, если у меня нет никотиновой зависимости. Я курю ради процесса. Если сигара не затягивается, ее можно держать во рту, она гаснет, ты ее снова зажигаешь, она опять гаснет, такая вот игра. Мне это нужно как механизм, для работы...

Я подумал, что Наташа Арканова, неожиданно открывшая в себе талант дизайнера интерьеров, со снайперской точностью вписала своего мужа-писателя в интерьер их нового дома... Но разговор, как всегда, потек в свою сторону...

Помню, я как-то спросил у Арканова: кто такой, по его мнению, бабник?

— Человек, который никогда не останавливался на достигнутом, — моментально ответил Арканов.

— Вы это женщин имеете в виду?

— И их тоже, — мрачно кивнул он.

С этого все и началось.

У Арканова есть теория счастья. Она о том, что отношения мужчины и женщины от знакомства до загса раскладываются на пять стадий. Замечу, это не теория флирта — это теория брака, который может длиться до бесконечности, если все стадии пройдены благополучно. Арканов придумал ее и не один.

Как-то очень давно он ехали в Ленинград с Сергеем Михалковым. Тот рассказал ему любопытную теорию, заметив, что сам слышал ее от какого-то опытного «ходока». Аркадий Михайлович ее обобщил, а я что-то добавил.

Итак, с чего начинается любовь?..

Первая любовь — это пожар, причины которого не известны даже пожарным. Иногда она напоминает укусы комара, который не приводит к заражению кожи, а вызывает только зуд, преимущественно в прессе, если влюбленный — человек знаменитый. Иногда — это буря, но чаще всего — кража. Влюбившись, ты неизбежно присваиваешь чужую душу, на том самом основании, что она становится половиной, чаще всего лучшей, твоей души.

В итоге настоящая любовь — это преступление, которое расследует сам преступник.

Если «преступление» начинается с флюидов... с легкого озноба... с видения Евы — значит, все в порядке. Внешне это выглядит так,

будто прущий по джунглям «самец» угодил в ловушку — утонул в глазах женщины.

Однако, если вы полагаете, что это все, что нужно для создания крепкой семьи, — вы сильно ошибаетесь. Любовь — это не только страсть. Будь это так, половина бы Джульетт уже на пятый день сказала, что за эту «радость» приходится расплачиваться слишком дорого. Любовные судороги вынуждают много двигаться и утомляют, а «последствия» на девять месяцев выбивают из строя.

Страсть — это всего лишь выстрел, знаменующий начало забега... Это первое минное поле, которое вам предстоит преодолеть.

Вторая ловушка — это дорога в ресторан. «Ресторан» — это понятие, которое вмещает в себя гораздо больше, нежели просто утоление голода. Ресторан — это ритуал, который позволяет выяснить, может ли «процесс поглощения пищи» в дальнейшем стать слабым местом в вашем союзе или нет.

Согласитесь, в душе каждого человека (будь он хоть ангел) живет какой-нибудь зверь. Кто — осел, кто — медведь, а кто — заурядная курица... То, как человек ест, позволяет понять, какой именно зверь живет в нем. Одна клюет как воробышек, другая пожирает пищу как тигрица, а третья — серая как воробей, голодная как удав.

Для чего это нужно знать? Для того, чтобы понять, на кого вам предстоит охотиться и какое оружие лучше подобрать. Например, тяжело справиться мужчине-ягненку с женщиной-волком.

Внутри вас рождается ощущение банкротства: первоначально чего-то не хватает во взгляде. Потом — в скорости, с какой к тебе бросаются на шею, а главное — в тяжести молчания, которое вдруг повисает между вами. И, наконец, все это концентрируется на том раздражении, которое вызывает в вас то, как ест ваш супруг или супругу. А все почему? Потому, что на заре вашего романа вы не прошли тест в ресторане на совместимость. Не выяснили, совпадают ли по виду «звери» вашей души.

Третья ловушка — это поход на природу. Только не надо воспринимать это буквально. «На природу» — понятие символическое. Проще говоря, вам надо выяснить, какое место для отдыха предпочтительно для зверя, живущего внутри вашей избранницы. Мужчина знакомит избранницу со своей природой, с миром своего одиночества, тащит туда, где его душа раскрывается. Это могут быть джунгли арбатских переулков, а могут быть подмосковные леса.

Например мужчина-теленочек ведет свою избранницу в Большой зал консерватории. Если девушка — «клуба», возможно, ей это и понравится, но если она «цапля», потенциальной средой обитания которой является концерт Киркорова, то она возмутится. А если попала «тигрица» — дело «швах».

Однако во время бурного романа флюиды могут быть настолько сильными, что несходство во втором и третьем пунктах покажется вам сущим пустяком и вы все равно двинетесь на зов марша Мендельсона.

Если вы благополучно миновали «ресторан» и «природу», значит, у вас появились 30 шансов из 100, что вы будете жить долго и счастливо.

Итак, вы показали девушке зверя, который живет в вашей душе, познакомили со средой

его обитания... Теперь вам надо познакомить вашу избранницу со зверем, который охраняет вас, — с вашей мамой.

Только тогда и начинаются истинные «звездные войны» или последнее испытание.

Знакомство с мамой на самом деле включает в себя знакомство с папой, бабушкой, дедушкой и всеми остальными родственниками по мужской и женской линии... Это уже не минное поле, а разведка боем, массивированный артобстрел, который ведется на поражение.

Например невеста Луи Де Фюнеса обожа-ла такс. Знакомясь со своим будущим женихом, у которого было трое маленьких племянников, она подарила ему чудную длинную таксочку. Мамаша жениха поморщилась: «Зачем нам это животное?» — спросила она будущего невестку.

— Это очень выгодный подарок, — запальчиво отвечала девушка, — только это животное, как вы выражаетесь, могут одновременно гладить сразу трое маленьких детей.

Мамаша жениха, женщина не промах, была вынуждена признать свое поражение.

В общем, если ваша мама сказала «да», значит, вы оба с честью выдержали испытания и дело идет к свадьбе. Поздравляю.

Помните только об одном... Преодолев все минные поля, вас подстерегает одна неизбежность, без которой бессмысленны совпадения по всем предыдущим пунктам, а именно — это постель. Если в этом у вас полная совместимость, значит вы — победитель. Вам обеспечено полное счастье. Вы никогда не узнаете «истинного» значения слова «брак».

Молодой и еще не знаменитый Жан Габен впервые приехал в Ниццу. Пошел вечером прогуляться. Увидел симпатичную женщину с зонтиком.

— Мадемуазель, — обратился к ней актер. — Как бы вы посмотрели на то, если бы мы с вами провели ночьку?

— Да вы что?! — возмутилась та. — Я не продажная женщина!

— А кто говорит о деньгах, мадемуазель?

Вот вам пример «волка-охотника», жившего в душе Габена, и «лисы-недотроги», составлявшей истинную сущность его ночной знакомой. Он говорит о том, что два страстных хищника всегда между собой договорятся. ■

Если все-таки в конце концов вы разведетесь, значит, в каком-то из пунктов произошел сбой и вы что-то неправильно поняли про ваше сходство. Придется начинать сначала, с той лишь разницей, что начнете вы с «пятого пункта» — с той женщины, у которой нет того, что больше всего вас раздражало в предыдущей.

Выдержать такое может только человек сильно опытный... А опыт всегда приносит разочарование. Впрочем, разочарование — это самый естественный финал любви...

Уходя, я вспомнил о том, что за последние шесть лет Арканов написал проект новой конституции под названием ГКЧП-2 — Главный Конституционный Частный Проект. Там, между прочим, есть глава, посвященная семье и браку. Я не удержался и попросил у автора разрешения процитировать ее полностью как последнее послесловие к нашей беседе о «спектральном анализе» любви.

КОНСТИТУЦИЯ ОТ АРКАНОВА

Глава V. Любовь. Брак. Семья

Право на любовь является неотъемлемым правом каждого гражданина нашей страны независимо от возраста, партийной и расовой принадлежности, занимаемой должности и пола.

Осуществление любви половым путем на законных основаниях называется браком и санкционируется соответствующими органами.

Зарегистрированная пара объявляется семьей и получает право на детопроизводство при согласии не менее одного из партнеров. В случае несогласия одного из партнеров на детопроизводство второй партнер имеет право на производство потомства частным порядком с предварительным уведомлением региональных супрефектов или без такового.

Распад семьи осуществляется в судебном порядке при наличии у одной из сторон убедительных мотивировок. Убедительными мотивировками считается:

1. Отказ одной из сторон от исполнения супружеских обязанностей без убедительных мотивировок. В убедитель-

тельные мотивировки отказа от супружеских обязанностей входят:

- а) вялость и апатия одного из партнеров;
- б) отсутствие желания;
- в) раннее или позднее время суток;
- г) бытовая ненависть.

Все остальные мотивировки считаются неубедительными и квалифицируются как сознательное уклонение от супружеских обязанностей.

2. Слишком частые требования одного из партнеров исполнения супружеских обязанностей без убедительных мотивировок.

В убедительные мотивировки слишком частых требований исполнения супружеских обязанностей входят:

- а) недоедание;
- б) неприятности по работе;
- в) длительные командировки или тюремное заключение;
- г) желание.

Все остальные мотивировки считаются неубедительными и квалифицируются как нанесение ущерба здоровью одного из партнеров.

КИ МО НО

секонд-хенд

Саша ДЕНИСОВА

Мы уже не задумываемся, почему японские лейблы сильно потеснили французские. Япония всегда у нас была в почете. Мы любили Кобо Абэ и Акутагаву, добытых за макулатуру. Уважали карате. Недопонимали и от этого еще больше восхищались дзеном. Отрядами ходили на Куроcаву. Не к месту, но эффектно цитировали хокку. Носились как с писаной торбой с блестящим двухкасетником «Шарп». Теперь любим Мураками и суши, и даже зверюгу покемона. Это все объяснимо: экзотика, высокие технологии, то-се. Но почему мы вслед за такими же чудаковатыми европейцами носим эту странную японскую одежду — какие-то чехлы и надувные лодки, траурные рваные хламиды? Эту одежду, которая своим кроем и философией протестует против всей европейской цивилизации? Почему мы вкладываем сумасшедшие деньги за одежду, в которой выйдем, как нищие?!

ОККУПАЦИЯ

Моду придумали европейцы. Бодрые и неистовые варвары были одержимы жадной изменений. Касалось это всего мира в целом и одежды в частности. Одежду — и штаны, и халаты — и ткани перетасили с Востока и давай, согласно своей варварской сути, к фигуре плотнее носить. Чтобы облегло и при быстрой ходьбе или там конной езде не мешало. Чтобы грудь женская видна была и икроножная мышца. Словом, по-другому носили варвары позаимствованные вещи. А потом и вовсе завели манеру менять моду каждые полстолетия. А в новейшее время — каждое десятилетие. Теперь вот — два раза в год. Мудрый Восток все это время не напрягался. Как-то раз по поводу одежды он все определил и узаконил. Какой человек по половой и социальной принадлежности чего на себя надеть может. Какие цветовые сочетания, какие фактуры тканей. И никакой тебе моды на долгие тысячелетия! Не то надел — секир-башка! И сидишь себе на солнышке, только духовно совершенствуешься, по поводу шмоток и фасонов не убиваешься. Было так заведено, естественно, и в Японии.

Но вот сначала робко в конце XIX века, а затем всю после Второй мировой войны японцы стали носить европейскую одежду, забывая о своей традиционной. Континентальная зараза разъедала культуру, которая в течение столетий жила своей изолированной от мира замечательной внутренней жизнью. И Япония затаилась: спустя столетие она выслала в Европу своих лазутчиков, отважных воинов, вооруженных ножницами, иглой и культурной памятью. Это была отличная месть.

Ниндзя от моды ехали в Париж с правдоподобной легендой: ума-разума набираться. Как китайцы — в Советский Союз. Йоджи Ямамото, Иссей Мияке, Кензо Такада. Все они выросли в бедности, однако благодаря таланту окончили престижную женскую академию моды «Бунка Гакуин». В Париж они, как водится, тут же, по приезде, влюбились: по ночам гуляли, а днем вкалывали. Малярами да подмастерьями пахали со всем своим японским трудолюбием, пока не обзавелись собственными домами моды. Решительное наступление японцев на всех фронтах началось в 70-х, но подлинным триумфом для них стала следующая декада. Такое впечатление, что в 80-е годы все остальные дизайнеры взяли отпуск за свой счет.

Они создавали одежду, не имеющую ничего общего с буржуазностью. Одежду, протестующую против общества потребления. В ней не было европейской фасадности: она не демонстрировала достатка и прогресса. Наоборот, была аскетичной и даже архаичной. Она не обнажала тело с его красотами, напротив, скрывала его в свободных, словно не по размеру, огромных балахонах. Это была одежда, равнодушная к детали, но безупречная в ли-

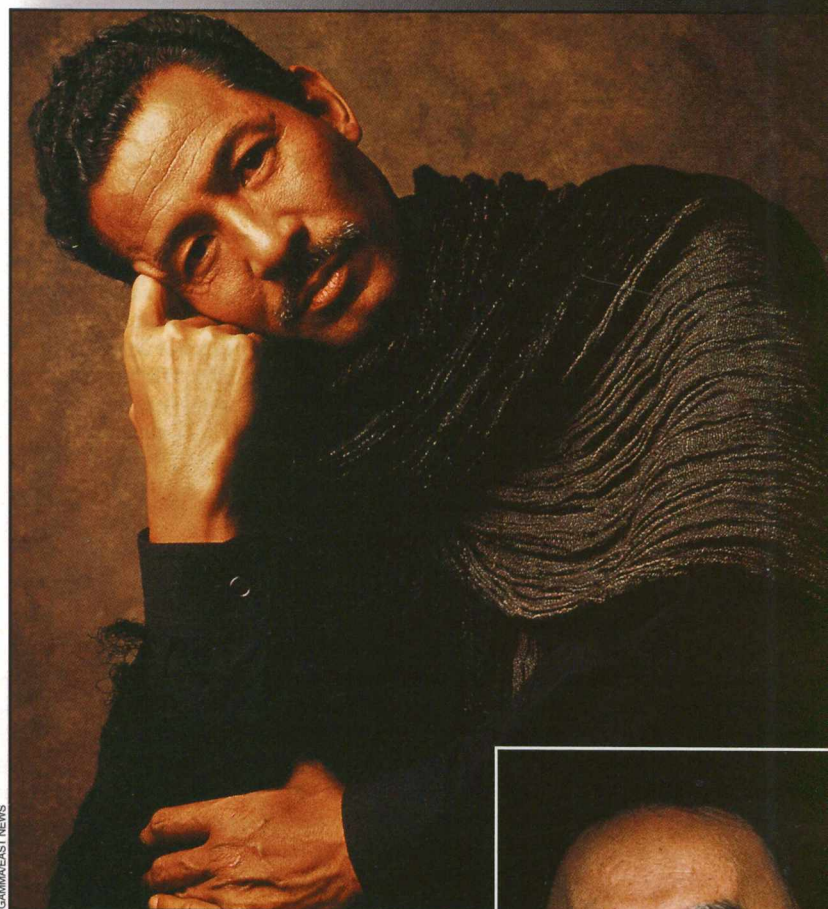
ниях и пропорциях. Она ставила под сомнение достижения и само существование европейских пафосных домов моды, домов с историей и традицией. По сути, они дерзко написали декреты, упразднившие их, домов, законы, давно ставшие догмами. Больше трех цветов не носить, туфли в тон сумки и прочая дребедень. Эти правила уже никто не вспоминал.

НИЩЕТА БЕЗ БЛЕСКА И КУРТИЗАНОК

Японцы не давали привычных рекомендаций каждые полгода по поводу цвета и фасона. Они изменили европейское представление о моде как о чем-то бесконечно меняющемся. Ведь восточный костюм оставался неизменным в течение столетий. Они изловчились создать одежду, которая казалась бы модной вечно. Как ни парадоксально, этой одеждой стали вещи в стиле... секонд-хенд. «Наша юность пришла на период промышленного подъема, когда каждую минуту на рынках, в том числе и на рынке модной продукции, появлялись новые товары, — говорит Ямамото. — Но в то же время мы понимали, что наступит завтра, когда все это выйдет из моды. Зачем тогда гнаться за новизной? И мы стали первым поколением, которое начало носить одежду second hand».

И все европейские представления о красоте полетели в тартарары: в моду вошли странно висящие на плечах неправильные хламиды с необработанными швами и подолом, тунники с дырой-проймой, словно прорезанной неопытным подмастерьем. Одежда по Ямамото должна каким-то чудом держаться вокруг тела, чтобы оно дышало и чувствовало себя гармонично. «Иногда мои вещи трудно носить из-за того, что они как будто немного недоделаны. Человеку нужно проявить собственную фантазию. Это ко многому обязывает, но в то же время и раскрепощает».

Нищенская, словно уже кем-то ношенная, одежда Йоджи быстро полюбилась богеме. Ее стали носить Брайан Ферри, Джек Николсон, парни из «Дюран-Дюран», архитектор Жан Нувель, сам Карл Лагерфельд и Вим Вендерс, который, кстати, снял о Ямамото картину «Заметки о платьях и городах». Конечно, все эти ребята выбрали одежду Йоджи не только за искусственную потрепанность. Все японцы, по сути, были заняты европейской одеждой. Подrywники! Они не только на форму — своей асимметрией, неправильными пропорциями — замахнулись, но еще и цвет вывернули наизнанку. Все законы цветовых сочетаний были выброшены с парохода современности. Потому что воцарился г-н Черный. С одной стороны, это казалось напоминанием о японской трагедии — черные платья-лоскуты, словно присыпанные пылью ядерного взрыва. У Йоджи отец погиб на фронте, и мать всю

GAMMAEAST NEWS

МОДА

GAMMAEAST NEWS

GAMMAEAST NEWS

Иссей Мияке. Главный в мире знаток ткани. Сто японских фабрик работают исключительно на него

Йоджи Ямамото — единственный среди кутюрье имеет черный пояс по карате

Кензо Такада — человек, с появлением которого в Париже 70-х мир захлестнула «японская волна»

жизнь носила черное. А с другой — это была дань традиции.

Черный цвет для японцев — цвет сложный и по составу, и в высшем, онтологическом, смысле. Для европейцев же черный становится, наоборот, простым решением. Хочешь быть выше — интеллектуальней, загадочней, сексуальней — светской тусовки: надевай черный, и тебя непременно заметят. Не знаешь, что надеть, чтобы выглядеть элегантно: черный. Любишь пачкаться: черный. Брюнетам — черный, блондинам — черный. Дуракам — черный, одухотворяет. Богатым — черный, облагораживает. Черным-черно по всей земле, да здравствует бог Черный цвет!

А теперь кажется, что черный цвет всегда был под рукой. И, кстати, Ирина Хакамада завоевала себе статус самого элегантного политика именно этим японским, своим генетически родным черным цветом.

С ДЫРОЧКОЙ В ПРАВОМ БОКУ

Пока Европа еще носила что-то нарядное, другое ужасное дитя японской моды — Реи Кавакубо, создательница лейбла Comme des Garçons («словно мальчишки»), придумала дикого вида кофточки со спущенными петлями, прорезами и разрывами. Вязальные машинки в ее мастерских были устроены делать дыры в полотне. Еще вещи специально мяли и рвали, оставляя нищенскую потрепанную бахрому. В итоге одна такая, вызывавшая ужас у конформистов и восторг у богемы, кофточка, словно потраченная молью, висит в лондонском Музее современного искусства. Авангард рано или поздно становится классикой.

Но сама Реи, думается, никогда с этим не согласится. Неистовая противница всего буржуазного и традиционного, она испугала Европу своим видением тела, выступив на подиум горбатым, с опухольями в самых неожиданных частях тела, моделей: юбки и блузки Реи приобрели патологический вид с помощью толстых прокладок. И под этот квазимодный парад дизайнер еще идеологическую базу подвела: мол, у нас, в Японии, красота — это и вовсе не ваша дурацкая красавица. Несоввершенство и нерегулярность — вот признаки настоящей жизни. Она подвергла деконструкции само человеческое тело, изменив его пропорции и очертания.

Изделия у Кавакубо специально отпаривались, чтобы еще больше топорщиться и, словно не касаясь, окутывать фигуру, вызывая недоумение: как эта штука на теле-то держится? Кажется, что модельер ничего вроде и не шьет, все больше закручивая и драпируя.

КАКОЙ ЧАСТИ ТЕЛА НЕ ПОМЕШАЕТ ОБЪЕМ?

Все они — Мияке, Ямамото, Кензо, Кавакубо — вводят моду на объемные вещи, потому как любой японец генетически не понимает одежду, обтягивающую и подчеркивающую фигуру. В таких вещах, по их собственному признанию, японцы задыхаются. Объемная одежда была по-настоящему революционной. Но, как и любая революция, эта имела исторические предпосылки. Утомленная блеском гламура, Европа уже не могла и не хотела подчеркнуть талию и бедра. Хотелось убрать собственное тело со всеобщего обозрения.

Кензо в первой же своей коллекции соединил формы европейской одежды и кимоно: в свободных конструкциях были накладные плечи, асимметрия, широкие рукава, прямые линии. Поначалу народ в зале смеялся. Они еще не дозревали, кто будет смеяться последним.

Объемы Ямамото только на первый взгляд европейские: кринолины, пышные юбки, муфты, гигантские шляпы. На самом деле это как в фильмах ужасов: снаружи вроде человек, а внутри уже, извините, прищелец. В его пышных платьях и пальто нет никакой помпезности и вычурности. Только простота и потусторонность. Манекенщицы в этих чехлах, плащ-палатках и стеганых одеялах выглядят прищельцами. Альфу Центавру знаешь? — Тамошние мы! То, что этот объем идет от японской традиции, так просто умом и не дойдешь. Потому что все национальное у Ямамото тщательно скрыто: иных дизайнеров, которые открыто используют фольклорные мотивы, суровый Йоджи называет продавцами сувениров. В своем желании увеличить объем он даже попал в Книгу рекордов Гиннеса, создав самое большое свадебное платье, которое когда-либо было показано на подиуме. Это были огромная шляпа, которую несли ассистенты на больших шестах, и гигантская юбка на кринолине шириной четыре метра.

Мияке просто надувал европейскую одежду: он поражал зрителей коллекцией силиконовых бюстие, надувными брюками, свободными хитонами. Он делал жесткие корсажи в форме человеческого тела, «пыльнички», похожие на зонтики, и «доспехи» из бамбука и ротанга, напоминающие японскую военную форму. Объем таился в каждой складке плиссированной или драпированной туники, которые мнут и скручивают вручную. И до сих пор и ткани, и модели Мияке производят только в Японии. Мияке гениально выразил различие европейских и японских традиций костюма: «Покрой западной одежды ориентирован на тело, а покроем японской одежды — на ткань». Секрет в этом. И не только.

ГДЕ ЗАРЫТА ЯПОНСКАЯ СОБАКА?

Действительно, у японцев крой осуществлялся без насилия над материалом: ткань стремились расчленивать так, чтобы органичнее увязать с формой тела. Крой кимоно всегда идентичен: раскладка на ткани традиционна, ее трудно поменять. Потому как обусловлена шириной ткани, которая всегда была 35 сантиметров, и, как и во многих культурах, и в русской тоже, зависела от ширины ткацкого станка. Японцы — нация экономная, к глупым излишествам не склонная, никаких остатков ткани для списания. В одежде сохранились архаичные формы крепления — веревочки, никаких тебе застежек и пуговиц.

Японцы заимствовали костюм в виде распашной одежды от материковых китайцев. Распашная одежда — та, которая распахивается и соответственно запахивается. Удобная, в общем. Как и в средневековом европейском, в японском костюме сохранялся принцип ношения нескольких одежд: одна поверх другой, причем так, чтобы каждый слой в костюме просматривался. Доходило до апофея. Так в эпоху Хэйан, эпоху утонченного стиля, входит в моду платье двенадцати слоев — дзюнихи-

М О Д А

REUTERS

REUTERS

REUTERS

тоз. Процесс «укутывания» был еще более трудоемким и хитроумным, чем туалеты европейских королей. Каждое последующее платье должно было быть короче, а поверх надевались одеяния из прозрачных тканей.

В таком капустном прикиде женская фигура была скрыта от мужских взглядов, и это еще одна отличительная черта японской чувственности. Эротично то, что скрыто от глаз. Возбуждает недосказанность, дающая пищу фантазии. Объемная одежда создает поле для интерпретации: можно представить, какая она там, возлюбленная, внутри этих матрешек. И потом женская головка, согласно канонам красоты, должна была выглядеть малюсенькой на крупном туловище. Вообще японцы понимали женщину как кокон. Кокон, скрывающий прекрасную бабочку. Кокон, который нужно было разматывать, освобождая от одежд. Помните, у БГ: «Я никак не пойму, как мне развязать твое кимоно, а жаль...» Ни фи́га не жаль для японца. Для него в любви важен сам ритуал, а не как для нас — чтобы побыстрее и без света. Сидишь, девушку свою разматываешь, как мумию, любуешься, созерцаешь. В стране, где на изучение изобразительного искусства отводят шесть часов в неделю, все поневоле эстеты.

Кстати, одну из коллекций Ямамото, где он заставил манекенщиц выйти в пышных свадебных платьях и снять их — снять кокон, — чтобы остаться в строгой юбке и асимметричном топе, упрекнули в фокусничестве, излишней зрелищности. Однако с позиций вышесказанного все ясно: японец Ямамото баб своих разматывал и любовался. В общем, то был акт любви.

Еще специфическое в японском эталоне красоты: тело красиво, когда оно податливое, как воск, и легкое, как облако. То есть нечто такое, что можно деформировать (вот почему у Кавакубо горбы вырастают!). У женщины не должно быть талии, ее скрывает объемный пояс оби, завязать который — целое искусство. Он-то всю конструкцию кимоно и поддерживает.

Вот кое-что по поводу, откуда она пошла, мода японская. Самое интересное, что эти агенты влияния, изменившие наше отношение к одежде, сами-то народ таинственный. О них, как и об организации бизнеса, мы, по сути, ничего и не знаем. Реи Кавакубо никогда не дает интервью, а все японские дома моды для чужаков закрыты и непроницаемы. Впрочем, для такой корпоративной нации это и неудивительно.

Страна, в которой природная влажность норовит превратить в тлен самое прекрасное произведение искусства, умеет философски относиться к красоте. И, конечно, они умеют вознести красоту над разрушением, разрушив ее изначально. Как с одеждой в стиле секонд-хенд, одеждой, которая уже пережила свою собственную смерть. Страна, которая столетиями научилась жить ожиданием быть унесенной цунами или землетрясением, научилась относиться ко всему бережно и ценить то, что есть. Красиво то, что функционально. Балахоны и черный цвет — удобно, значит, красиво. Страна, в которой не так уж много свободного места, экономна во всем. В художественных средствах тоже. В немногословности — недосказанность, тайна. Так что долой избыточность и да здравствует японская одежда. И будем мы носить этот модный секонд-хенд годами, как завещал великий Яма, и ни одна ниточка не будет обращена в тлен. Поэтому как влажность у нас нормальная!

Ямамото (весна — лето 2001 г. Париж)

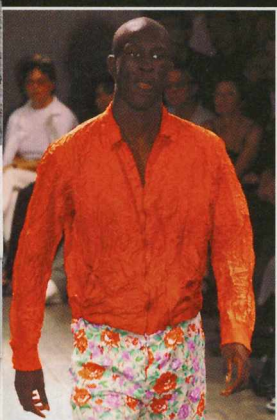
REUTERS

Мияке (осень — зима 1998 — 1999 г. Париж)

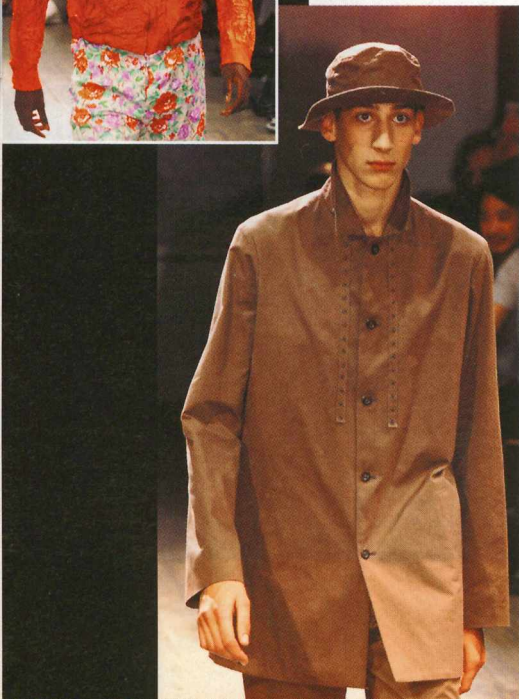
Кензо (весна — лето 1999 г. Париж)

Ямамото (весна — лето 2001 г. Париж)

Ямамото (весна — лето 2001 г. Париж)

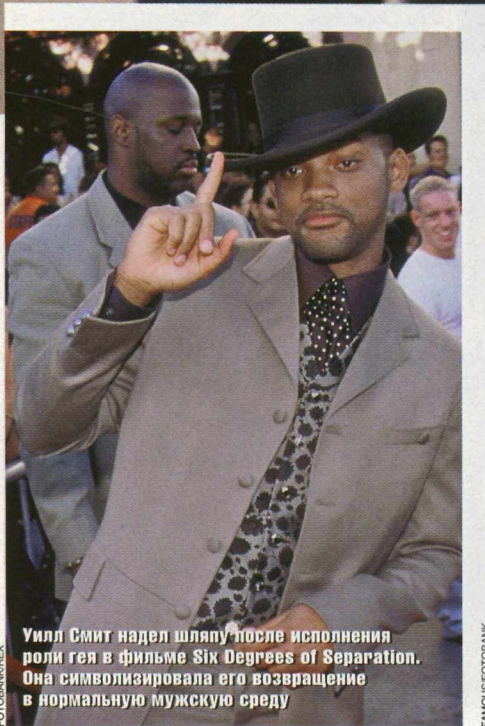

REUTERS

REUTERS

Шляпки

Уилл Смит надел шляпу после исполнения роли гая в фильме Six Degrees of Separation. Она символизировала его возвращение в нормальную мужскую среду

А вот Бой Джордж вовсе не считал шляпу символом мужественности

Такую шляпку смастерила для американской чешки Иванны Трамп лично директор парижского Дома Jacques Fath французская россиянка Еленна Назарофф

При Сталине все было проще. Простой советский человек — надевай кепку, военный — будь добр носить фуражку. И чтобы никаких отклонений!

Моды

Историю можно проследить традиционно — через большие события. И нетрадиционно. В данном случае — через смены носимого на голове убора. Представьте себе, тоже кое-что прослеживается

Юрий ОЛЕЩУК

Самые ранние времена, из тех, что в памяти, — вторая половина тридцатых годов. В эти напряженные годы первых пятилеток господствует самый что ни на есть пролетарский головной убор — кепка. Так господствует, что даже залезает туда, где ее вовсе не должно быть — в зимний сезон. Уйма народу носила кепки в трескучие морозы. Как? А тогда зимние пальто шились с широкими меховыми воротниками. Их-то и поднимали при морозе, пряча уши, щеки, а наверху — кепарь. Ушанки были, но мало. Магазины одежды были просто набиты кепками. В секциях, где торговали головными уборами, их всегда до потолка. Разноцветными штабелями. Летние — из легкой ткани. Для более сурового времени — драповые. Хотя и разноцветные, но неяркие. Видимо, считалось: не по-пролетарски одеваться в яркое. Мало того что кепки массированно продавались, их еще и шили. Скажем, заказали вы костюм, закройщик обязательно спросит: «С кепочкой? Без?» И почти всегда с кепочкой — то есть к костюму шилась кепочка из того же материала. Между прочим, еще был обычай шить две пары штанов к одному пиджаку. Зачем? А штаны быстрее изнашивались. Через две пары продлялась жизнь костюма. Еще, между прочим, когда в ателье вам вручали сверток с готовым костюмом, тут же вручали еще маленький сверточек. Что там? Обрезки. Для чего? А на заплатки. Ставить заплатки называлось «штуковать». В «штукованных» костюмах ходить было вполне принято. Опять же по-пролетарски. Мой отец — идеологический работник не самого малого ранга — так ходил. С его слов — Хрущев, в те поры партийный хозяин столицы, тоже. И даже — с его слов —

Иосиф Виссарионович не брезговал.

Кстати, о Сталине. Вот его не помню в кепаре. Ни на фото, ни на трибуне Мавзолея. Всегда полувоенная фуражка, а точнее — картуз (тоже, кстати, пролетарская одежда, до революции очень распространенная). Соратники вождя — кто в картузах, кто в кепарях. Шляп в тридцатые, насколько помню, на них не было, появились они только после войны, и то самую малость. Но вот Вячеслав Михайлович Молотов — всегда в шляпе. Причем красивой. То есть вдвойне непролетарский вкус. Как осмелился? Не знаю. Может, Сталина не боялся? Один? Потому что один он ему говорил: «ты», «Иосиф», в то время как остальные: «товарищ Сталин».

РОТ-ФРОНТ

Во второй половине тридцатых в СССР приехало множество детей из Испании. Это были дети антифашистов, проигравших в тамошней гражданской войне. Приехали в красивых, дотоле здесь не виданных испанках — ярко-синих, малость напоминавших пилотки. Часто еще с красными кисточками. В знак солидарности власть распорядилась и нашим детям шить испанки — и ими мигом наполнились магазины. И мы стали носить. Правда, недолго. Впечатление такое, что пошили одноразово, а затем бросили.

ПО СТАХАНОВСКИМ ПУТЯМ

Еще эпизод — среднеазиатские расшитые тубетейки. Также детвора до войны поголовно носила. Отчего их ши-

ли? Из-за Мамлакат. В те времена для подъема производительности труда власть придумала особый прием — социальное соревнование. Трудящиеся соревнуются в выработке, производя все больше и больше продукции. Как говорится, дешево и сердито. И вот загремело по стране имя Мамлакат. Девчушка лет десяти, которая — если правильно помню, узбечка, — первой перешла со сбора хлопка одной рукой на сбор двумя. Разом перегнав с помощью такой новации взрослых. Везде были фото этой Мамлакат, особенно в обнимку со Сталиным. А на голове девчушки — тубетейка. В честь Мамлакат и стали их шить да продавать. И кстати, очень удобный летний убор. Легкий и красивый. Потом позже вывелся — как и испанки.

СТРАНА ТРОФЕЙНАЯ

Военные времена. Насчет мужских головных ubоров не помню, чтобы менялись (как заметил читатель, вспоминая только то, что носил мужской пол; на женский долгое время не обращал внимания, отчего и остался без воспоминаний). Что даже в суровейшую первую военную зиму многие взрослые по-прежнему упрямо ходили в кепарях — это сохранилось. Потому что зафотографировалось в памяти: дуют по тротуарам с воротниками, поднятыми так, что головы не видать; и только фонтанчики пара от дыхания выбиваются — как у китов в море.

А вот мы, ребятня, сильно поразнообразили по части того, что имели наверху. Почти совершенно смело кепки — появилась возбуждающая нас экзотика: солдатские пилотки, шлемы военные различные (танковые, летчиковые, еще какие-то, обшитые противоударными валиками и необшитые). Имелись на наших руках и немецкие пилотки и военные кепари типа бейсболка, но носить их не решались; только показывали друг другу и дома примеряли. Откуда тогда доставали — хоть убей. Но держались за новое насмерть, отбивая все попытки родителей заставить носить прежнее. Мой приятель Вовка, чтобы прекратить приставания, даже выкинул на помойку кепарь и затем стойко перенес скандал. Еще бы! У него был шикарный танковый матерчатый шлем с валиками. Какая там кепка!

И нас абсолютно не смущало, что все это разнообразие было не по размеру. Иногда до такой степени, что затрудняло обзор. Но носить аккуратные кепки мы больше не желали. Считая аккуратность признаком девчонок, которых сильно презирали. Одного мальчишку со двора из-за аккуратной кепки так и прозвали: «Вовка-девка».

ДИВЕРСИЯ

После войны пошли по части головных ubоров еще сдвиги. Теперь у взрослых. И сказал бы — социально значимые. По головным уборам стали различимы социальные слои, чего в тридцатые абсолютно не было (все выглядели как все). В СССР вторглись шляпы. Буржуазный — с точки зрения тридцатых — убор. Да как вторглись! Широчайше! Почему — понятия не имею. Но уже к началу пятидесятых почти все мужское население страны ходило в шляпах. Кстати, со шляпой связана забавная устная история, отчего к концу сталинских дней впал в немилость Молотов. Толковали так (уже после смерти вождя): подошел-де как-то к окну кремлевского кабинета вождь, выглянул, а на улице море шляп. «Это что, они Молотову подражают? За ним пошли?» И врезал своему Вячеславу Михайловичу со страшной ревнивой силой.

МНОГОШЛЯПЬЕ

Кто носил шляпы? Студенчество, чиновничество. Рабочий класс — нет. Вверху тоже крепились: чуть-чуть шляп прибавилось, а так по-прежнему кепари и картузы; возможно, на Сталина с опаской косились, он вкусов не менял, правда, надел маршальскую фуражку — но ведь не шляпу же! Сложился головные уборы для артистов — кепки изощренные. «Волосатые», «мохнатые». Из красивых плотных материалов типа букле. «Лица кавказской национальности» привезли свою моду (грузины, по-моему) — белесые кепки гигантских размеров. Как маленькие зонтики. Окрещенные в Мо-

Женщины всегда стремились придать своим головным уборам замысловатую форму, и Мадонна не является исключением

Мик Джаггер — урожденный ковбой

ФОТОВАНКАЛ СПОРТ

ске «аэродромами». А еще возникли «малокозырочки» — кепки хулиганов. С шириной козырька меньше трех пальцев, сдвинутых вместе. Чем уже козырек, тем опаснее под ним тип. Два пальца — точно хулиган. Полтора — переходит на другую сторону улицы, если увидишь. Полтора пальца — это почти всегда еще финка в кармане. Хулиганье тогда вооружалось финками (ни о каком огнестрельном оружии на руках мы в ту пору не слышали).

Итак, через головные уборы стали просматриваться слои. Я лично вижу в этом ослабление железной хватки Сталина. В расцвете сил он такого не допустил бы. Очень был жесток по части социальной маскировки в лучшие свои годы. Чтобы все одевались одинаково — это был вопрос принципа.

Попутно — кое-что насчет «одинаково». Сразу в послевоенные годы Центральный комитет партии направил большую делегацию в Чехословакию. Встал вопрос — в чем ехать? Носимое здесь для поездки за границу не годилось. Слабовато. Одеваться по-буржуазному чеховцы не считали для себя допустимым. Вопрос был передан на решение аж Молотову. Тот распорядился — одеться по-традиционному (на пролетарский манер), но добротню. Во что вылилось? Всем срочно сварганили по ярко-синему драповому пальто, ярко-синей драповой кепке и ярко-синему же костюму. Две недели пребывали в Чехословакии чеховцы и только синими и ходили. Человек сорок и вместе. Позже иногда в районе Старой площади (местопребывание ЦК) попадались ярко-синие. Народ глядел: какие нарядные! А информированный человек знал: в Чехословакии побывали.

НА КОМ СИДИТ ПЫЖИК

Дальше разделение по головным уборам усугубилось. И стало для власти, даже всего строя, невыгодным. Это уже при Хрущеве и Брежнев. Тогда верхи на дотошную социальную осторожность сталинских времен плюнули. Уже не секретили, что живут много лучше, чем простой народ. В том числе это проступало и в одежде.

Настало время поговорить о появившемся знаковом головном уборе высшей элиты — пыжиковых ушанках. Где-то в шестидесятые они устроились на всех высокоответственных головах. Очень красивые и на вид сумасшедшие теплые. Из пушистого коричневого меха. И более высокие, нежели обычные. Малость тяготеющие к старинным боярским шапкам. Так вот эти ушанки нигде и никогда не продавались. Только распределялись. Причем чья-то очень большая рука распределяла. Потому что имелось две категории пыжиков: номенклатурная крупная и номенклатурная помельче (не такая высокая, и мех малость короче).

Я в ту пору ездил по областям (в качестве лектора общества «Знание», иногда ЦК) и насмотрелся на областную номенклатуру в пыжиках. Так вот, в областях только два лица имели пыжик высшей категории — первый секретарь обкома и предоблсполкома (номинально равная первому секретарю должность на самом деле мошь перед ним). У остальных высокоорудующих пыжики поплотше. Не веря глазам, что такое разделение может быть, в Волгоградском обкоме спросил у сотрудника: неужели в самом деле? Тот на полном серьезе подтвердил мое предположение.

Но общий-то результат этой номенклатурщины на голове был однозначно негативен, как говорилось, для верхов. Масса людей воочию видели, что верх обзавелся привилегиями аж вплоть до шапок. И злились на такое дело. Но власть, повторим, потеряла маскировочную осторожность и дальше теряла ее все больше. Десятилетия спокойной жизни в привилегиях усыпили ее осторожность.

Еще два слова о пыжиках. Не все на самом веру их носили. Идешь, бывало, на ноябрьской демонстрации по Красной площади — сплошная вереница пыжиков на трибуне; но изредка и не пыжик. Три головы выделялись неконформизмом: Микояна, Громыко, Сулова. У первых двух — жеванные, кособокие ушаночки серого каракуля. Явно со сталинских времен остались. А Сулов — в серокаракулевом же пирожке. Конечно, никакими намеками на несогласие с новыми

АРХИВ «ОГОНЬКА»

А еще советские власти пререржавие любили каракуль. Да это и понятно — генеральский мех

ФОТОВАНКАЛ

Посмотришь на такого мужичка в шляпе и сразу поймешь: этот Брюс Уиллис — крепкий орешек

После войны пошши по части головных уборов еще сдвиги. Теперь у взрослых. И сказал бы — социально значимые. По головным уборам стали различимы социальные слои, чего в тридцатые абсолютно не было

ФОТОВАНКАЛ

Памела Андерсон правильно рассудила: у большой звезды все должно быть большое — и рост, и брег, и головной убор

ФОТОВАНКАЛ

На концертах Элтона Джона лишь один человек имеет право не снимать шляпу — он сам

временами тут пахнуть не могло. Слишком осторожны были эти люди. Просто вся тройка выделялась стойким нежеланием одеваться модно. Бывают такие характеры.

Кстати, насчет осторожности. Работая маленьким чиновником в Министерстве иностранных дел, я сопровождал в начале шестидесятых на отдых в Кисловодск руководителя цейлонской компартии Викремасингхе — интеллигентного старого джентльмена. В санаторий к нему в первый же день приехал поприветствовать — полагалось по партийному протоколу — первый секретарь ставропольского крайкома партии Кулаков. Меня он поразили культурной речью (при Хрущеве вверх набились косноязычные). Лет через пятнадцать я увидел того же Кулакова на экране телевизора — уже секретарем ЦК КПСС в Москве (руководители края, где были партийные санатории и дачи, часто делали головокружительную карьеру — это понятно). Увидел — и был потрясен. Кулаков уже малограмотно говорил и на брежневский манер «хькал», произнося «х» вместо «г». Это же надо так — даже в манере говорить перестроиться! Чтобы не быть белой вороной на фоне генсека и его ближайших сподвижников (тоже густо хькали, и создавалось даже впечатление — подчеркивали нелады с русским языком).

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Где-то в шестидесятые власть сыграла в Москве с головными уборами в большую политику. Предстоял визит президента Франции де Голля. Деятеля, одержимого собственной страной. И вот чтобы польстить ему (а СССР обхаживал тогда Францию сильнее — в антиамериканских видах), срочно наизготавливали тьму французских национальных головных уборов — каскеток. Во всех магазинах — даже в ларьках «Союзпечати!» — продавались. Москвичи мужского пола накупали. И как раз к визиту француза добрая четверть носила каскетки. А когда кортеж ехавшего с аэропорта де Голля встречали многолюдные организованные толпы на улицах (за участие во встрече — дополнительный нерабочий день, сам ходил, знаю точно), то там едва не на каждом втором была каскетка. Не знаю уж, как такого коэффициента добились. У каскеток, кстати, оказалась вторая жизнь. Их очень стойко продолжала носить интеллигенция. Тут, несомненно, пружинной было некоторое прозападное фрондерство. Желание показать, что западное нравится. Интеллигенция тогда входила во вкус подобных жестов.

ВНЕКЛАССОВЫЙ ПОДХОД

К восьмидесятым всякие остатки «классового подхода» в шапочности испарились полностью. Заносили что угодно. И никто не придавал значения. Уж если ответственные работники Центрального комитета защеголяли в западных красивых «пирожках» из тюленьего меха — о чем тут говорить!

К концу восьмидесятых и далее дело продвинулось еще — обозначилась смелая, дотоле немислимая мода на американское. Причем не просто американское, а с американской патриотической символикой. Эмблемами флага, геральдическим орлом, сжимающим в когтях молнии. В большом ходу у молодежи стали американские военные пятистильные шапки. Тут уже чувствовалась политическая демонстрация. И действительно, в ту пору Соединенные Штаты были в большой моде. Пора влюбленности в эту страну накатила, она натурально рисовалась земным раем.

В заключение два слова о зимнем головном уборе Горбачева. Наверное, многие еще помнят — из тюленьего меха, но необычного покроя. Щегольского и замысловатого одновременно. Я лично ни на какой другой голове подобного не видел. Мне кажется, замысловатость могла быть и не случайна. Хотел Михаил Сергеевич подчеркнуть, что человек он новаторский. С прошлыми традициями решительно рвущий. В том числе и упоминавшейся пыжиковой. Ей-богу, как прямой сигнал грядущих перемен та шапка смотрелась и воспринималась. Помню даже уличные замечания: «У него все не так, даже на голове вон какой скутер!»

В общем, прошу любить и жаловать историческую химию-науку — сравнительное шапководение. ■

Все могут короли. Кроме одного — изменить этикету. А по нему как ходили принцы в начале прошлого века в цилиндрах, так и будут ходить. Только для королевы в этом вопросе существует некоторое послабление

А Юрий Михайлович не стал следовать общей моде и придумал свой собственный фасон кепки, миглом получивший в народе название «лужковка»

Говорят, что Джон Леннон очень любил цветы. Йоко Оно и смешные шляпы...

К восьмидесятым всякие остатки «классового подхода» в шапочности испарились полностью. Заносили что угодно. И никто не придавал значения. Уж если ответственные работники Центрального комитета защеголяли в западных красивых «пирожках» из тюленьего меха — о чем тут говорить!

ФОТОВАНКРЕК

ВАСИЛИЙ ДЯЧКОВ

ФОТОВАНКРЕК

ФОТОВАНКРЕК

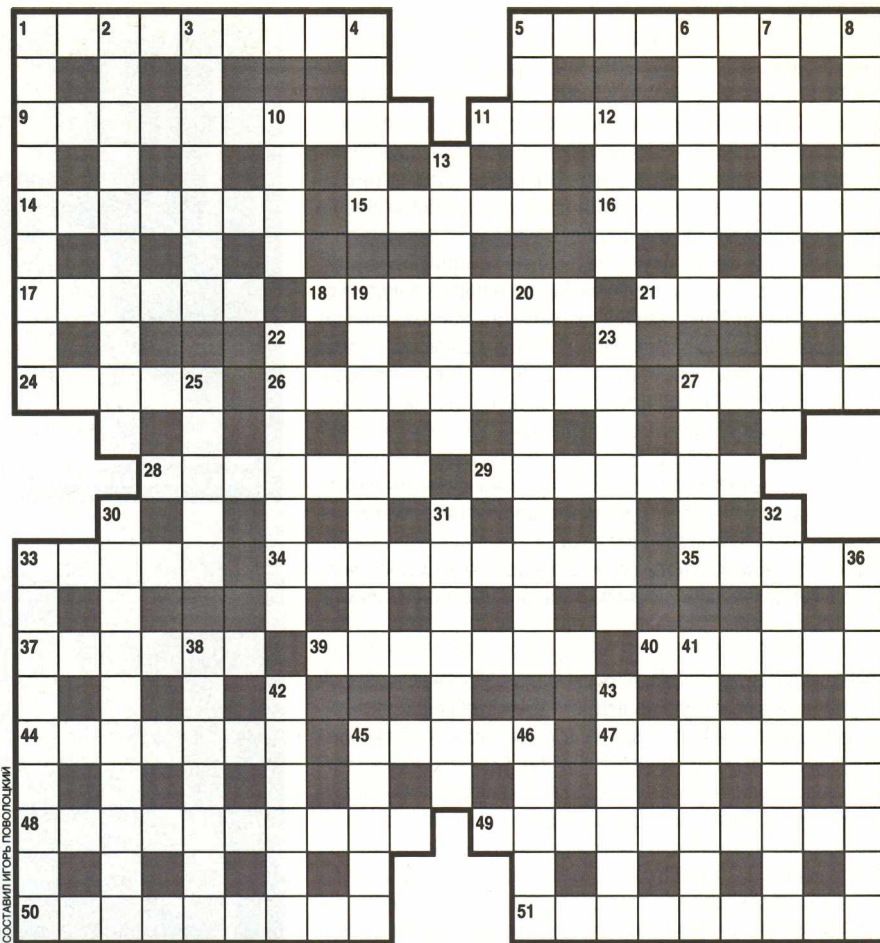
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Измерительный прибор в электротехнике. 5. Индивидуальный транспорт для детей и взрослых. 9. Это не роскошь, а средство передвижения. 11. Жанр циркового искусства. 14. Рабочее место оратора. 15. Пушной зверек с ценным мехом семейства куньих. 16. Хищный зверь. 17. Русский поэт. 18. Неловкий, невнимательный человек. 21. Ярко-красный, розовый или белый поделочный камень. 24. Оптический квантовый генератор. 26. Тринадцатикратная чемпионка СССР по теннису. 27. Любовная игра, кокетство. 28. Православная богослужебная книга. 29. Ожерелье из бус, монет, камней. 33. Кавказский горец, боровшийся против царизма. 34. Персонаж комедии А.Н. Островского «Бесприданница». 35. Гибкая трубка для отвода жидкостей и газов. 37. Речное судно на подводных крыльях. 39. Судостроение между портами одной страны. 40. Восклицание Архимеда при открытии им основного закона гидростатики. 44. Тульский аэропорт. 45. Группа сообщников. 47. Город в Азербайджане. 48. Лесная птица отряда воробьиных. 49. Суп. 50. Русский ученый, один из основателей ЦАГИ, специалист по аэродинамике самолетов и ракет. 51. Современный российский поэт, автор поэмы «Жизнь человека».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Начальная страница книги. 2. Преданность и любовь к Родине. 3. Летняя резиденция президентов Франции. 4. Свернутая в трубку бумага, ткань и т.д. 5. Мазь для обуви. 6. Город в Украине. 7. Распоряжение начальства, обязательное для исполнения. 8. Старая разбитая машина, повозка, экипаж. 10. Изъян в изделии. 12. Парижский аэропорт. 13. Хоккейный вратарь, олимпийский чемпион. 19. Величина отклонений часового маятника от среднего положения. 20. Металлическое изделие в виде нити. 22. Популярный российский актер, снявшийся в фильме «Я шагаю по Москве». 23. Государство в Европе. 25. Основатель династии русских царей и князей. 27. Предмет безусловного признания, слепого поклонения. 30. Труденик села. 31. Человек, занимающийся физическим трудом. 32. Цветник перед домом. 33. Народный артист СССР, игравший в Театре им. Вахтангова. 36. Популярный футбольный вратарь, многолетний председатель Федерации футбола Советского Союза. 38. Самый теплый регион земного шара. 41. Беззаботно-радостное времяпровождение. 42. Скелет. 43. Французская народная песня. 45. Единица количества электричества. 46. Президент одной из азиатских стран.

ОТВЕТЫ НА СКАНВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 19-20

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: Септима — Версия — Фискал — Вино — Крот — Трепет — Вассал — Комикс — Рок — Лов — Гавот — Челю — Аграф — Опрос — Галл — Скунс — Нива — Арка — Гам — Отдел — Лавр — Дик — Квота — Затон — Альфонс — Лак.

ПО ВЕРТИКАЛИ: Светило — Пята — Эркер — Полонез — Лишек — Сила — Лекало — Стив — «Ан» — Налог — Просо — Аура — Свал — Гладь — Маклер — Риф — «Алеко» — Фок — Итог — Сакс — Марк — Актив — Угол — Комната — Клест — Смак.

СОСТАВИЛ ИГОРЬ ПОВОРОСКИ

а с т р о л о з и ч е с к и й п р о з н о з 2 0 — 2 6 м а я

ОВЕН Тайная надежда понедельника — попытка утвердиться, разобраться и переосмыслить. Возрождайтесь из пепла. Сэкономить на хлебосольном вторнике не удастся. Наслаждайтесь надеждами на будущее. Тонкая и своеобразная среда помянет в кругосветное путешествие или в межпланетное пространство. Скажите: «Поехали!» — и... махните рукой. Четверг и пятница благословят ваше участие в любой сфере деятельности. Суббота зажжет в глазах огонь творчества, а воскресенье принесет внутреннее удовлетворение, если удастся найти во всем золотую середину.

ТЕЛЕЦ Верхом эпистолярного искусства станет любая депеша, созданная в понедельник. Немедленный отклик гарантирован. Вторник попытается хранить как зеницу ока ваши хрупкие мирные отношения с шефом. Пресекайте любую попытку развязать войну. Среда с четвергом не промахнутся в своем желании подкинуть на ваш жизненный путь ловушку в виде нового увлечения. Не бейтесь в силках. Реализовать сокровенные желания старайтесь в пятницу. Состояние экстаза можно испытать в выходные, если «половина» на время забудет о своей воспитательной трудотерапии на шести сотках.

БЛИЗНЕЦЫ Чувства продиктуют план существования в понедельник. Во главу его крайне важно поставить семью. Возможные осечки во вторник — лишь проба пера перед блестящим успехом. Притормозите среду, пытающуюся принять скоропалительные решения. Без лишней нервозности смотрите в четверг на безумства отпрысков. Пятница повысит ваш интеллектуальный потенциал, но выставит не самые высокие отметки. Спорьте и передавайте. Молния счастья ударит в один из выходных. Лучше, если это произойдет у тихой заводи в исконно русском лесу.

РАК Разжиться пачкой ассигнаций удастся в понедельник. Разживайтесь с оглядкой на сурово сдвинутые брови закона. Причинно-следственное хитромудрие вторника не что иное, как сплетенные судьбой сети интриг. Среда — запретная зона для чужих лап, пытающихся по кирпичику разобрать семейный очаг. Тайфуноподобный шеф вознамерится превратить четверг и пятницу в эскиз с картины Верещагина «Апофеоз войны», где ваш многострадальный череп займет центральное место. Боритесь с тираном. В выходные утолите эмоциональный голод в компании сотрапезников.

ЛЕВ Понедельник воспротивится вашему желанию посетить вышестоящих в их кабинетах (дворцах, камерах). Своевольные поступки во вторник приведут к тому, что ваша сплоченная ячейка распадется на два самостоятельных биологических индивида. Среда и четверг призваны направлять группу единомышленников к новым вершинам. Запаситесь провиантом и терпением. Пятница рискует погрузить вас в новый социальный слой. Петь в вагонах и собирать пустую тару соглашайтесь в крайнем случае. И в субботу и в воскресенье растворяйтесь в потребностях младших членов семьи.

ДЕВА Понедельник слегка подправит ваш романтизм и приземлит желания. Долго не засиживайтесь и не залеживайтесь. Во вторник придет время стоять на носу корабля. Ведите его мимо рифов. Не разделять взглядов шефа в среду физически опасно и экономически не выгодно. Четверг вместе с пятницей способны к генерированию идей и воплощению их в жизнь. Сияйте начищенным пятачком. В конце недели чутье «половины» обострится до такой крайности, что доберман-пинчер покажется вам дряхлой болонкой. Присутствуйте в семье ежеминутно.

ВЕСЫ Нарушать устои, традиции и разрывать узы в понедельник так же глупо, как ждать безумной любви во вторник. В среду можно ненадолго впасть в дежа вю. Старайтесь сделать это во время распределения командировок, убеждая шефа, что вы были везде, кроме Гавайев и Парижа. От ссылки в Малые Черноморы отказывайтесь убедительно. Обладая повышенной привлекательностью в четверг, выжмите максимум выгоды из компаньонов. Пятница напомним, что иногда хорошо бы подойти к ситуации с другой стороны. Подходите. В выходные погрейте в лучах своей энергии родных и близких.

СКОРПИОН Состояние сонливости и лени, распостранившись на большую часть понедельника, может затормозить самые смелые проекты. Разомните чресла. Активный вторник принесет роскошные плоды, которые впоследствии с аплетитом схрумкают отроки. В среду возможна размолвка с любимыми на почве борьбы за лидерство. Сорвите погоню с себя и одежды с подруги (друга). В четверг или пятницу самочувствие окажется не на высоте. Берегите себя как золотой запас Родины. Проникновенным, доверительным беседам самое время и место в выходные.

СТРЕЛЕЦ Накладки и недоразумения слегка замутят хрустальную оправу понедельника. Принимайте смелые решения. Во вторник вероятен бурный, но конструктивный разговор с «половиной». Обойдитесь без раздела имущества и выкидывания предметов домашнего обихода из окон. Победить в конкурсе, соревновании или смотре удастся в среду или в четверг. Ваш рисунок (поделка, танец, песня) переплюнет остальные. Пятница подтолкнет к обману. Лгите лишь в самых крайних случаях. В субботу любой труд на даче будет в почете. Воскресенье посвятите самообразованию.

КОЗЕРОГ Проблемы в общении с коллегами грянут в понедельник. Старайтесь коммуникабельничать. Проводить переговоры и заключать сделки остерегайтесь во вторник. Мало ли что... Включитесь в домашние заботы в среду. Легкий ремонт или генеральная уборка будут кстати. Четверг подойдет для переездов, а пятница — для путешествий. Отправляйтесь куда глаза глядят, отключив мобильник и другие средства связи. В противном случае гости потянутся вереницей как в субботу, так и в воскресенье. Рассмотрите оба варианта: сменить место жительства или накрыть столы.

ВОДОЛЕЙ Написанию важных документов, статей или писем посвятите часть понедельника. Визиты к парикмахеру, массажистам и прочим мастерам экстерера планируйте на вторник. Щеки разругаются, локоны закурятся, а шлаки разбегутся из организма. Среда удачна для покупок, а четверг — для продаж. Лабазничайте смелее. Обсудить поведение детей на семейном совете придется в пятницу. Приближение трехмесячной свободы сводит с ума самых завзятых вундеркиндов. Культурный поход в цирк, музей или зоопарк подарит много впечатлений и отнимет мало нервов в выходные.

РЫБЫ Мир и взаимопонимание украсят понедельник. Вторник, изошрясь и изобретая, добавит звонкой монеты в ваш капроновый чулок. Отправиться в поездку по приказу неугомонного шефа придется в среду. Ловите массу приятных ощущений. Четверг отдайте друзьям и подругам. Пятницу — детям, а субботу — любимым. Воскресенье приберегите для себя. Если душа рванется прочь из дома — летите на просторы необъятной Родины, если ноги подкосятся рядом с любимым диваном — падайте с легким сердцем и желтым томом.

Найдётся всё.

Яndex®
www.yandex.ru

Снова **Огонёк** в каждом доме!

Открыта подписка на **2-е полугодие 2002 года**

Наш подписной индекс: **70663**
в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» —
т. 1, стр. 241;
в каталоге Московского почтамта —
стр. 72

**Подписка принимается
во всех отделениях связи**

Он появлялся по-разному. В разное время и при различных обстоятельствах. Вне зависимости от технологии и возможностей. Он необходим — с ним связана жизнь. Жизнь, которая меняется постоянно. Жизнь, которую он освещает

ПРИЗЫ
подписчикам
на **2-е полугодие
2002 года!**

Условия на стр. 7

ЕСТЕСТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Распространение: (095) **257 3951, 257 3715**; реклама: (095) **257 3777, 250 1533, 257 3731**